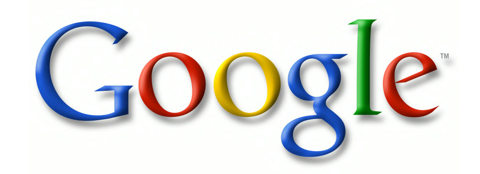

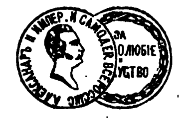
ОПЫТЪ ИСТОРІИ
СОСТОЯНІЯ
ГОРОДСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ
ВЪ
ВОСТОЧНОЙ РОССІИ.

Часть первая.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОСТОЯНІЯ ГОРОДСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ ВЪ РОССІИ И ОРГАНИЗАЦІЯ ЕГО ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

Сочиненіе Андрея Пригары.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. Головина, у Владимірской, д. № 15.
1868.

Каковы бы ни были особенности историческаго развитія русскаго народа, онъ несомнѣнно принадлежитъ къ великой индоевропейской семьѣ не по одному происхожденію, а и по направленію своего развитія. Этой семьѣ народовъ, очевидно, предназначено образовать свободныя государства, въ противоположность деспотическимъ государствамъ другихъ расъ.

Задатки развитія гражданской свободы и самоуправленія лежатъ въ среднемъ торгово-промышленномъ классѣ. Тамъ только, гдѣ онъ достигъ соотвѣтствующаго ему положенія въ государствѣ, свобода дѣлается рано или поздно достояніемъ всего народа. — У народовъ восточныхъ высшій классъ нерѣдко пользовался весьма значительными привилегіями, но съ свойственною аристократіи исключительностью онъ ревниво удерживалъ ихъ для себя. Въ государствахъ классическаго міра торгово-промышленный классъ былъ въ пренебреженіи, и потому свойственное Индо-Европейцамъ чувство свободы проявилось въ нихъ одностороннимъ образомъ въ исключительной формѣ свободы политической.

Въ до-петровской Россіи были задатки самостоятельнаго развитія средняго состоянія, какъ и у другихъ народовъ новой Европы; но крайности реакціоннаго направленія личнаго начала, выступившаго въ XVIII ст. самостоятельнымъ дѣятелемъ противъ связывающихъ началъ традиціи, привели къ подражательности, которая, если и внесла въ это развитіе новыя жизненныя начала, то въ то же время и совратила его съ естественнаго пути. Въ настоящее царствованіе снова найденъ истинный путь дальнѣйшаго государственнаго и народнаго развитія въ гармоническомъ сочетаніи личнаго начала съ признаніемъ необходимыхъ условій народной самобытности. Обратиться къ изученію прошедшаго Россіи,

чтобы познать, въ чемъ состоитъ эта самобытность, составляетъ необходимую потребность нашего времени.

Важность изслѣдованія самостоятельнаго проявленія въ Россіи тѣхъ началъ, которыя выразились въ развитіи средняго состоянія, не требуетъ никакихъ доказательствъ. Другой вопросъ, какъ я выполнилъ свою задачу. Въ этомъ я не судья.

По недостатку матеріаловъ, я долженъ былъ ограничиться въ изученіи исторіи состоянія городскихъ обывателей юридическою стороной и подробнѣйшимъ изслѣдованіемъ только главнѣйшихъ фазисовъ его развитія.

Вслѣдствіе не установившейся терминологіи, я вынужденъ былъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ безразлично смѣшивать такія существенно различныя названія, какъ сословіе и состояніе. Это требовалось самою конструкціей фразъ. Такъ, напримѣръ, говоря, о самоуправленіи состоянія, я долженъ былъ выражаться фразой: сословное самоуправленіе.

Во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній замѣчу, что подъ сословіями я разумѣю особые классы или даже частныхъ лицъ, обладающихъ самостоятельными правами по отношенію къ государству; подъ состояніями или правильнѣе, правосостояніями — общественные классы, обязанные по отношенію къ государству особыми служебностями и надѣленные отъ него особыми соотвѣтствующими ихъ служебному состоянію правами; наконецъ, гражданскими классами я называю тѣ общественныя группы, которыя образуются вслѣдствіе раздѣленія труда и различія общественнаго положенія.

Состояніе, освобожденное отъ своихъ служебныхъ обязанностей, но удержавшее свои особыя права, будетъ смѣшанною, полусословною формой. Такія состоянія являются въ эпохи перехода къ образованію свободнаго народнаго государства.

Кіевъ, 30-го мая 1867 года.

I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СОСТОЯНІЯ

ГОРОДСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ

ВЪ РОССІИ.

Нынѣ дѣйствующее законодательство не формулируетъ общаго понятія состоянія городскихъ обывателей. Оно ограничивается только тѣмъ, что перечисляетъ разряды, входящіе въ его составъ.

Родовое опредѣленіе этого состоянія встрѣчается, изъ всѣхъ отечественныхъ законодательныхъ памятниковъ, въ одномъ лишь Наказѣ Императрицы Екатерины II-й; но оно, очевидно, составлено по западнымъ образцамъ, тогда какъ русское городское состояніе, — не смотря на то, что форма западно-европейскаго городскаго управленія, сложившаяся подъ вліяніемъ средневѣковаго феодальнаго строя, чуждаго восточной Европѣ, была примѣнена къ его устройству, — образовалось и получило значеніе подъ вліяніемъ своеобразныхъ условій русской исторической жизни и мѣстныхъ особенностей страны и до сихъ поръ не утратило своей оригинальности.

По словамъ Наказа: „въ городахъ обитаютъ мѣщане, которые упражняются въ ремеслахъ: торговляхъ, художествахъ и наукахъ. Сей родъ людей, отъ котораго государство много добра ожидаетъ... есть средній. Оный пользуется вольностью, не причисляясь ни къ дворянству, ни къ хлѣбопашцамъ". Въ составъ русскаго городскаго состоянія, вопреки такому опредѣленію русской законодательницы, ни въ то время, ни потомъ, не смотря на всѣ старанія правительства, не вошли особымъ классомъ художники и ученые, которыхъ великая Императрица преждевременно поспѣшила зачислить въ разрядъ городскихъ обывателей, не причисляющихся къ дворянству.

Слѣдовательно, для того чтобъ опредѣлить кругъ нашего изслѣдованія, намъ остается обратиться къ историческимъ даннымъ.

Во времена Московскаго государства, какъ и въ наше время, тяг-

лое, или податное городское населеніе состояло преимущественно изъ людей торгово-промышленныхъ и ремесленниковъ [1]).

Собственно слово городъ, „градъ", не имѣло въ древней Руси того значенія, какое ему придаютъ въ наше время. Городомъ называлось тогда вообще всякое укрѣпленное мѣсто, въ которомъ укрывались и оборонялись отъ непріятеля. Такимъ образомъ къ числу городовъ принадлежали, какъ постоянныя крѣпости и отдѣльныя части города, имѣющія свои особыя укрѣпленія, такъ и временныя засады и обнесенные стѣнами монастыри [2]). Вокругъ постоянныхъ укрѣпленій возникали селенія, называвшіяся посадами и слободами, которые собственно и составляли городъ въ смыслѣ общества городскихъ обывателей. Эти постоянныя укрѣпленія, сдѣлавшіяся средоточіями городскихъ поселеній, возникали по мѣрѣ расширенія предѣловъ Русской земли.

Распространеніе русскихъ владѣній совершалось путемъ завоеваній и промышленной колонизаціи. Пріобрѣтая новыя земли, правители земли Русской строили города съ цѣлью утвердиться въ средѣ подчиненныхъ племенъ и обводили границы своихъ владѣній рядомъ укрѣпленій, чтобъ оградить страну отъ враждебныхъ сосѣдей. Такъ, первые князья пришельцы рубятъ города и садятъ въ нихъ мужей своихъ, и эти города становятся средоточіями управленія разрозненными племенами [3]). Владиміръ Святой строилъ города по Деснѣ, Вострѣ, Трубжовѣ, Сулѣ и Стугнѣ, чтобъ оградить русскіе предѣлы отъ печенѣжскихъ набѣговъ [4]).

Во времена удѣльныя такимъ же образомъ укрѣплялись границы княжествъ. Расположеніе многихъ городовъ по границамъ древнихъ удѣловъ указываетъ на то, что они обязаны своимъ происхожденіемъ заботливости князей объ охраненіи своихъ владѣній отъ враждебныхъ нападеній сосѣднихъ князей. Другіе города строились удѣльными пограничными правителями въ защиту отъ иноземцевъ. Такъ, Нижній-Новгородъ былъ основанъ въ видахъ огражденія предѣловъ Низовскаго княжества отъ сосѣдней Мордвы [5]). Орѣховецъ былъ заложенъ Новгородцами для охраненія прохода въ Ладожское озеро [6]). Вдоль

---

[1]) Котошихинъ гл. X. 3. 4. Акты Арх. Эксп. III, стр. 457; IV, стр. 142, 244 и др.

[2]) *Неволинъ* — Полн. собр. соч. VI, стр. 27.

[3]) Полн. собр. русск. лѣт. I, стр. 9 и 10.

[4]) Полн. собр. русск. лѣт. I, стр, 52.

[5]) Городск. поселенія Россійск. имперіи. III, стр. 239.

[6]) Тамъ же VII. стр. 544.

западной границы Псковской области тянулся рядъ пригородовъ, устроенныхъ въ видахъ огражденія Псковскихъ владѣній отъ Нѣмцевъ [1]).

Особенно много городовъ возникло въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Подчиненіе Московскимъ царямъ сопредѣльныхъ восточныхъ странъ сопровождалось постройкою городовъ и острожковъ, предназначавшихся служить оплотомъ русскаго владычества въ средѣ инородческихъ племенъ. Такъ, поводомъ къ построенію города Уфы въ землѣ Башкировъ послужила потребность въ центральномъ пунктѣ для сбора ясака [2]). Города сибирскіе возникли изъ острожковъ, устроенныхъ съ цѣлью сдерживать въ подчиненіи кочевыя сибирскія племена [3]).

Но распространеніе русскихъ владѣній совершалось не однимъ насильственнымъ подчиненіемъ инородческихъ племенъ и завоеваніемъ новыхъ земель. Русскіе промышленники, побуждаемые духомъ предпріимчивости, столь свойственнымъ великорусскому племени, заводили свои промыслы въ дальныхъ странахъ, среди враждебныхъ народовъ, и чтобъ упрочить за собою занятыя угодья, строили крѣпости и заводили поселенія. Такъ, торговый человѣкъ Гурій съ сыновьями своими Иваномъ, Михаиломъ и Андреемъ завели на устьяхъ Яика и на Каспійскомъ морѣ рыболовные промыслы, и чтобъ обезпечить свой станъ отъ враждебныхъ нападеній Ногайцевъ, Трухменцевъ, Яицкихъ и Донскихъ казаковъ, укрѣпили его острогомъ. Это положило основаніе городу Гурьеву [4]). Въ 1568 году Яковъ Строгоновъ испросилъ у царя Ивана Васильевича дозволеніе устроить соляныя варницы на пустошахъ, прилегавшихъ къ Чусовой рѣкѣ, и для береженія отъ Ногайцевъ строить тамъ крѣпости и заселять вновь устроенные города нетяглыми людьми [5]). Къ тому же времени относится устройство сторожевыхъ городовъ вдоль окраинъ Московскаго государства. Царь Иванъ Васильевичъ, въ защиту юго-восточныхъ границъ, застроилъ городами нынѣшнюю Орловскую губернію [6]), а на западѣ протянулъ линію крѣпостей вдоль Литовскаго рубежа [7]). О царѣ Ѳеодорѣ Ивано-

[1]) Тамъ же. IV, стр. 264.

[2]) Тамъ же. III, стр. 432.

[3]) Тамъ же. II.; см. Енисейскую губ., Забайкальскую область, Кяхтинское градоначальство и Иркутскую губ.

[4]) Акты. истор. IV. № 40.

[5]) Доп. къ Ак. истор. I. № 119.

[6]) Городск. пос. Россійск. имперіи. III, стр. 525.

[7]) Доп. къ А. истор. I, стр. 383.

вичѣ лѣтопись говоритъ, что онъ, „видя отъ крымскихъ людей войны многія и помысли поставить по сакмамъ татарскимъ города, послалъ воеводъ своихъ со многими ратными людьми; они же шедши, поставили города: Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйку и иные“ [1]). Во времена царя Михаила возникъ рядъ городовъ со стороны ногайскихъ кочевій [2]). Такому способу оберeганія границъ слѣдовали въ теченіе всего XVII вѣка.

Наконецъ, были города, обязанные своимъ происхожденіемъ исключительнымъ, частнымъ случаямъ. Такъ, напримѣръ, о построеніи Москвы сохранилось преданіе, что основателю ея, Юрію Долгорукому, понравилось мѣсто, гдѣ теперь стоитъ городъ, „и повеле сего ради сдѣлать малъ деревянъ градъ“ [3]). Дмитровъ былъ основанъ тѣмъ же княземъ по случаю рожденія сына [4]). Городъ Василь былъ устроенъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ съ цѣлью подорвать Казанскую торговлю [5]).

Тому же благопріятствовало торговое значеніе городовъ, расположенныхъ по границамъ. Служилые люди, какими обыкновенно заселялись сторожевые пограничные города, пользовались выгодами такого ихъ значенія и промышляли торгомъ [6]). Наконецъ, заселенію городовъ торгово-промышленными людьми содѣйствовали старанія самого правительства умножить торги ради прибыльныхъ торговыхъ пошлинъ, и въ то же время сосредоточить торговлю въ городахъ, чтобъ облегчить тѣмъ сборъ этихъ пошлинъ. Безъ того правителямъ Россіи трудно было услѣдить за торговлею.

Въ видахъ этихъ цѣлей торгово-промышленные и ремесленные люди, обѣщаніемъ различныхъ льготъ, привлекались къ заселенію городовъ. О построеніи города Холма княземъ Даніиломъ Галицкимъ лѣтопись говоритъ: „Виде же се князь Данило, яко Богу поспѣшающу мѣсту тому, нача призывати прихожи: Нѣмецъ, и Русь, и иноязычники, и Ляхи; идяху день во день и уноты, и мастерѣ всяціи бѣжаху изъ Татаръ, сѣдельницы, и лучницы, и тулницы, и кузнецы желѣзу и мѣди, и сребру и бѣ жизнь и наполниша дворы окрестъ града поля и села“ [7]).

---

[1]) Гор. пос. Рос. имп. III, стр. 18.
[2]) Тамъ же, стр. 17.
[3]) Тамъ же. VI, стр. XVIII.
[5]) Тамъ же, стр. 330.
[4]) Тамъ же. III, стр. 302.
[6]) А. ист. IV, № 76.
[7]) Полн. собр. Русск. лѣт. II, стр. 196, подъ 1259 г.

Въ 1374 году князь Владиміръ Андреевичъ построилъ крѣпость Серпуховъ, и чтобы приманить поселеніе, обѣщалъ переселенцамъ многія выгоды и льготы [1]). Въ 1564 году дозволено было Григорію Строгонову построить городъ на Орлѣ и сзывать для заселенія его не тяглыхъ и ни за кѣмъ не записанныхъ людей; новымъ же поселенцамъ обѣщано было, что отъ нихъ въ теченіе двадцати лѣтъ не будетъ требоваться ни даней, ни ямчужныхъ, ни ямскихъ денегъ, ни посошной службы, ни оброковъ. Пріѣзжимъ торговымъ людямъ дозволено было торговать во вновь устроенномъ городѣ безпошлинно [2]). Тѣ же льготы обѣщаны были поселенцамъ городовъ по Чусовой рѣкѣ, устроить которые дозволено было Якову Строгонову.

Такого рода мѣры, безъ сомнѣнія, были весьма цѣлесообразны; подъ вліяніемъ ихъ вновь устроенные города очень быстро заселялись и пріобрѣтали торгово-промышленное значеніе. Такъ, въ 1648 году воевода Яковлевъ заложилъ, по царскому указу, крѣпость Коротякъ, и новому городу дано было право безпошлинной торговли и промысловъ; вслѣдствіе этого уже въ 1651 году торговые и промышленные люди перестали ѣздить въ Воронежъ, „и всякіе промыслы отстали къ новому городу“ [3]).

Необходимость концентрировать торговлю въ городахъ очень рано сознана была правителями земли Русской. По свидѣтельству Татищева, еще Владиміръ Святой внесъ въ свой договоръ съ Болгарами условіе, чтобъ они не торговали по селамъ. Великіе князья и цари Московскіе прибѣгали къ такого же рода мѣрамъ. Во время Московскаго государства новые сельскіе торги открывались не иначе, какъ съ правительственнаго разрѣшенія и только въ такихъ селахъ, которыя, по неудобству сообщенія съ городомъ, лишились бы безъ того возможности сбывать свои произведенія [4]). Уже существующіе сельскіе торги не разъ были упраздняемы въ выгодахъ ближайшаго города. Такъ, въ 1496 году уничтожены были сельскіе торги вокругъ Бѣлоозера [5]). Въ 1539 году въ пользу города Торжка отмѣнены были всякіе торги во всемъ Новоторжскомъ уѣздѣ, за исключеніемъ села Мѣдны. Въ актѣ, въ которомъ мы находимъ это распоряженіе, опредѣленно высказана и причина, вызвавшая его: „а въ селахъ, де,

---

[1]) Исторія госуд. Россійск. V, гл. I, ст. 62.
[2]) Доп. къ А. ист. I, № 117.
[3]) Гор. пос. въ Рос. Имп. I, стр. 448.
[4]) А. Ар. Э. I, №№ 362, 366.
[5]) А. Ар. Э. I, № 132.

тутошніе люди, да и пріѣзжіе многіе торгуютъ всякимъ товаромъ безпошлинно, а таможеникамъ Новоторжскимъ пошлинъ таможенныхъ не даютъ, а въ томъ, де, нашой тамгѣ чинится убытокъ великъ" [1]). Въ 1629 году велѣно было говорить Шведамъ, пріѣзжавшимъ для торговыхъ дѣлъ въ Россію, чтобъ они торговали только въ Новгородѣ и въ Ладогѣ, а не по селамъ: „чтобы государевой пошлинѣ истери не было", потому что многіе люди торгуютъ безпошлинно по деревнямъ [2]).

Въ западной Европѣ городскія укрѣпленія ограждали поселявшихся подъ ихъ прикрытіемъ не отъ однихъ случайныхъ, внѣшнихъ нападеній. Города были тамъ убѣжищемъ отъ безправія, царившаго въ средневѣковомъ обществѣ, отъ постояннаго стремленія феодальныхъ князей и бароновъ поработить свободныхъ людей. Въ Россіи городъ не укрывалъ отъ обидъ и притѣсненій. Тѣ, которымъ становилось невыносимо жить въ самоуправномъ обществѣ, искали убѣжища не въ стѣнахъ города, а бѣжали въ степи. Безсиліе центральной власти вызвало у насъ не городскую общину, а казацкія шайки. Русскому землевладѣльцу, благодаря особымъ условіямъ страны, не такъ легко было насильственно поработить свободнаго человѣка, какъ какому-нибудь барону на Западѣ. Самому правительству предстояло бороться съ нежеланіемъ народа быть крѣпкимъ землѣ, и подчиненіе свободныхъ людей владѣльческому праву потребовало многихъ усилій со стороны правительственной власти.

Все это, какъ мы полагаемъ, достаточно объясняетъ, почему постоянное стремленіе правителей земли Русской, начиная отъ Владиміра Святаго и до Московскихъ царей, не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ и не привело къ тому, что̀ совершилось на Западѣ помимо всякихъ распоряженій, исходящихъ отъ центральной власти, вслѣдствіе развитія въ самомъ обществѣ силы, вытѣснившей изъ селъ свободный трудъ торгово-промышленныхъ людей.

Въ нашемъ отечествѣ, какъ теперь, такъ и прежде, не въ однихъ городахъ, а и по селамъ жили торгово-промышленные люди. Физическія условія страны вообще не допускали русскихъ поселянъ исключительно предаваться земледѣльческому промыслу. Мѣстныя особенности нѣкоторыхъ уѣздовъ преимущественно благопріятствовали образованію въ нихъ торгово-промышленныхъ поселеній. Такимъ былъ,

[1]) А. Ар. Э. I, № 188.
[2]) А. Ар. Э. III, № 180.

напримѣръ, Усольскій уѣздъ, находившійся на границѣ Россіи съ Сибирью и чрезъ который шелъ торговый путь въ эту богатую страну[1]). Двинскій край, прилегавшій къ Холмогорамъ и Архангельску, средоточіямъ русской торговли съ иностранцами въ XVI и XVII столѣтіяхъ, былъ также преимущественно заселенъ торгово-промышленными людьми. Тому же, вѣроятно, благопріятствовалъ и недостатокъ плодородныхъ земель въ этомъ краѣ. Такъ, въ наше время скудныя земли сѣверной части Рязанской губерніи заселены промышленниками; тогда какъ болѣе плодородная южная ея половина занята хлѣбопашескими селами. „А въ Двинской де землѣ" — показывали гости и торговые люди гостинной сотни въ 1675 году — „на посадахъ и въ уѣздахъ знающихъ и нажиточныхъ и богатыхъ торговыхъ людей, кромѣ пашенныхъ крестьянъ, много" [2]).

Съ распространеніемъ русскихъ владѣній на востокѣ распространялись и торгово-промышленныя поселенія. Лишь только разносился слухъ о привольи какого-нибудь края, промышленники спѣшили воспользоваться предстоящими выгодами и заселяли его. Такъ, при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Святогорскій житель Дементій Вороновъ, узнавъ о привольѣ прибережныхъ мѣстъ по рѣкѣ Олонцѣ, перешелъ туда съ товарищами и засталъ уже тамъ торговое поселеніе, привлеченное, какъ и онъ, выгодами того мѣста[3]).

Промышленные люди, занимавшіеся однимъ и тѣмъ же промысломъ, селились обыкновенно особыми поселеніями, называвшимися слободами. Поселенцы такихъ слободъ отправляли обыкновенно издѣльную повинность въ пользу царскаго двора и пользовались особыми льготами, отъ чего, безъ сомнѣнія, и получили свое названіе[4]).

Въ мѣстахъ, удобныхъ по своему положенію, заводились особые торжки[5]). Торговые люди селились поселками, которые назывались рядками[6]). Изъ такихъ торгово-промышленныхъ поселеній возникли многіе города. Извѣстный въ наше время Ирбитъ до 1775 года былъ торговою слободою[7]).

Ремесленники приписывались обыкновенно къ частнымъ владѣль-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. № 1916.
[2]) Доп. къ А. ист. VI, № 134.
[3]) Гор. пос. Рос. Имп. III, стр. 417.
[4]) Котошихинъ, гл. VII. 13. Доп. къ А. ист. I, № 26; А. Ар. Э. III, №№ 170, 280.
[5]) *Неволинъ* — Изслѣд. о Пятинахъ Новгор. Прилож. XII. стр. 336.
[6]) Тамъ же, стр. 319.
[7]) Гор. пос. Рос. Имп. III, стр. 645.

цамъ и монастырямъ и на нихъ работали[1]), слѣдовательно, жили какъ по городамъ, такъ и по селамъ.

Города были центрами управленія страны въ удѣльное время. Въ стольномъ городѣ сидѣлъ князь, въ другихъ городахъ мужи княжескіе, и все окружное населеніе тянуло къ городу. Весьма естественно, что пока князья переходили изъ удѣла въ удѣлъ, горожане преимущественно стольнаго города фактически пользовались выдающимся значеніемъ. Отъ нихъ зависѣло принять или не принять того или другаго князя, и то, что̀ они полагали у себя на вѣчѣ, на томъ стояли пригороды, а за ними и сельское населеніе, которое ужъ по тому одному состояло въ зависимости отъ города, что въ случаѣ вражескихъ нападеній находило убѣжище только въ стѣнахъ его. Къ рѣзкому отдѣленію горожанъ отъ поселянъ и не представлялось въ то время достаточнаго повода. О томъ свидѣтельствуютъ пашни и сѣнные покосы, какіе мы находимъ приписанными къ посадамъ въ XVII столѣтіи[2]). Жители города Шуи, напримѣръ, и во время царей Московскихъ продолжали промышлять сельско-хозяйственными промыслами[3]). Были даже и такіе города, населеніе которыхъ исключительно состояло изъ хлѣбопашцевъ. Такимъ былъ, напримѣръ, нынѣшній уѣздный городъ Нижегородской губерніи Василь, предназначавшійся, какъ мы видѣли, быть торговымъ центромъ.

Еще съ большею очевидностью это явствуетъ изъ качества повинностей, какимъ подлежали въ то время одинаково какъ поселяне, такъ и горожане. Посадскіе люди въ удѣльное время отбывали въ пользу князя и подручныхъ ему областныхъ правителей такія работы и тянули къ нему такого рода повинности, какія могли требоваться только отъ лицъ, промышлявшихъ сельско-хозяйственными промыслами. Они поставляли подводы, косили княжескіе луга, рубили ѣзъ, то-есть, устраивали по рѣкамъ хворостяные заплеты, какіе дѣлались тогда для ловли рыбы, давали намѣстникамъ кормъ натурою, если не избавлялись отъ того льготными грамотами, которыми одинаково жаловались какъ горожане, такъ и поселяне, и вообще выполняли всѣ работы — „дѣло князя", какія требовались и отъ уѣздныхъ людей[4]). Торгово-промышленное развитіе юго-западной Россіи шло гораздо бы-

---

[1]) А., отн. до юр. быта древн. Росс. II. № 127. *Григорьева* — О достовѣрн. ханскихъ ярлыковъ, стр. 125. *Аристова* — Промышл. древ. Руси, стр. 87.

[2]) А. Ар. Э. III, № 36; IV. № 133; А. ист. III, № 286.

[3]) Описан. гор. Шуи, стр. 63.

[4]) А. Ар. Э. I, №№ 17, 69, 79, 123 и др.

стрѣе. Тамъ, еще въ XIII столѣтіи великій князь Галицкій Мстиславъ Даниловичъ, установивъ ловчое въ Берестьянахъ, потребовалъ выплаты этой повинности отъ поселянъ произведеніями сельско-хозяйственнаго промысла, а отъ горожанъ деньгами [1]). И въ то время, какъ въ восточной Россіи даже въ XVII столѣтіи, посадскіе давали подводы и поставляли хлѣбъ для продовольствія войскъ, въ великомъ княжествѣ Литовскомъ статутъ короля Казимира еще въ 1457 году навсегда избавилъ мѣстичей, или посадскихъ, отъ всякаго рода издѣльныхъ повинностей [2]). Льготою не поставлять подводъ горожане пользовались тамъ со временъ Витовта [3]).

Въ то же время восточно-русскіе города, до царей Московскихъ, были не болѣе какъ огороженныя села, и исторія города и села, въ этомъ краѣ, населеніе котораго сталкивалось только съ кочевниками, сливается въ общую исторію русскаго земства временъ удѣльныхъ. Особыя права, коими пользовались въ удѣльное время торгово-промышленные люди, имѣли характеръ личныхъ привилегій и изъятій.

Начиная съ XV столѣтія уровень торгово-промышленнаго развитія восточной Россіи значительно возвышается. Такому возвышенію поблагопріятствовало измѣненіе политическихъ и экономическихъ условій. Подчиненіе удѣловъ единодержавной власти царей Московскихъ положило конецъ внутреннимъ усобицамъ; низверженіе татарскаго ига избавило въ то время страну отъ внѣшняго гнета и открыло Русскимъ путь къ торговымъ сношеніямъ съ Востокомъ; распространеніе русскихъ предѣловъ пріобрѣтеніемъ земель, богато одаренныхъ природою, расширило кругъ торгово-промышленной дѣятельности великорусскаго народа; а паденіе Новгорода и Пскова и вступленіе въ непосредственныя торговыя сношенія съ Западно-Европейцами увеличило сбытъ туземныхъ произведеній.

Стеченіе такихъ благопріятныхъ условій, усиливъ торгово-промышленную дѣятельность, значительно увеличило процентъ промышленнаго населенія въ городахъ, такъ, что для горожанъ XVII столѣтія, какъ для людей по преимуществу „не пашенныхъ", поставка хлѣбныхъ запасовъ была уже въ тягость, и они должны были покупать требуемое отъ нихъ произведеніе чуждаго имъ промысла [4]).

---

[1]) Полн. собр. русск. лѣт. I, стр. 94.
[2]) А., отн. къ ист. зап. Рос. I, № 61.
[3]) А., отн. къ ист. зап. Рос. I, № 90.
[4]) А. Ар. Э. IV, № 189.

I.

Внѣшнюю, формальную сторону своего общественнаго строя Московское государство унаслѣдовало отъ Руси удѣльной, и только постепенно, по мѣрѣ настоятельной надобности, измѣняло его согласно съ требованіями измѣнившихся обстоятельствъ или, выражаясь научнымъ языкомъ, развитіе до-Петровскаго государства совершалось органически.

Отношеніе торговыхъ людей и горожанъ къ правительственной власти царей Московскихъ, хотя по существу измѣнившееся изъ свободнаго въ обязательное, по внѣшней формѣ въ теченіе долгаго времени сохраняло слѣды типа, по которому слагались отношенія частныхъ лицъ къ удѣльнымъ князьямъ.

Въ до-Московской Россіи вся земля связывалась въ одно цѣлое общностью народныхъ интересовъ. Основаніемъ этой связи служило единство языка, религіи, обычаевъ и преданій. Выражалась она въ общемъ интересѣ борьбы народа осѣдлаго и земледѣльческаго съ кочевыми народами Азіи, которымъ былъ открытъ свободный доступъ въ страну, и въ общемъ сознаніи обязанности охранять православную христіанскую вѣру. „Зачѣмъ вы враждуете между собою“, — говорили мужи смысленные Владиміру и Святополку — „и допускаете поганыхъ губить землю русскую?“ [1]). На съѣздѣ въ Дольбскѣ Владиміръ Мономахъ, возбуждая къ походу на Половцевъ, говорилъ Святополку: „Твоя и моя дружина говорятъ обо мнѣ: онъ хочетъ погубить смердовъ и ихъ пашни. Дивно мнѣ, братъ, что вы жалѣете смердовъ и ихъ коней, не помышляя о томъ, что какъ настанетъ весна и смердъ начнетъ орать своею лошадью, наѣдетъ Половчанинъ, убьетъ смерда стрѣлою, овладѣетъ его лошадью, женою и дѣтьми и сожжетъ гумно его“ [2]). Въ 1096 году Владиміръ и Святополкъ послали сказать Олегу Черниговскому: „Приходи въ Кіевъ — подумаемъ вмѣстѣ съ епископами, игуменами, мужами отцевъ нашихъ и горожанами о томъ, какъ оборонить Русскую землю отъ поганыхъ“ [3]). Пѣсни про богатырей, борцовъ за землю и вѣру, распространялись по всей странѣ. Въ одной изъ такихъ пѣсень, а именно въ пѣснѣ про Александра Невскаго, относящейся ко временамъ татарскаго ига, съ особенною задушевностью выразилась исконная солидарность русскихъ интересовъ. Вотъ слова этой пѣсни:

---

[1]) Полн. собр. Рус. лѣт. I, стр. 94.
[2]) Полн. собр. Рус. лѣт. II, стр. 1.
[3]) Полн. собр. Рус. лѣт. I, стр. 98.

Ужь давно то христіанска вѣра
Во Росѣюшку взошла,
Какъ и весь то народъ русскій
Покрестился во нее,
Покрестился, возмолился
Богу Вышнему.
Ты создай намъ, Боже,
Житье мирное, любовное,
Отжени ты отъ насъ
Враговъ пагубныхъ,
Ты посѣй на нашу Русь
Счастье многое! [1]).

Изъ всего этого мы выводимъ, что русскому народу въ удѣльное время, недоставало только постояннаго органа единства власти, чтобы составить государственное цѣлое, и что сознаніе народнаго единства не исключалось внѣшнимъ раздѣленіемъ на удѣлы и не подрывалось въ принципѣ частными, хотя и постоянными, нарушеніями его. Удѣльный строй нельзя назвать гражданскимъ обществомъ. Подобное, напримѣръ, явленіе, какъ убѣжденіе, раздѣляемое народомъ и властью того времени, что князья *должны* быть представителями народныхъ интересовъ, не можетъ быть выведено ни изъ имущественныхъ отношеній, ни изъ договорныхъ.

Вообще Гегелевская схема о трехъ ступеняхъ общественнаго развитія не подтверждается свидѣтельствами опыта и не выдерживаетъ строгой критики. Исторія не представляетъ намъ примѣра самостоятельнаго общественнаго союза, исключительно основаннаго на имущественныхъ и договорныхъ отношеніяхъ.

Внѣшними формами народнаго единства могутъ быть только кровный — племенной и политическій — государственный союзы. Этимъ мы нисколько не отрицаемъ существованія переходныхъ формъ. Племенной союзъ, воспринимая чуждые элементы, необходимо разлагается, и регулирующая сила авторитета преданій постепенно вытѣсняется свободнымъ самоопредѣленіемъ личности; но въ то же время растетъ и зрѣетъ другая регулирующая сила политической власти, зерно которой, если можно такъ выразиться, западаетъ съ той самой минуты, когда первобытное кровное единство нарушается чуждою примѣсью. Исторія такихъ переходныхъ эпохъ состоитъ въ борьбѣ началъ гражданскихъ съ политическими; изъ нихъ первое можетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, значительно преобладать и придавать частный характеръ

[1]) Калѣки перехожіе. Вып. 3, стр. 669.

политическимъ учрежденіямъ; но допустить, что общественный союзъ можетъ слагаться изъ исключительно свободныхъ отношеній частныхъ лицъ между собою, значитъ раздѣлять ученіе о первоначальномъ договорѣ, положившемъ основаніе государству, несостоятельность котораго доказана наукою и опытомъ. Эта теорія нисколько не измѣняется и не выигриваетъ отъ того, если, отвергая общенародный contrat social, принимать за основу общежитія множество частныхъ договоровъ. Если все это такъ, то переходныя общежительныя формы, ни въ одинъ моментъ своего развитія, не могутъ быть названы гражданскимъ обществомъ, хотя бы гражданскій элементъ въ нихъ и преобладалъ, точно такъ же какъ никто, напримѣръ, не назоветъ Китай семейнымъ союзомъ изъ-за того, что тамъ политическія отношенія сложились по образцу семейныхъ отношеній.

Общественный строй удѣльнаго времени былъ переходною формою въ процессѣ образованія Русскаго государства. Поэтому въ устройствѣ удѣльныхъ княжествъ и въ кругу междукняжескихъ отношеній мы видимъ смѣшеніе началъ политическихъ съ имущественно-договорными и родственными началами. Чѣмъ болѣе удалялось общественное развитіе отъ началъ, на которыхъ зиждилось первобытное племенное единство, тѣмъ болѣе взглядъ на общественныя дѣла очищался отъ примѣси гражданскихъ понятій, тѣмъ сильнѣе дѣйствовало стремленіе къ осуществленію единства политическаго. Осуществилось оно тогда, когда, по словамъ перваго единодержавнаго царя, старые обычаи на Руси поизшаталися. Но и потомъ, когда это единство осуществилось, государственный строй долго еще носилъ на себѣ слѣды этой примѣси.

Форма народнаго политическаго единства всегда и повсюду являлась только внѣшнимъ выраженіемъ уже существующей внутренней народной связи. То же самое было и въ Россіи. Удѣльныя разграниченія не могли разобщить народъ, который сохранилъ память о своемъ единствѣ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ политическаго разъединенія, какъ доказало возсоединеніе Малороссіи съ Россіею восточною и чему въ наше время служитъ свидѣтельствомъ единство, какое связываетъ насъ съ русинскимъ населеніемъ Галиціи.

Мы готовы допустить, что въ основаніи дѣленія на удѣлы лежали племенныя подраздѣленія; но племенныя особенности, взятыя сами по себѣ, при общности языка, религіи и другихъ условій, не могутъ повести къ обособленности. Поэтому удѣльный распорядокъ имѣлъ значеніе только для князей. Частныя лица не состояли въ непосредственной, необходимой и постоянной связи съ удѣломъ, въ которомъ они

жительствовали или къ которому тянули службами, и которая необходимо существуетъ между гражданиномъ и государствомъ, къ которому онъ принадлежитъ по рожденію, и насильственно разрывается только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ. Она существовала и въ удѣльное время, но только по отношенію къ цѣлому — къ Русской землѣ. Связь частныхъ лицъ съ тѣмъ или другимъ княжествомъ имѣла случайныя и временныя основанія, а потому и отношенія ихъ къ князю устанавливались и опредѣлялись скорѣе фактическимъ положеніемъ сторонъ, чѣмъ законодательнымъ предустановленіемъ. Разъяснимъ нашу мысль примѣромъ. Извѣстно, какъ въ то время высоко цѣнилась физическая сила и воинская доблесть. Князья особенно дорожили своими дружинниками, потому что власть каждаго изъ нихъ въ частности главнымъ образомъ поддерживалась войскомъ; потому что земство всегда имѣло возможность предпочесть одного соискателя княжескаго стола другому. Саги говорятъ, что князь Владиміръ соперничалъ съ женою знаменитостью своихъ витязей. Весьма естественно, что и въ послѣдствіи каждый изъ князей удѣльныхъ старался привлечь къ себѣ на службу извѣстнѣйшихъ витязей и собрать болѣе многочисленную дружину. Пользуясь соперничествомъ князей, дружинники успѣли утвердить за собою различныя преимущества, признаніе которыхъ сдѣлалось обязательно для первыхъ, даже вопреки ихъ желанію. Бояринъ Акинѳъ отошелъ отъ Ивана Калиты къ Тверскому князю вслѣдствіе того, что великій князь Московскій поставилъ пришлаго боярина Родіона Несторовича выше его и тѣмъ лишилъ его того положенія при своемъ дворѣ, на которое онъ смотрѣлъ какъ на право, ему принадлежащее. Этотъ взглядъ, по которому притязаніе на занятіе извѣстнаго мѣста въ войскѣ или совѣтѣ княжескомъ разсматривалось какъ право, принадлежащее частному лицу, легъ въ основу древне-русской служебной іерархіи.

Лица, принадлежавшія къ классу хлѣбопашцевъ и промышленниковъ, свободно переходили изъ одного удѣла въ другой и селились тамъ, гдѣ находили это для себя выгоднѣе. Въ каждомъ изъ договоровъ удѣльныхъ князей, помѣщенныхъ въ Румянцовскомъ собраніи, встрѣчаются тѣ или другія условія относительно перехода служилыхъ и земскихъ людей изъ одного удѣла въ другой. Это доказываетъ, что такіе переходы были очень часты и представляли постоянный поводъ къ столкновеніямъ, устранить который, установленіемъ постоянныхъ правилъ относительно случаевъ подобнаго рода, сдѣлалось для князей одною изъ насущнѣйшихъ потребностей.

Условія относительно перехода земскихъ людей отъ подвластности одного князя въ подвластность къ другому можно подвести подъ слѣдующія категоріи. Въ договорахъ князей различныхъ великокняжескихъ областей между собою выговаривается для земства допущеніе безпрепятственнаго перехода изъ одного удѣла въ другой въ прямой формѣ условія: „ахрестіаномъ межъ насъ вольнымъ воля" [1]), или такіе переходы косвенно допускаются тѣмъ, что князья взаимно обязываются выдавать изъ перебѣжчиковъ только рабовъ и преступниковъ [2]). То же самое встрѣчаемъ мы даже въ договорѣ русскаго князя съ литовскимъ [3]). Въ договорахъ удѣльныхъ князей Московскихъ, которые владѣли чорными людьми и дворскими слугами сообща, дѣлясь между собою доходами, съ нихъ получаемыми, встрѣчаемъ условіе другаго рода: они взаимно обязываются не принимать ихъ къ себѣ на службу [4]). Но тѣ же лица могли свободно переходить въ удѣлы другихъ великокняжескихъ областей, такъ какъ рядомъ съ условіемъ о непринятіи ихъ на службу излагаются общія правила на тотъ случай, когда они выйдутъ изъ удѣла. Такъ, князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій завѣщаетъ дѣтямъ своимъ: „А кто будетъ надъ дворскимъ слугъ и тѣхъ дѣти мои промежъ себя не принимаютъ, ни отъ сотниковъ, а кто тѣхъ выидетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ или княгини моей инъ земли лишенъ, а земля ихъ сыну моему чей будетъ удѣлъ" [5]). Наконецъ, Новгородцы старались ограничить переходъ вообще; такъ, въ договорѣ съ Тверскимъ княземъ они ставятъ условіемъ выдавать не только холопа, но и половинника [6]). Что касается собственно перехода служилыхъ людей отъ одного князя къ другому, то право на такой переходъ признавалось за ними повсюду и всѣми. Въ договорахъ оно формулируется стереотипною фразою: „а боярамъ и слугамъ вольнымъ воля". И дѣйствительно, бояре и слуги княжескіе были вольными людьми по преимуществу. Дружинникъ былъ болѣе независимъ, чѣмъ хлѣбопашецъ, такъ какъ его профессія не связывала его съ землею, а слѣдовательно, и не ставила въ необходимость, волей неволей, подчиняться тому князю, въ удѣлъ котораго она входила, между тѣмъ какъ земледѣлецъ и промышленникъ былъ болѣе

---

[1]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 127.
[2]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, №№ 28, 32, 36 и др.
[3]) А., отн. къ ист. Зап. Рос. I, стр. 67.
[4]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, №№ 27, 33, 40.
[5]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, стр. 77.
[6]) Соб. Гор. Гр. и Д. I. Новгород. Гр. № 10.

или менѣе прикрѣпленъ къ своему хозяйству и промыслу силою привычки и затратами, на нихъ понесенными, слѣдовательно, ставился въ необходимость тянуть по землѣ и водѣ. Кромѣ того, остатки родовыхъ связей, безъ сомнѣнія, не могли совершенно утратить сдерживающую силу въ быту земцовъ; тогда какъ союзъ дружинниковъ былъ основанъ на началѣ личнаго произвола. Но дѣйствіе причинъ, обусловливавшихъ сравнительно бо̀льшую осѣдлость земства, если не исключалось, то значительно умѣрялось обиліемъ не воздѣланныхъ земель и не занятыхъ угодій и прогрессивнымъ разложеніемъ родоваго единства. Свидѣтельствомъ тому служатъ покинутые дворы, какіе мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ писцовыхъ книгахъ, и условія о переходахъ въ между-княжескихъ договорахъ. Вслѣдствіе этого, возможность поставить земцовъ, такъ же точно какъ и служилыхъ людей, въ обязательныя отношенія къ княжескому правительству была условна.

Власть удѣльнаго князя безусловно простиралась только на его поземельныя владѣнія, на ту часть земства, которая силою необходимости была прикрѣплена къ землямъ его удѣла, наконецъ, на лицъ, состоявшихъ въ гражданской отъ него зависимости, рабовъ и закладчиковъ.

Что̀ касается правъ правительственной власти надъ поземельною областью княжества, то въ этомъ отношеніи начало политическое преобладало и во времена удѣльныя надъ частнымъ правомъ. Безъ сомнѣнія, и въ этомъ случаѣ обошлось не безъ борьбы, и признаніе правъ территоріальнаго господства было только результатомъ ея.

Удѣльные князья, въ своихъ договорахъ, конечно, въ видахъ огражденія своихъ суверенныхъ правъ, должны были ставить условіемъ, чтобы князья и ихъ бояре не пріобрѣтали безъ ихъ вѣдома селъ въ предѣлахъ ихъ княженія[1]). Новгородцы также уговаривались съ своими князьями, чтобы ни они сами, ни ихъ бояре не покупали и не держали селъ въ предѣлахъ ихъ волости. „А что княже селъ твоихъ и владычныхъ и княгининыхъ и бояръ твоихъ и слугъ твоихъ на Новгородской землѣ“ — читаемъ мы въ одной изъ договорныхъ Новгородскихъ грамотъ — „которое село зашло безъ кунъ поидетъ къ Новгороду, а кто купилъ, а тый знаетъ своего истца, или дѣти его; истца ли не будетъ, ни дѣтей его, цѣловати ему хрестъ како истца не свѣдаетъ взяти ему куны колико будетъ далъ по исправѣ, а земля къ Новгороду“ [2]).

[1]) Собр. Гос. Гр. и Д. I, №№ 35, 45, 52 и др.
[2]) Собр. Гос. Гр. и Д. I, № 6.

Но начало суверен наго территоріальнаго господства, какъ мы выше сказали, одержало верхъ надъ частнымъ имущественнымъ правомъ. Отходящіе бояре не лишались княземъ селъ, принадлежащихъ имъ въ его удѣлѣ, только потому, что къ тому его обязывали имъ же заключенные договоры съ другими князьями, при чемъ, однако, села эти оставались по прежнему тянуть судомъ и данью „по землѣ и водѣ" къ верховному владѣльцу удѣла [1]). Князья, на службѣ у которыхъ состояли бояре, условливались только съ князьями, въ удѣлѣ которыхъ они жительствовали, чтобъ они блюли ихъ, какъ и своихъ [2]). Если уговора не было, то бояре и слуги, вышедшіе изъ удѣла, должны были отказаться отъ своихъ вотчинъ [3]).

Новгородъ пользовался такими же суверенными правами надъ частными владѣніями, состоявшими въ предѣлахъ его вотчины. Въ договорной грамотѣ великаго князя Московскаго Дмитрія Ивановича съ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Тверскимъ читаемъ: „а кто иметъ бояръ или слугъ Новгорода великаго и Торжку служити тобѣ, а что ихъ села, или земли и воды, то владѣетъ великій Новгородъ" [4]). Необходимая зависимость отъ князей лицъ, связанныхъ своимъ промысломъ, болѣе подходила подъ понятіе подданническихъ отношеній, чѣмъ зависимость вольныхъ слугъ и бояръ.

Часть населенія, прикрѣпленная силою обстоятельствъ къ мѣсту своей осѣдлости, предоставляла князьямъ возможность налагать податныя и служебныя обязанности, общимъ окладомъ, на цѣлые поземельные округа и круговой порукою необходимо связанныхъ съ землею домохозяевъ гарантировать свои правительственныя средства отъ случайностей, необходимо соединенныхъ съ условною зависимостью отдѣльныхъ лицъ въ частности. Это было тѣмъ болѣе необходимо потому, что обиліе не воздѣланныхъ земель уменьшало цѣну земли въ глазахъ хлѣбопашца.

Рабами и закупами князья-сонаслѣдники дѣлились между собою поголовно, какъ движимою собственностью [5]).

Въ виду такихъ условій князьямъ оставалось принимать къ себѣ на службу вольныхъ слугъ, признавая за ними преимущества, какія ими требовались, зазывать, обѣщаніемъ различныхъ льготъ, вольныхъ

[1]) Собр. Гос. Гр. и Д. I, стр. 48, 173, 176 и т. д.
[2]) Собр. Гос. Гр. и Д. I, №№ 33, 38, 46, 48 и др.
[3]) Собр. Гос. Гр. и Д. I, стр. 87, 89, 101, 103, 109 и др.
[4]) Собр. Гос. Гр. и Д. I, № 28.
[5]) Собр. Гос. Гр. и Д. I, № 21, 22 и др.

поселенцевъ на свои земли и возлагать уплату податей и отправленіе повинностей на хозяевъ-земледѣльцевъ, болѣе или менѣе связанныхъ съ своимъ жильемъ и участкомъ; наконецъ, пользуясь благопріятными обстоятельствами, распространять свою власть на людей, крайностью поставленныхъ въ необходимость добровольнаго подчиненія.

Стремленіе, тѣмъ или другимъ способомъ, расширить предѣлы своего владычества составляетъ для князей предметъ постоянныхъ заботъ. Въ жалованныхъ грамотахъ, даруемыхъ ими монастырямъ и частнымъ лицамъ, обѣщаются различныя льготы тѣмъ изъ поселенцевъ владѣльческихъ земель, которыхъ жалуемые землевладѣльцы перезовутъ изъ иныхъ княжествъ [1]). Князья пріобрѣтали себѣ слугъ даже въ предѣлахъ чужихъ владѣній. Новгородцы, во избѣжаніе этого, ставили въ своихъ договорахъ условія: „А изъ Бѣжецъ ти, княже людей не выводити въ свою волость, инъ изъ иной волости Новгородской; ни грамотъ имъ даяти, ни закладчиковъ пріимати, ни княгини твоей, ни боярамъ твоимъ, ни смерди, ни купчины..... а что закладни твои въ Торжку или инде гдѣ, или за тобою, или за твоею княгинею, или за мужи твоими, кто купецъ пойдетъ въ свое сто.....“ [2]). То же условіе встрѣчаемъ мы и въ договорахъ удѣльныхъ князей между собою. Такъ, въ договорѣ великаго князя Московскаго съ Тверскимъ читаемъ: „а закладней ти въ нашей вотчинѣ не держати“ [3]).

Замѣчательно, что въ Новгородскихъ договорныхъ грамотахъ встрѣчаемъ слѣдующій варіантъ подобнаго условія: „а что закладней за тобою въ Торжку или инде..... кто купецъ поидетъ въ свое сто, а смердъ поидетъ въ свой погостъ: *тако пошло Новгородъ*“ [4]). Изъ этого мы заключаемъ, что въ Новгородѣ поступленіе въ закладчики, по крайней мѣрѣ, de jure не избавляло отъ подданническихъ отношеній, но что такое правило было только мѣстнымъ Новгородскимъ обычаемъ и въ другихъ княжествахъ, стоявшихъ по политическому развитію ниже Новгорода, не успѣло утвердиться до времени Московскаго государства. Мы увидимъ ниже, что даже въ XVII столѣтіи тяглый человѣкъ, поступившій къ какому-либо частному лицу въ закладчики, считалъ себя въ правѣ не платить податей и не отправлять общинныхъ повинностей.

Торгово-промышленные люди могли, такимъ образомъ, состоять по

---

[1]) А. Ар. Э. I. №№ 28, 44. А. Ист. I, №№ 25, 28, 36 и др.
[2]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 8 и др. Новгор. грамоты.
[3]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 28.
[4]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 9.

отношенію къ князьямъ въ положеніи вольныхъ слугъ, поселенцевъ принадлежащихъ имъ земель и лично отъ нихъ зависимыхъ людей.

Изъ торгово-промышленныхъ людей времени Московскаго государства выдѣлялись особымъ привилегированнымъ классомъ гости и гостинная и суконная торговыя сотни.

Названіе „гость" встрѣчается на первыхъ страницахъ лѣтописи. Въ то время это были купцы, отъѣзжавшіе для своихъ торговыхъ промысловъ въ чужія земли. Князья и бояре посылали ихъ отъ себя въ Грецію. Такъ, Олегъ, желая вызвать Аскольда и Дира, посылаетъ сказать имъ: „гость есмь—идемъ отъ Олега и Игоря княжича" [1]). О томъ же свидѣтельствуетъ и договоръ, заключенный Игоремъ съ Греками. „А великій князь Русскій и бояре его" — читаемъ мы въ этомъ памятникѣ — „да посылаютъ къ великимъ царямъ Греческимъ елико хотятъ корабли со слы и съ гостьми" [2]).

Приведенное мѣсто доказываетъ, между прочимъ, что гости посылались въ Грецію не съ дипломатическою цѣлью, такъ какъ для дѣлъ собственно посольскихъ назначались особые слы. Впрочемъ, иногда они исправляли должность пословъ и выполняли порученія дипломатическаго характера. Такъ, Игорь для заключенія договора съ Греками послалъ гостей и пословъ. Но главнымъ образомъ ихъ назначеніе состояло въ томъ, чтобы „творить куплю". Не довольствуясь податью, собираемою съ полудикихъ племенъ, населявшихъ тогда Россію, князья Русскіе нуждались въ произведеніяхъ чужеземныхъ. „Хочу жити въ Переясловцѣ", говоритъ Святославъ, „яко ту вся блага сходятся: отъ Грекъ злато, поволоки, вино, овощи разноличныя, отъ Чехи же и изъ Угоръ серебро и комони" [3]). Для пріобрѣтенія-то этихъ иноземныхъ благъ князья, какъ видно, вступали въ уговоръ съ купцами, ѣздившими по торговымъ дѣламъ въ чужія земли, и посылали ихъ отъ себя съ порученіемъ промышлять за нихъ торговымъ дѣломъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ Скандинавіи. Конунгъ Олавъ Дигре, напримѣръ, послалъ своего приближеннаго Карли въ Біармію, условившись вести вмѣстѣ торговыя дѣла и поровну дѣлиться барышами [4]). Отдача товара на коммиссію и денегъ „въ гостьбу и куплю" было въ то время до такой степени въ ходу на Руси, что изъ всѣхъ возможныхъ видовъ отношеній, какіе могутъ возникнуть по дѣламъ

[1]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 10.
[2]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, стр. 20.
[3]) Тамъ же, стр. 28.
[4]) *М. Стриннгольма* — Походы Викинговъ. Ч. I, кн. II, отд. IV.

или менѣе прикрѣпленъ къ своему хозяйству и промыслу силою привычки и затратами, на нихъ понесенными, слѣдовательно, ставился въ необходимость тянуть по землѣ и водѣ. Кромѣ того, остатки родовыхъ связей, безъ сомнѣнія, не могли совершенно утратить сдерживающую силу въ быту земцовъ; тогда какъ союзъ дружинниковъ былъ основанъ на началѣ личнаго произвола. Но дѣйствіе причинъ, обусловливавшихъ сравнительно бо̀льшую осѣдлость земства, если не исключалось, то значительно умѣрялось обиліемъ не воздѣланныхъ земель и не занятыхъ угодій и прогрессивнымъ разложеніемъ родоваго единства. Свидѣтельствомъ тому служатъ покинутые дворы, какіе мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ писцовыхъ книгахъ, и условія о переходахъ въ между-княжескихъ договорахъ. Вслѣдствіе этого, возможность поставить земцовъ, такъ же точно какъ и служилыхъ людей, въ обязательныя отношенія къ княжескому правительству была условна.

Власть удѣльнаго князя безусловно простиралась только на его поземельныя владѣнія, на ту часть земства, которая силою необходимости была прикрѣплена къ землямъ его удѣла, наконецъ, на лицъ, состоявшихъ въ гражданской отъ него зависимости, рабовъ и закладчиковъ.

Что̀ касается правъ правительственной власти надъ поземельною областью княжества, то въ этомъ отношеніи начало политическое преобладало и во времена удѣльныя надъ частнымъ правомъ. Безъ сомнѣнія, и въ этомъ случаѣ обошлось не безъ борьбы, и признаніе правъ территоріальнаго господства было только результатомъ ея.

Удѣльные князья, въ своихъ договорахъ, конечно, въ видахъ огражденія своихъ суверенныхъ правъ, должны были ставить условіемъ, чтобы князья и ихъ бояре не пріобрѣтали безъ ихъ вѣдома селъ въ предѣлахъ ихъ княженія [1]). Новгородцы также уговаривались съ своими князьями, чтобы ни они сами, ни ихъ бояре не покупали и не держали селъ въ предѣлахъ ихъ волости. „А что княже селъ твоихъ и владычныхъ и княгининыхъ и бояръ твоихъ и слугъ твоихъ на Новгородской землѣ“ — читаемъ мы въ одной изъ договорныхъ Новгородскихъ грамотъ — „которое село зашло безъ кунъ поидетъ къ Новгороду, а кто купилъ, а тый знаетъ своего истца, или дѣти его; истца ли не будетъ, ни дѣтей его, цѣловати ему хрестъ како истца не свѣдаетъ взяти ему куны колико будетъ далъ по исправѣ, а земля къ Новгороду“ [2]).

[1]) Собр. Гос. Гр. и Д. I, №№ 35, 45, 52 и др.
[2]) Собр. Гос. Гр. и Д. I, № 6.

родному торговцу. Такіе торговцы пользовались, по определенію этого законодательнаго памятника, тѣмъ преимуществомъ, что въ случаѣ продажи имущества несостоятельнаго должника прежде всего уплачивались его долги имъ и иностранцамъ; мѣстные кредиторы дѣлились только тѣмъ, что́ оставалось послѣ этой уплаты [1]).

Названіе „гость" сохранилось за иногородными торговцами и во времена удѣльныя. То же имя давалось вообще всякому торговцу, не тянувшему къ владѣльцу торга [2]). Въ значеніи особаго общественнаго класса гости отличались отъ купцовъ [3]). Гостемъ назывался купецъ, промышлявшій отъѣзжимъ торгомъ или „гостьбою". „А гостю Двинскому"— читаемъ мы въ уставной Двинской грамотѣ — „гостити въ ладьяхъ или на возѣхъ" [4]). Подъ словомъ „гостьба" разумѣлась торговля въ предѣлахъ чужаго княжества, въ чужомъ городѣ, въ чужой землѣ— вообще торговля, производившаяся не на мѣстѣ постояннаго жительства. „А гостю нашему гостити въ Суздальской землѣ безъ рубежа", выговариваютъ Новгородцы въ договорѣ, заключенномъ ими съ княземъ Михаиломъ Ярославичемъ [5]). Или въ другомъ договорѣ читаемъ: „А Суздальскому гостю гостити въ Новгородѣ [6]); или: „А гостемъ вашимъ, господине, всего вашего великокняженія, гостити и торговати въ моей вотчинѣ, въ моей державѣ безъ зацѣпокъ и безъ пакости" [7]). Въ каждомъ удѣлѣ были свои гости—свои отъѣзжіе торговцы. Великій князь Иванъ Васильевичъ пишетъ въ своей духовной: „А что есьмы подавалъ дѣтемъ своимъ сельца зъ дворы зъ городцкими на посадехъ: и дѣти мои въ тѣхъ дворехъ торговъ не держатъ, ни житомъ не велятъ торговати, ни лововъ не ставятъ, ни гостей съ товарами иноземцовъ, и изъ Московскіе земле, и изъ своихъ удѣловъ дворехъ не велятъ ставити" [8]). Эти гости получали названіе отъ удѣла, къ которому тянули. Такихъ мѣстныхъ гостей встрѣчаемъ мы даже въ XVII столѣтіи, а именно, памятники того времени упоминаютъ о Новгородскихъ гостяхъ [9]). Въ другихъ городахъ, которые раньше вошли въ составъ Московскаго государства, какъ напримѣръ, въ Нижнемъ-Новгородѣ,

---

1) Изслѣд. о Рус. Пр. LV.
2) Доп. къ А. Ист. I, № 3.
3) Полн. Собр. Рус. Лѣт. III, ст. 49.
4) А. Ар. Э. I, № 13.
5) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 9.
6) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 15.
7) Соб. Гос. Гр. и Д. I, №№ 80 и 81.
8) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 114.
9) Доп. къ А. Ист. VII, стр. 310.

купцы, торговавшіе большимъ свальнымъ товаромъ и ѣздившіе по своимъ промысламъ вверхъ и внизъ по Волгѣ, назывались лучшими посадскими людьми [1]).

Гости, по существу самаго промысла, были оптовыми торговцами. Это подтверждается и историческими свидѣтельствами. На гостиномъ дворѣ, гдѣ помѣщались гости, производилась только оптовая торговля, и какъ во время великихъ князей Московскихъ, такъ и въ XVII столѣтіи имъ даже воспрещалось вести розничный, лавочный торгъ [2]).

Такъ какъ для оптовыхъ торговъ требуется болѣе значительный оборотный капиталъ, чѣмъ тотъ, какой необходимъ для производства розничнаго торга, то гости были вмѣстѣ съ тѣмъ и наиболѣе зажиточными изъ торговыхъ людей. Къ числу такихъ принадлежали также и суконники, какъ купцы, торговавшіе предметомъ роскоши — иноземнымъ товаромъ. Въ Судебникѣ царя Ивана Васильевича гости, какъ лучшіе, или наиболѣе богатые изъ горожанъ, противуполагались среднимъ и чорнымъ или молодшимъ городскимъ людямъ [3]). У гостей и суконниковъ, какъ у капиталистовъ, удѣльные князья занимали деньги [4]). О состоятельности гостей въ удѣльное время можно заключить изъ слѣдующаго разказа лѣтописи. Въ 1398 году Новгородцы заняли Двинскую землю и при этомъ захватили пребывавшихъ тамъ въ то время Московскихъ гостей и взяли съ каждаго изъ нихъ по 300 рублей откупа [5]). Въ XVII столѣтіи, по свидѣтельству Котошихина, оборотный капиталъ гостя простирался отъ 20-ти до 100 тысячъ [6]) Впрочемъ, во времена Котошихина гостьми назывались не всѣ отъѣзжіе торговцы, а только лучшіе изъ нихъ.

Изъ всего сказаннаго мы заключаемъ, что гостьми, въ значеніи общественнаго класса, назывались въ удѣльное время лица, промышлявшія отъѣзжимъ и оптовымъ торгомъ, въ противоположность купцамъ, занимавшимся розничною торговлею на мѣстѣ постояннаго жительства.

Вопросъ о томъ, въ какихъ отношеніяхъ состояли гости и суконники къ князьямъ удѣльнымъ, не можетъ быть удовлетворительно разрѣшенъ безъ сопоставленія отрывочныхъ извѣстій, относящихся къ

---

[1]) Гор. Пос. Рос. Имп. III, стр. 244.
[2]) Описан. гор. Шуи, стр. 97. Полн. Собр. Зак. № 771.
[3]) Суд. 1550 г. 26.
[4]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, ст. 102.
[5]) Полн. Соб. Рус. Лѣт. III, стр. 99.
[6]) Котошихинъ, гл. X. 1.

удѣльному времени, съ болѣе точными и подробными свидѣтельствами временъ позднѣйшихъ.

Въ договорахъ Московскихъ удѣльныхъ князей встрѣчаемъ такого рода взаимное условіе: „а гости и суконники блюсти ны съ одного и въ службу ихъ не принимати“ [1]); подобнаго же рода условіе заключалось, какъ мы видѣли выше, и относительно чорныхъ людей, тянувшихъ къ сотникамъ по мѣсту своего жительства. Московскіе удѣльные князья дѣлились доходами, получаемыми съ поселенцевъ извѣстныхъ земель и городовъ Московскаго велико-княженія; поэтому безъ сомнѣнія, для нихъ было невыгодно, когда одинъ изъ соучастниковъ въ совмѣстномъ владѣніи принималъ къ себѣ на службу лицъ, которыя до того тянули по землѣ и водѣ. Такимъ образомъ гости и суконники, на ряду съ прочимъ земствомъ, платили подать или отбывали свои повинности съ своихъ дворовъ и поземельныхъ участковъ или промысловъ, но они могли также состоять по отношенію къ князьямъ въ служебной зависимости. Такъ, Новгородцы, выговаривая въ своихъ договорахъ съ князьями, чтобъ они не принимали къ себѣ на службу купцовъ и хлѣбопашцевъ, ставятъ общимъ правиломъ, чтобы купецъ шелъ въ свое сто, а смердъ въ свой погостъ, то-есть, чтобъ они тянули за одно съ другими членами земскаго округа или земской корпораціи.

Невѣроятно, чтобы гости и суконники, какъ люди состоятельные, имѣвшіе подъ рукою свой прибыльный промыселъ, охотно мѣняли его на профессію воина. По крайней мѣрѣ, переходы подобнаго рода могли быть только случайными, и слѣдовательно, на столько рѣдкими, что вѣроятно, не дали бы повода вносить въ договоры вышеозначенное условіе.

Очевидно, что удѣльные князья, какъ и ихъ предшественники, князья Варяжскіе, и позднѣе цари Московскіе, нуждались въ службахъ торговыхъ людей. Они вели отъ себя отъѣзжую торговлю, какъ о томъ свидѣтельствуетъ условіе, встрѣчаемое въ между-княжескихъ договорахъ, которымъ они взаимно обязывались не брать торговыхъ пошлинъ съ княжескихъ товарныхъ грузовъ [2]). Новгородцы выговаривали, чтобы князья торговали на Нѣмецкомъ дворѣ въ Новгородѣ только чрезъ посредство Новгородскихъ купцовъ [3]), имѣя, безъ сомнѣнія, въ виду устранить тѣмъ производство такой торговли людьми

[1]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 33.
[2]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, стр. 99.
[3]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, стр. 10.

княжескими. Такими людьми, которымъ князья, въ томъ и другомъ случаѣ, могли „вѣрить", могли быть только лица, свѣдущія въ торговыхъ дѣлахъ, сами промышляющія купечествомъ. Несомнѣнно, что именно для службъ подобнаго рода предназначались торговые люди, поступавшие на службу княжескую.

Способъ сбора торговыхъ пошлинъ также требовалъ знакомства съ торговымъ дѣломъ. Нѣкоторыя изъ нихъ взымались не съ продажной цѣны товара, а по предварительной оцѣнкѣ, какую, безъ сомнѣнія, могли произвесть только торговые люди. Такова, напримѣръ, была пошлина, извѣстная подъ названіемъ „замытъ" [1]). За неявку пріѣзжаго купца брали съ него штрафъ (протаможье) по цѣнѣ привезеннаго имъ товара [2]). Впрочемъ, и сборъ пошлинъ съ цѣны проданныхъ товаровъ требовалъ отъ сборщика знакомства съ торговымъ дѣломъ. Такъ, въ 1658 году, когда уже всѣ мелкія таможенныя пошлины были замѣнены рублевою, взимаемою съ продажной цѣны товара, Архангельскій таможенный голова жаловался, что Холмогорскіе цѣловальники — люди пахотные, а потому не умѣютъ осматривать товаровъ [3]).

Дѣйствительно, во времена Московскихъ царей, службы гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотни состояли въ отправленіи дѣлъ, требующихъ торгово-промышленной опытности. На гостей возлагались комиссіонерскія порученія: они скупали товары для царскаго двора, производили въ пользу казны торговыя операціи и заключали подряды съ иностранцами. Они же назначались главными завѣдывателями царскихъ рыбныхъ, соляныхъ и другихъ промысловъ, приставлялись головами къ таможнямъ извѣстныхъ своимъ торговымъ значеніемъ городовъ, вѣдали соболиную казну и т. д. [4]). Одинъ изъ памятниковъ того времени въ немногихъ словахъ весьма опредѣленно характеризуетъ кругъ служебныхъ обязанностей гостей: „Гости посылались — говорится въ немъ — по указу великаго государя для купеческаго дѣла и къ таможеннымъ сборамъ" [5]). Службы гостей вознаграждались денежными и помѣстными окладами [6]) и различнаго рода при-

---

[1]) А. Ар. Э. I, стр. 447.

[2]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, стр. 136.

[3]) Доп. къ А. Ист. III, № 52.

[4]) А. Ист. V, № 43. Полн. Соб. Зак. № 782. Доп. къ А. Ист. IV, № 141; V, № 39, 40. Котошихинъ, гл. VII и X.

[5]) Полн. Собр. Зак. № 247.

[6]) Полн. Собр. Зак. № 1233.

вилегіями, которыя утверждались за ними жалованными грамотами. Въ случаѣ особенно прибыльныхъ сборовъ они награждались отъ царя похвалою, кубками и другими подарками; но если случался по ихъ винѣ недоборъ доходовъ со статьи, ввѣренной ихъ вѣдомству, въ сравненіи съ прибылями прошлыхъ лѣтъ, то и убытки, понесенные правительствомъ, взыскивались съ нихъ же [1]). Торговые люди гостинной и суконной сотни отправляли такого же рода службы, какъ и гости, а именно, завѣдывали регальными промыслами и назначались въ таможни; службы ихъ вознаграждались привилегіями, подобными тѣмъ преимуществамъ, какими пользовались гости; но нѣтъ никакихъ свидѣтельствъ, чтобъ они, подобно гостямъ, посылались съ какими-либо комиссіонерскими порученіями, и подобно служилымъ людямъ, надѣлялись денежными и помѣстными окладами.

Безъ сомнѣнія, и въ удѣльное время производство торговыхъ оборотовъ и закупокъ поручалось князьями торгово-промышленнымъ людямъ. Для рѣшенія вопроса, какимъ способомъ собирались тогда торговыя и проѣзжія пошлины и всякіе неокладные сборы, мы имѣемъ весьма мало положительныхъ данныхъ. Впрочемъ, можемъ сказать съ полною достовѣрностью, что и въ то время взиманіе такихъ сборовъ отчасти производилось приставными вѣрными сборщиками. Въ 1150 г. Смоленскій князь Ростиславъ Мстиславичъ даровалъ епископіи Смоленской и церкви Пресвятой Богородицы десятину отъ даней и другихъ доходовъ княжескихъ. Въ уставной грамотѣ, выданной имъ по этому поводу, подробно исчисляются всѣ княжескіе доходы; изъ нихъ торговыя пошлины и другіе неокладные сборы показываются въ иныхъ мѣстахъ опредѣленною суммою, въ другихъ количество тѣхъ же доходовъ не опредѣляется, а просто говорится, что изъ такихъ-то сборовъ, „что ся сойдетъ, изъ того десятина Святѣй Богородицѣ“ [2]). („Дѣдичи дань и вира 15 гривенъ, гость 7 гривенъ, а изъ того Святѣй Богородицѣ и епископу три гривны безъ семи ноготъ; на Копысѣ полюдья четыре гривны, а перевоза четыре гривны, а торговаго четыре гривны, а корчмита не вѣдомо, но что ся сойдетъ изъ того десятина Святѣй Богородицѣ; на Прупои дани десять гривенъ, а изъ того епископу гривна, а въ корчмитѣхъ не вѣдомо, но что ся сойдетъ изъ того десятина Святѣй Богородицѣ; а у Кречиты дани десять гривенъ, а Святѣй Богородицѣ и епископу гривна, а въ Лучинѣ по-

[1]) А. Ар. Э. I, стр. 327. Котошихинъ, гл. X.

[2]) Доп. къ А. Ист. I, № 4.

людья.... гривны, а мыта и корчмити не вѣдомо, но что ся сойдетъ изъ того епископу десятина; въ Оболви гостинна дань и что ся въ ней снидется изъ того Святѣй Богородицѣ").

Очевидно, что въ первомъ случаѣ пошлина взымалась оброкомъ или состояла на откупѣ, а во второмъ собиралась приставными сборщиками. Послѣдними могли быть земскіе выборные, какими были въ послѣдствіи вѣрные головы и цѣловальники, но могли также быть и лица, не принадлежавшія къ земству, а приставленныя къ сборамъ по назначенію князя, какъ гости во время Московскихъ царей по указу великаго государя. Что приставные сборщики неокладныхъ сборовъ въ удѣльное время были не тяглыми, а служилыми людьми, мы заключаемъ изъ того, что они получали кормъ отъ жителей округа, подлежащаго ихъ вѣдомству [1]); земскіе же выборные, на сколько намъ извѣстно, никогда не пользовались правомъ кормленія. Таможенные сборщики назначались, какъ намъ положительно извѣстно, изъ лицъ, состоявшихъ на службѣ у князей. Такъ, великій князь Дмитрій Ивановичъ, занявши въ 1376 году Казань, посадилъ тамъ своихъ таможенниковъ [2]). Великій князь Василій Ивановичъ овладѣлъ Псковомъ и послалъ туда своихъ *гостей* „тамгу установити" [3]).

Сборъ проѣзжихъ пошлинъ и устройство подорожныхъ мытъ производились также служилыми людьми. Такъ, въ договорныхъ Новгородскихъ грамотахъ читаемъ: „А дворянамъ твоимъ, княже, ходити яко пошло исперва, а отъ Новгородца и Новоторжца у мыта имати отъ воза по двѣ векши и отъ хмельна короба; а за волокъ ти мужа своего не слати, слати Новгородца" [4]). Или въ другомъ мѣстѣ: „А дворянамъ твоимъ у купцовъ повозовъ не имати развѣ ратной вѣсти, а свободъ и мытовъ въ Новгородской области не ставить".

Если на службѣ княжеской состояли лица, промышлявшія торгомъ, то, безъ сомнѣнія, ихъ по преимуществу посылали съ порученіями подобнаго рода.

Начиная со времени Ивана III, по крайней мѣрѣ въ области Московскаго великокняженія, устанавливается различіе между гостемъ и отъѣзжимъ торговцемъ; слово „гость" перестаетъ обозначать только купца, торгующаго въ чужой землѣ. Такъ, Иванъ III запретилъ отъѣзжимъ торговцамъ ѣздить въ Азовъ безъ пословъ и засчитываетъ

[1]) А. Ар. Э. I, № 15.
[2]) Истор. Госуд. Рос. V, стр. 25.
[3]) Истор. Госуд. Рос. VII, пр. 71.
[4]) Собр. Рос. Гр. и Д. I, стр. 3.

въ число ихъ гостей и купцовъ, изъ чего очевидно слѣдуетъ, что въ то время не всякій отъѣзжающій торговецъ былъ гостемъ [1]). Значеніе установившагося различія между купцомъ, промышлявшимъ отъѣзжимъ торгомъ, и гостемъ выясняется позднѣйшими свидѣтельствами. Во время царей Московскихъ названіе „гость“, которымъ прежде именовали вообще всякаго отъѣзжаго торговца, какъ состоявшаго, такъ и не состоявшаго на службѣ княжеской,—какъ о томъ можно заключить изъ вышеприведеннаго условія, какимъ взаимно обязывались Московскіе удѣльные князья,—стало исключительно усвоиваться въ видѣ почетнаго званія торговымъ людямъ, отправлявшимъ извѣстнаго рода службы не по выбору, а по царскому назначенію“ [2]).

Мы полагаемъ, что названіе гость удержалось за тѣми изъ гостей, которые въ удѣльное время состояли на службѣ у князей, а они, въ свою очередь, были пріемниками купцовъ дружинниковъ прежняго времени.

Что касается привилегій, какими пользовались гости во время царей Московскихъ, то мы полагаемъ, что такого же рода преимущества усвоивались служилымъ торговымъ людямъ и прежде того, во время удѣльное.

Удѣльные князья прибѣгали къ выдачѣ жалованныхъ грамотъ, какъ къ средству привлекать къ себѣ слугъ и поселенцевъ на свои земли. Такъ, мы выше уже говорили, что Новгородцы ставили условіемъ въ своихъ договорахъ съ князьями, чтобъ эти послѣдніе не выводили Новгородцевъ въ свою волость и не надѣляли ихъ жалованными грамотами. Въ договорахъ Московскихъ удѣльныхъ князей между собою встрѣчаемъ такого же рода условія: „А въ той ми удѣлъ грамотъ жалованыхъ не давати“,—пишетъ великій князь Дмитрій Ивановичъ въ своемъ договорѣ съ двоюроднымъ братомъ, княземъ Владиміромъ Андреевичемъ,—„такожъ и тобѣ въ мой удѣлъ и во все мое великое княженіе не давати своихъ грамотъ, а которые грамоты буду подавалъ, а тобѣ тако же брату моему молодшему грамоты отоимати кому будешъ подавалъ въ моемъ княженіи“ [3]).

Нуждались или нѣтъ удѣльные князья въ личныхъ службахъ торговыхъ людей, они во всякомъ случаѣ должны были дорожить подданничествомъ зажиточныхъ торгово-промышленныхъ людей. Если читатель припомнитъ то, что̀ мы выше говорили объ условности под-

---

[1]) *Соловьевъ*—Истор. Рос. V, 247.

[2]) Истор. Госуд. Рос. V, стр. 68.

[3]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 27.

даннической зависимости въ удѣльное время, то согласится, что съ нашей, по крайней мѣрѣ, точки зрѣнія весьма естественнымъ послѣдствіемъ этой условности было, между прочимъ, то, что купцы и промышленники, пользуясь своимъ значеніемъ, имѣли возможность выговорить и утвердить за собою такого рода преимущества, какія наиболѣе благопріятствовали ихъ промыслу, какими дѣйствительно и были привилегіи гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотни.

Въ 1643 году царь Михаилъ Ѳеодоровичъ пожаловалъ гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотни: даровалъ имъ, взамѣнъ утраченныхъ ими во время Московскаго разоренія жалованныхъ грамотъ, выданныхъ царями Иваномъ Васильевичемъ, Ѳеодоромъ Ивановичемъ и ихъ преемниками, одну общую грамоту за красной царской печатью, въ которой, какъ и въ потерянныхъ грамотахъ, исчислены были всѣ льготы, которыми гости и торговая гостинная сотня, какъ прежде, такъ и послѣ того пользовались [1]). Эта грамота выдана была на имя всего класса гостей и торговыхъ людей гостинной сотни; но древняя форма условія привилегій сохранилась и послѣ того. Всѣ лица, возводимыя въ званіе гостей, получали особыя грамоты, онѣ выдавались на ихъ собственное имя, и въ нихъ прописывалось содержаніе общей грамоты Михаила Ѳедоровича [2]). Одна эта форма указываетъ уже на то, какимъ путемъ возникли преимущества гостей и торговыхъ сотень.

Положительныя извѣстія о сообщеніи лучшимъ торговымъ людямъ, посредствомъ жалованныхъ грамотъ, различныхъ льготъ, какія подтверждены были за ними грамотою царя Михаила Ѳеодоровича, и восходятъ за царствованіе Ивана Васильевича, но нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній предполагать, чтобы привилегіи гостей были впервые имъ усвоены именно въ царствованіе Грознаго. Со времени усиленія Московскихъ великихъ князей, политика Московскаго правительства клонилась скорѣе къ ограниченію и отмѣненію установившихся привилегій, чѣмъ къ допущенію и введенію новыхъ. Притомъ льготы гостей и торговыхъ сотень видимо установились не законодательнымъ, а договорнымъ путемъ, что никакъ не могло случиться во время единодержавія. Наконецъ, въ числѣ памятниковъ удѣльной старины дошла до насъ одна грамота времени великаго князя Дмитрія Ивановича [3]), которая очень напоминаетъ тѣ, которыми въ послѣдствіи

[1]) Доп. къ А. Ист. III, № 44.

[2]) А. Ист. V, № 43; Полн. Собр. Зак. № 782.

[3]) Доп. къ А. Ист. I, № 9.

жаловались гости, и даетъ намъ поводъ думать, что льготы зажиточнѣйшихъ изъ торгово-промышленныхъ людей, состоявшихъ на службѣ у князей, установились и упрочились за ними задолго до царя Ивана Васильевича и даже далеко прежде великаго князя Дмитрія Ивановича.

Грамота, о которой мы говоримъ, была пожалована какому-то Микулѣ и его дѣтямъ, и на сколько можно понять изъ уцѣлѣвшихъ отрывочныхъ словъ,—такъ какъ документъ этотъ дошелъ до насъ, къ сожалѣнію, въ дурно сохранившемся видѣ,—подтверждаетъ только за Микулою привилегіи, дарованныя его предку еще дѣдомъ великаго князя Дмитрія Ивановича. Привилегіи эти состояли въ томъ, что Микула и дѣти его были избавлены отъ обязанности тянуть заодно съ Новоторжцами, то-есть, съ тяглыми обывателями того города, гдѣ они жили, и освобождены отъ всякихъ проѣзжихъ и торговыхъ пошлинъ и отъ суда намѣстниковъ. Они сами и ихъ домочадцы подлежали только суду княжескому. Хотя въ грамотѣ и есть пропущенныя мѣста, но судя по связи уцѣлѣвшихъ словъ, мы имѣемъ основаніе полагать, что въ исчисленіи означенныхъ привилегій заключается все ея содержаніе.

Прежде всего возникаетъ вопросъ, къ какому классу общества принадлежало лицо, пожалованное приведенною грамотою, и по какому случаю, въ вознагражденіе какихъ услугъ или подъ условіемъ какихъ службъ усвоены были ему исчисленныя преимущества?

Микула, на имя котораго была выдана грамота, былъ торговымъ человѣкомъ. Это мы заключаемъ изъ слѣдующаго мѣста грамоты: „Что купитъ или продастъ, или его дѣти—не надобѣ имъ ни тамга, ни восьмичное....“. И притомъ онъ былъ торговцемъ отъѣзжимъ, потому что грамота избавляетъ его отъ костки и порубежнаго—проѣзжихъ пошлинъ, которыя собирались только съ отъѣзжихъ торговцевъ. Извѣстно, что съ лицъ, не промышлявшихъ торгомъ, проѣзжія пошлины не собирались [1]).

Еслибъ онъ относился къ князю какъ владѣлецъ поземельнаго участка въ границахъ удѣла, то льготы, ему пожалованныя, окупались бы извѣстнымъ оброкомъ, или были бы ему усвоены только на опредѣленное время, по истеченіи котораго онъ долженъ былъ бы тянуть заодно съ другими тяглыми людьми.

Примѣръ отношеній перваго рода представляетъ положеніе дру-

[1]) *Аристова*—Пр. др. Руси. Стр. 221.

гаго Новоторжца Евсюка, современника Микулы. По грамотѣ того же князя Дмитрія Ивановича, онъ былъ освобожденъ отъ даней яма, подводъ и торговыхъ пошлинъ, и взамѣнъ всего этого обязанъ былъ платить оброкъ въ 5 кунъ [1]). Временныя льготы сообщались обыкновенно переселенцамъ изъ другихъ удѣловъ. Но объ оброкѣ въ грамотѣ нѣтъ ни слова; привилегіи, какими пользовались Микула и его дѣти, перешли къ нимъ по наслѣдству и были утверждены за ними не на опредѣленный срокъ. Очевидно, что грамота выдана была подъ условіемъ извѣстныхъ службъ, подобно тому, какъ въ послѣдствіи такого же рода грамотами жаловались гости и торговые люди гостинной сотни въ вознагражденіе своихъ службъ и заслугъ. Права и привилегіи гостей состояли въ огражденіи ихъ независимости и устраненіи отъ нихъ всѣхъ возможныхъ поводовъ къ столкновеніямъ съ посредствующими представителями власти; та же цѣль проглядываетъ и въ тѣхъ изъятіяхъ, какія сдѣланы были въ пользу Новоторжца Микулы, вслѣдствіе чего даже слуги его, какъ и слуги гостей, избавлены были отъ намѣстничьяго суда. Наконецъ, льготы, какими пользовался Микула, перешли къ нему по наслѣдству отъ отца и дѣда; подобнымъ же образомъ переходили часто и привилегіи гостиннаго званія. Такъ, въ 1679 году пожалована была грамота на званіе гостя Михаилу Гурьеву за службу дѣда его Гурія, дядей Михаила и Андрея и отца Ивана Гурьева [2]). Около того же времени переписана была на имя гостя Никифора Веневитинова грамота, пожалованная отцу его, Ѳедору Веневитинову [3]).

Первая грамота на гостинное званіе изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ относится къ концу XVI столѣтія. Въ ней впервые слово „гость“ употребляется въ значеніи почетнаго званія и извѣстной служебной должности. Царь Борисъ Ѳедоровичъ пожаловалъ Новгородскаго торговаго человѣка Соскова, *наименовалъ его гостиннымъ именемъ и повелѣлъ ему быть въ гостяхъ* [4]).

Въ XVII вѣкѣ, какъ это уже было нами замѣчено выше, названіе „гость“ жаловалось какъ почетное званіе и опредѣляло вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстный кругъ служебныхъ обязанностей. Замѣтимъ, что такое же измѣненіе произошло и съ названіемъ бояринъ. Какого рода были службы и заслуги, въ вознагражденіе которыхъ Московскіе цари жаловали

---

[1]) Доп. къ А. Ист. I, № 8.
[2]) Полн. Собр. Зак., № 782.
[3]) А. Ист. V, № 43.
[4]) Доп. къ А. Ист. I, № 147.

лучшихъ торговыхъ людей гостиннымъ именемъ, видно изъ перечисленія ихъ въ самыхъ жалованныхъ грамотахъ. Такъ, Θеодоръ Веневитиновъ былъ пожалованъ гостиннымъ именемъ за свои службы у Архангельской корабельной пристани, по кабацко-таможенному сбору въ Казани и по сборамъ съ икрянаго промысла. Онъ же Веневитиновъ, въ теченіе семи лѣтъ, проводилъ изъ разныхъ городовъ въ Москву хлѣбные запасы и указалъ болѣе удобный путь для перевозки ихъ; подалъ проектъ о сборѣ нодатей съ Мордвы деньгами, а не натурою, какъ это дѣлалось прежде, и наконецъ, завелъ на пустырѣ въ Старой Русѣ соляную варницу, что̀, слѣдуя его примѣру, сдѣлали и другіе торговые люди и „тѣмъ учинили государю великую прибыль“.

Права гостей XVII столѣтія состояли въ слѣдующемъ: имъ дозволялось торговать всякимъ товаромъ, исключая заповѣднаго, и ѣздить для своихъ торговъ, съ вѣдома бояръ и приказныхъ, въ другія, не враждебныя Россіи, государства. Они были избавлены отъ общаго земскаго тягла, мостовой, подводной и постойной повинности, и отъ обязанности ставить избы на земскомъ дворѣ. Во время своихъ разъѣздовъ гости не платили проѣзжихъ пошлинъ и вмѣстѣ съ семьей и слугами не были подсудны боярамъ, воеводамъ и приказнымъ людямъ, а судились во всякихъ дѣлахъ въ Приказѣ Большой Казны. На судѣ гости и ихъ дѣти и племянники лично къ присягѣ не приводились, а за нихъ цѣловали крестъ ихъ слуги. Гостямъ дозволялось держать у себя, но только для собственнаго употребленія, а не на продажу, всякіе крѣпкіе напитки „безъявочно и безвымочно“. Принадлежащія имъ жилыя строенія и мыльни могли быть отапливаемы круглый годъ, между тѣмъ какъ всѣмъ другимъ, изъ опасенія пожаровъ, запрещалось въ лѣтнее время разводить въ своихъ домахъ огонь и топить бани. За безчестіе гостямъ платилось 50 рублей.

Московская гостинная и суконная сотни состояли изъ торговыхъ людей, чередовавшихся между собою служебною повинностью, и въ вознагражденіе своихъ службъ, пользовавшихся различными льготами и изъятіями. Службы торговыхъ людей гостинной сотни, какъ и гостей, состояли въ завѣдываніи сборомъ торговыхъ пошлинъ и царскими промыслами. Относительно гостей они всегда занимали второстепенныя мѣста. Такъ, напримѣръ, если гость назначался головою, то торговые люди гостинной сотни состояли при немъ старшими, а суконники младшими цѣловальниками [1]).

[1]) Котошихинъ, гл. X.

Что касается историческаго происхожденія этихъ сотень, то за неимѣніемъ положительныхъ указаній, намъ остается основать свои предположенія на этотъ счетъ на тѣхъ данныхъ, которыя у насъ подъ рукою. Названія гостинной и суконной сотни не встрѣчаются въ памятникахъ удѣльной старины, именно въ то время, когда слово „гость“ не означало служебной должности, а равно относилось ко всякому отъѣзжему торговцу, какъ состоявшему, такъ и не состоявшему на княжеской службѣ. Далѣе, торговые люди гостинной и суконной сотни, какъ вообще всѣ другіе земскіе тяглецы, по очереди выбирались на службу, а гости, какъ служилые люди, назначались къ должности и посылались съ порученіями по назначенію царя; гости получали помѣстья и владѣли вотчинами, тогда какъ торговые люди всѣхъ другихъ разрядовъ этимъ правомъ не пользовались. Извѣстно, что вотчинами въ Московскомъ государствѣ, за исключеніемъ Новгородской области, владѣли только лица, состоявшія на службѣ княжеской, духовныя власти и монастыри, и что вотчинныя имущества состояли во владѣніи частныхъ лицъ подъ условіемъ службъ [1]). Наконецъ, одни только гости ни въ какомъ случаѣ не тянули за одно съ посадскими, торговые же люди гостинной и суконной сотни избавлялись отъ городскаго тягла только подъ условіемъ продажи своихъ дворовъ.

Изъ этого всего мы заключаемъ, что гостинная и суконная сотня образовались изъ гостей и суконниковъ Московскаго великокняженія, которыхъ по уговору Московскіе удѣльные князья не принимали къ себѣ на службу, а блюли сообща. Службы свои они отбывали какъ земскую повинность, въ противоположность гостямъ, которые были служилыми людьми.

Торговые и промышленные люди соединялись въ средніе вѣка въ особыя корпораціи. По уставной грамотѣ великаго князя Всеволода Мстиславича, выданной имъ на пользованіе извѣстнымъ оброкомъ съ вѣсу вощанаго церкви святаго Іоанна Предтечи, на Опокахъ, сборъ вѣсчой пошлины предоставляется корпораціи Иванскихъ „пошлыхъ“ купцовъ. Вступленіе въ эту корпорацію обусловливалось вкладомъ въ 50 гривенъ. Новгородскимъ посадникамъ и боярамъ воспрещено было вмѣшиваться въ дѣла Ивановскаго торга и корпораціи пошлыхъ Иванскихъ купцовъ. Изъ этой корпораціи въ сборщики вѣсчой пошлины назначались старосты, которые сообща вѣдали дѣла торговыя,

[1]) *Неволина* — Полн. Собр. Соч. IV, стр. 134 и 135.

гостинныя и судъ торговый, и въ вознагражденіе своихъ службъ пользовались извѣстною долею сбора[1]).

Указаніемъ на служебное положеніе гостей, въ противоположность земскому значенію торговыхъ сотень, служитъ, наконецъ, слѣдующее. Въ 1659 году возникъ споръ между гостями и дьяками о томъ, кому изъ нихъ быть выше честью. За основаніе рѣшенія этого спора принято было сравненіе служебнаго значенія этихъ должностей, и такъ какъ дьяки бывали у государева дѣла съ боярами, а гости ни у какого государева дѣла съ боярами не бывали, а посылались только по указу великаго государя для купеческаго дѣла и къ таможеннымъ сборамъ и съ давнихъ временъ писались ниже дьяковъ, то указано было: „дячью чину быть честью выше гостиннаго имени“[2]).

Такимъ образомъ гостинное имя, какъ и чинъ дьяка, обозначало служебную должность; торговые же люди гостинной и суконной сотни, хотя и отправляли службы, подобныя тѣмъ, какія возлагались на гостей, независимо отъ отправляемой должности, служебнаго значенія не имѣли. Въ приведенномъ спорѣ дѣло шло только объ опредѣленіи служебнаго ранга гостей, торговые же люди гостинной и суконной сотни не занимали никакого мѣста въ служебной іерархіи, потому что принадлежали къ земству.

Во время Московскихъ царей отличіе гостей отъ торговыхъ людей гостинной и суконной сотни не имѣло, впрочемъ, основаній въ дѣйствительности, а держалось силою преданія. Въ удѣльное время для того, чтобы привлечь лучшихъ торговыхъ людей на службу, необходимо требовалось гарантировать имъ извѣстныя права; во время Московскаго единодержавія служба была для всѣхъ безусловно обязательна, и лучшимъ торговымъ людямъ усвоивались права гостиннаго званія только въ силу укоренившагося обычая. Поэтому гости, утративъ на дѣлѣ значеніе служилыхъ людей, стали постепенно утрачивать его и легально. Ихъ перестали верстать вотчинами и помѣстьями[3]), а въ 1666 году имъ даже запрещено было покупать вотчины безъ особаго разрѣшенія[4]). Запрещеніе это было подтверждено и въ 1679 году[5]).

---

[1]) Доп. къ А. Ист. I, № 3.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 247.
[3]) Соб. Гос. Гр. и Д. III, стр. 395.
[4]) Полн. Собр. Зак., № 390.
[5]) Полн. Собр. Зак., № 767.

Въ XVII столѣтіи гостинная и суконная сотня составляли корпораціи торговыхъ людей; изъ нихъ каждая отбывала особенно свои служебныя повинности и за одно съ черными людьми ничѣмъ не тянули. Торговые люди гостинной сотни пользовались тѣми же льготами, какъ и гости, исключая права владѣть вотчинами [1]). Права торговыхъ людей суконной сотни были болѣе ограничены. Такъ, они не были вполнѣ изъяты отъ мостовой повинности и въ дѣлахъ душегубныхъ, татебныхъ и разбойничьихъ подлежали воеводскому суду [2]). Торговые люди каждой изъ сотень раздѣлялись по состоянію на лучшихъ, среднихъ и младшихъ людей [3]). Различіе между ними состояло въ количествѣ платы за безчестіе, а младшіе люди суконной сотни лишены были еще, кромѣ того, права, принадлежавшаго лучшимъ и среднимъ людямъ той же сотни, ставить на судъ къ присягѣ вмѣсто себя своихъ слугъ. Какъ торговые люди гостинной и суконной сотни, такъ и гости имѣли своихъ головъ и старшинъ [4]).

Со времени государственнаго объединенія Россіи и распространенія власти великихъ князей Московскихъ на все пространство земли Русской, подданническія отношенія стали постепенно обращаться изъ свободныхъ въ обязательныя, при чемъ самыя отношенія по своему существу оставались тѣми же, какими установились они во время удѣльнаго разновластія, и государство, по своему строю и управленію, продолжало сходствовать съ строемъ и управленіемъ древнихъ удѣловъ. Первоначально измѣненіе состояло только въ томъ, что для всѣхъ княжествъ Москва получила значеніе стольнаго города. Вмѣстѣ съ тѣмъ Московскіе гости и суконники, изъ всѣхъ другихъ, подобныхъ имъ корпорацій, одни удержали за собою льготы, какими пользовались купеческія сотни стольныхъ городовъ въ удѣльное время. Но хотя привилегіи остались прежними, поступленіе въ эти корпораціи изъ свободнаго обратилось въ обязательное. Московскія торговыя сотни гостей и суконниковъ, пополнявшіяся въ удѣльное время вольными переселенцами изъ чужихъ княжествъ, со времени царя Ивана Васильевича стали пополняться лучшими торговыми иногородными людьми, которые переводились въ Москву и приписывались къ сотнямъ, часто вопреки собственному ихъ желанію [5]).

---

[1]) Котошихинъ, гл. X.

[2]) А. Ар. Э. III, № 253.

[3]) Улож. гл. X, § 94. Доп. къ А. Ист. III, стр. 151. А. Ар. Э. III, № 253.

[4]) А. Ист. V, стр. 68.

[5]) Доп. къ А. Ист. III, № 47. IV.

Тяглое городское населеніе состояло изъ торговыхъ посадскихъ и черныхъ городскихъ людей, промышлявшихъ ремеслами и отчасти хлѣбопашествомъ. Подданническія отношенія горожанъ, какъ и поселянъ, и во время царей Московскихъ продолжали устанавливаться и опредѣляться тѣмъ же путемъ и на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и во время удѣльное. Селился, напримѣръ, крестьянинъ на одной государевой землѣ и давалъ отъ себя запись всѣмъ крестьянамъ той волости, что онъ, какъ только минутъ льготные годы, станетъ вмѣстѣ съ ними платить всякія подати [1]), — или на монастырской, и обязывался передъ игуменомъ въ томъ, что кромѣ оброковъ и работъ въ пользу монастыря, онъ будетъ платить дани и оброки и всякія государевы подати [2]). Такъ же точно и поселявшіеся на городской землѣ рядились съ посадскими людьми посадское тягло дѣлать [3]).

Гулящіе люди, не владѣвшіе землею и ни къ чьему тяглу не приписанные, какъ приписывались, напримѣръ, по Уложенію наймиты и лавочные сидѣльцы къ посадскому тяглу, продолжали быть людьми вольными и не несли никакихъ податей и повинностей. Единственный примѣръ поголовнаго сбора съ нетягловыхъ людей встрѣчаемъ мы въ уставной грамотѣ Соловецкаго монастыря, данной въ 1564 году крестьянамъ Сумской волости. По этой грамотѣ крестьяне волостные и деревенскіе, которыхъ судилъ тіунъ Сумскій, обязаны были платить ему съ головы „по московкѣ" [4]). Слѣдовательно и въ этомъ случаѣ дѣло шло только о такихъ казакахъ, которые постоянно жительствовали въ волости или деревнѣ, въ качествѣ ли наймитовъ, приписанныхъ къ чужому тяглу, или бобылей, состоявшихъ на половинномъ тяглѣ. Названіе казакъ имѣло, какъ извѣстно, значеніе шире, чѣмъ слово гулящій человѣкъ.

Для того, чтобы поставить гулящихъ людей въ обязательныя отношенія, цари Московскіе прибѣгали къ тому же средству, какимъ пользовались и князья удѣльные для подчиненія своей власти лицъ, ей не подлежащихъ: привлекали ихъ обѣщаніемъ льготъ и подмогъ къ заселенію не занятыхъ поземельныхъ участковъ [5]). Наконецъ, прикрѣпленіе поселенцевъ владѣльческихъ и черныхъ земель не распространилось на лица, не владѣвшія самостоятельно особыми поземельными

---

[1]) А. Юр., № 187.
[2]) А. Юр., стр. 195 — 202.
[3]) А. Юр., № 195.
[4]) А. Ар. Э. I, № 269.
[5]) А. Ар. Э. II, № 133; III, № 217, стр. 321.

участками и промысловыми угодьями[1]). Такъ, по Уложенію, изъ трехъ братьевъ посадскихъ при живомъ отцѣ одинъ могъ перейдти въ служилые люди, потому что въ семьѣ оставалось, кому наслѣдовать тяглый дворъ, а вмѣстѣ съ нимъ и податныя обязанности, на немъ лежащія[2]). Для заселенія городовъ и селъ указывалось, и послѣ прикрѣпленія крестьянъ, сзывать на не занятые еще участки охочихъ людей, не состоявшихъ въ тяглѣ и ни къ чьему тяглу не приписанныхъ.

Такимъ образомъ и при царяхъ Московскихъ, какъ и во время удѣльное, подданническая зависимость земскихъ, не служилыхъ людей, сводилась на поземельныя и договорныя отношенія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старое начало, по которому всякій тянулъ по землѣ и водѣ, осталось также въ полной силѣ.

Изъ земель Московскаго государства однѣ состояли въ непосредственномъ владѣніи царя, другія принадлежали частнымъ лицамъ. Царскія земли дѣлились на черныя и дворцовыя. Черныя земли были „искони вѣчными“ государевыми землями[3]) и раздавались во владѣніе вольнымъ поселенцамъ подъ условіемъ платить сообща цѣлымъ податнымъ округомъ всякія государевы подати и отбывать различнаго рода работы и повинности въ той же мѣрѣ, въ какой по раскладкѣ на ихъ долю прійдется[4]).

Во время удѣльное лица, свободныя по своему званію отъ податей и повинностей, могли пріобрѣтать съ княжескаго разрѣшенія черную землю, и въ такомъ случаѣ земля эта перествала тянуть къ волости или городу. Если же подобное пріобрѣтеніе дѣлалось безъ княжескаго разрѣшенія, или когда черныя земли покупались боярами и служилыми людьми иныхъ княжествъ, то владѣльцы пріобрѣтенныхъ тяглыхъ участковъ не освобождались отъ общаго тягла; если же они не желали тянуть за одно съ черными людьми, то земли эти отъ нихъ отбирались[5]).

По общему правилу и во время Московскихъ царей дѣти боярскія и приказныя, занявшія тяглую городскую землю, тянули сообща съ черными людьми[6]). Но въ то же время выработывается другое правило, что служилые люди, какъ обязанные служебнымъ тягломъ

[1]) *Бѣляева* — Крестьяне на Руси. Стр. 114.
[2]) Улож. гл. XIX, § 27.
[3]) А. Ар. Э. IV, № 32, 36.
[4]) А. Ар. Э. III, № 138. Доп. къ А. Ист. I, № 57.
[5]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 33. А. Юр. № 9. А. Ар. Э. I, № 20.
[6]) А. Ар. Э. III, № 37.

несовмѣстимымъ съ отправленіемъ обязанностей земскаго тягла, не могутъ тянуть съ черными людьми, по этому на дѣлѣ, они перестали тянуть къ земской общинѣ. Въ XVII столѣтіи оказалось нужнымъ воспретить не тяглымъ людямъ пріобрѣтать тяглые участки; но воспрещеніе это, какъ подробнѣе будетъ разказано ниже, не привело къ желанному результату, и правительство вынуждено было уступить силѣ обстоятельствъ. Поэтому оно кончило тѣмъ, что допустивъ бѣломѣстцевъ владѣть въ Москвѣ городскою черною землею, поставило имъ въ условіе плату извѣстнаго оброка. Этимъ оброкомъ дворовый участокъ обѣливался, то-есть, переставалъ тянуть во всѣ мірскіе разрубы и разметы. Владѣльцы земель, по своему служебному значенію не тянувшіе къ городу и волости, вообще назывались бѣломѣстцами, а владѣнія ихъ бѣлыми [1]).

Владѣніе дворцовыми землями оплачивалось опредѣленными работами на царя или поставками во дворецъ различныхъ продуктовъ для царскаго обихода [2]), которые не избавляли впрочемъ дворцовыхъ крестьянъ отъ уплаты другихъ податей, хотя и въ меньшемъ количествѣ сравнительно съ черными людьми [3]). Но вѣроятно, такой порядокъ установился только во время Московскаго единодержавія, когда фактическое отличіе дворчанъ отъ черныхъ людей стало сглаживаться. Какъ можно заключить изъ льготныхъ оброчныхъ грамотъ удѣльнаго времени и мѣновой грамоты великаго князя Ивана Васильевича съ Владиміромъ Андреевичемъ, дворцовые слуги были абсолютно избавлены отъ всякихъ земскихъ тягостей, за исключеніемъ своихъ спеціальныхъ работъ и оброковъ. Отъ даней и кормовъ они, какъ кажется, и въ послѣдствіи освобождались, тогда какъ черные волости никогда не избавлялись отъ даней и давали кормы мѣстнымъ властямъ и царскимъ посланцамъ до царствованія Грознаго, когда эта повинность смѣнилась оброкомъ, который также не взымался съ дворцовыхъ селъ и слободъ [4]). Въ средѣ тяглыхъ общинъ дворчане всегда оплачивали всякія подати и повинности установленнымъ оброкомъ [5]). Оброкомъ называлась, опредѣленная выплата или работа, которая

---

[1]) Полн. Соб. Зак. № 1157 и 1357.

[2]) А. Ар. Э. I, № 9, 152; III, № 280, 281. Доп. къ А. Ист. V, стр. 327. Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 187 и др.

[3]) А. Ар. Э. IV, № 250.

[4]) А. Ар. Э. I, № 3, 143, и 147. Доп. къ А. Ист. I, № 26; *Чичерина* — Област. учрежд. Рос. въ XVII в., стр. 530.

[5]) А. Юр. № 229, 231. Гор. Пос. въ Рос. Имп. III, стр. 297.

вообще или въ частности избавляла отъ неопредѣленной обязанности тянуть то или другое тягло, то-есть, цѣлымъ округомъ, подъ гарантіею круговой отвѣтственности, платить поборы, какіе потребуются, и отбывать работы, какія окажутся нужными для извѣстнаго рода дѣлъ или въ пользу извѣстныхъ лицъ[1]). Такъ какъ податная плата съ промышленнаго угодья опредѣлялась его доходностью, то и она также называлась оброкомъ[2]).

Историческое происхожденіе различія черныхъ и дворцовыхъ земель объясняется тѣмъ, что князья часть изъ своихъ земель отдавали въ пользованіе свободнымъ поселенцамъ, а другую заселяли лицами, состоявшими въ служебной зависимости отъ нихъ, обязанными на нихъ работать. Поэтому-то дворцовыя земли назывались въ удѣльное время землями служни[3]), а поселенцы этихъ земель противополагались чернымъ людямъ, какъ слуги княжескіе[4]). Такимъ образомъ черные люди состояли по отношенію къ князьямъ въ поземельныхъ, а дворцовые, въ служебныхъ отношеніяхъ. Обязательная зависимость тяглыхъ людей поддерживалась круговой порукой, а служебныя отношенія дворчанъ опредѣлялись личнымъ уговоромъ. Оброчная повинность была для послѣднихъ тѣмъ же, чѣмъ была воинская служба для служилыхъ людей. Спеціальное служеніе избавляло и тѣхъ и другихъ отъ земскаго тягла.

Поселенцы владѣльческихъ земель тянули оброками и повинностями къ землевладѣльцамъ[5]), что̀, впрочемъ, не избавляло ихъ отъ обязанностей по отношенію къ государству; но они не тянули къ волостямъ и окладывались, обыкновенно, меньшимъ податнымъ окладомъ[6]). Съ тѣхъ поръ какъ отправленіе служебныхъ обязанностей сдѣлалось тягломъ землевладѣльцевъ, эта льгота обратилась въ общую привилегію всего состоянія служилыхъ людей. Грамоты, избавлявшія отъ обязанности тянуть къ волости, всего чаще давались монастырямъ, а потому въ монастырскихъ селахъ было льготнѣе жить, чѣмъ на какой-нибудь другой землѣ[7]).

Тяглое населеніе, безъ различія посадскихъ отъ поселянъ, разсма-

---

[1]) А. Ар. Э. I, № 9, 19, 28, 69 и др.
[2]) А. Ар. Э. III, № 288.
[3]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, стр. 56.
[4]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, стр. 77 и др.
[5]) А. Ист. I, № 180, 243. А. Ар. Э. I, № 251 и 290.
[6]) А. Ар. Э. I, № 281; III, № 61, 43, 159. А. Юр., стр. 218—236.
[7]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 202.

тривалось какъ источникъ правительственныхъ средствъ для покрытія всякихъ расходовъ, требующихся по управленію. Такъ какъ потребности правительственныя не имѣли въ до-Петровское время надлежащей опредѣленности, то и подати и повинности не были постоянны, а имѣли случайный характеръ: они требовались по мѣрѣ надобности и каждый разъ для тѣхъ опредѣленныхъ нуждъ, въ удовлетвореніи которыхъ настояла въ данное время потребность. Это видно уже изъ самаго названія различныхъ сборовъ: полоняничный, пищальный, ямской, стрѣлецкій и т. д. Постояннымъ сборомъ была только дань. Издѣльныя повинности были столь же разнообразны и многочисленны. Таквми были: повинность княжескаго дѣла, во время удѣльное, городовое дѣло, ямская гоньба, строеніе тюремъ и приказныхъ избъ и другія во время Московскихъ царей.

Въ памятникахъ удѣльной старины мы не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы горожане платили какія-либо особыя подати или отбывали особыя повинности. Еще въ началѣ XVI столѣтія они, кромѣ различныхъ податей, давали кормы правительственнымъ лицамъ, отводили постой княжескимъ посланцамъ, поставляли имъ подводы и проводниковъ и отбывали различнаго рода издѣльныя повинности, какія требовались и отъ сельскихъ крестьянъ: ходили на мѣдвѣдя, копали пруды, строили мосты и т. д. [1]). Постепенное развитіе матеріальнаго отличія селъ отъ городовъ, которое, вмѣстѣ съ измѣненіемъ политическихъ условій, привело къ формальному отличію ихъ легальнаго положенія въ Московскомъ государствѣ, связано съ исторіею образованія податной единицы.

Податная единица по своему происхожденію была общею для селъ и городовъ. Установилась она подъ вліяніемъ рѣшительнаго преобладанія въ странѣ сельско-хозяйственнаго промысла и примѣнительно къ хлѣбопашескимъ поселеніямъ, какими нѣкогда были какъ села, такъ и города.

Первые князья собирали подать съ дыма или съ рала, однимъ словомъ, съ сельско-хозяйственнаго участка. Въ послѣдствіи такими же податными участками принимались равнозначущіе дыму и ралу—дворъ, тягло, но только въ значеніи составной части болѣе широкой податной единицы — сохи. Сохою называлась собственно поземельная мѣра. Вообще у Русскихъ было въ обычаѣ расширять значеніе слова по мѣрѣ надобности расширить самое понятіе, имъ обозначаемое. Такъ,

---

[1]) А. Ар. Э. I, № 147, 158.

напримѣръ, въ Астрахани названіе рыбы обозначало извѣстную единицу рыбной мѣры; въ удѣльное время подъ именемъ ладьи понимали также и товарный грузъ. Очевидно, что по своему происхожденію соха, въ смыслѣ податной единицы, соотвѣтствовала ралу или дыму и только со временемъ, подъ вліяніемъ условіи подданническихъ отношеній во время удѣльное, которая вызвала необходимость круговой поруки, расширилась въ понятіе извѣстнаго поземельнаго пространства, совмѣщающаго въ себѣ какъ заселенные участки, такъ и пустоши.

Дѣленіе на сохи было общимъ какъ для городовъ, такъ и для селъ; но пахотныя земли распредѣлялись на сохи по числу четвертей, а посады по числу дворовъ [1]). Дворъ, какъ податная единица, по происхожденію своему имѣлъ значеніе опредѣленнаго сельско-хозяйственнаго участка. Во время Московскаго государства посадскій дворъ уравнивался съ обжею, то-есть, какъ показываетъ самое названіе этой поземельной мѣры, съ хлѣбопашескимъ участкомъ. „А дворъ посадскій противу обжи, а обжа противу посадскаго двора разметамъ равны“ [2]).

Въ Писцовыхъ Новгородскихъ Книгахъ число обжъ находится постоянно въ приблизительномъ соотвѣтствіи съ числомъ дворовъ. Уклоненія отъ этого соотвѣтствія могутъ быть легко объяснены тѣмъ, что обжа была нормою величины хозяйственнаго участка, но въ дѣйствительности всѣ хозяйственные участки не были одинаковы.

Искусственное уравненіе посадскаго двора съ хлѣбопахотнымъ хозяйственнымъ участкомъ, безъ сомнѣнія, было нѣкогда дѣйствительнымъ, Таково происхожденіе всякихъ фиктивныхъ представленій, начало которыхъ относится ко временамъ народнаго младенчества. Способность абстрактнаго обобщенія, какъ въ отдѣльномъ человѣкѣ, такъ и въ народѣ, является только результатомъ позднѣйшаго развитія.

Впрочемъ, не одни города, а иногда и уѣздныя земли росписывались на сохи и выти, не по числу четвертей, а по дворамъ; это примѣнялось преимущественно въ краяхъ промышленныхъ, гдѣ оказывался недостатокъ въ пахотныхъ земляхъ [3]).

Поземельныя сохи не были одинаковы. Величина ихъ зависѣла отъ качества земли и отъ того, къ какому разряду земля причислялась. Таковы были дворцовыя, черныя, монастырскія, вотчинныя и помѣст-

---

[1]) А. Ар. Э. I, № 234; А. Юр. № 229 и 231.

[2]) А. Ар. Э. I, № 234.

[3]) А. Юр. № 334.

ныя сохи. Худой земли въ составъ сохи входило больше, чѣмъ земли средняго качества, и земли средняго достоинства больше, чѣмъ хорошей. Неодинакова была величина и посадскихъ сохъ. Дворовъ лучшихъ посадскихъ людей входило въ городскую соху меньше, чѣмъ дворовыхъ участковъ среднихъ и младшихъ людей [1]). Были сохи и въ 62 [2]) и въ 64 [3]) и въ 138 [4]) и въ 392 двора [5]).

Между городами, какъ и между селами, были и дворцовые и владѣльческіе. Еще въ 1681 году дворцовыми городами считались: Болохна, Плесо, Дмитровъ, Соль Большая, Соль Малая, Скопинъ, Молога, Бѣлоозеро, Мосальскъ, Перемышль, Угличъ, Романовъ, Вага и Олонецъ [6]). Населеніе такихъ городовъ обложено было натуральными повинностями въ пользу царскаго двора. Такъ, напримѣръ, жители Юрьевца-Повольскаго обязаны были поставлять рыбу къ царскому столу [7]). Болохонцы доставляли съѣстные припасы и напитки „для царскаго обихода“ [8]).

У насъ на Руси, относительно, весьма рано исчезаютъ владѣльческіе города. Какъ скоро въ городахъ началъ преобладать элементъ промышленнаго населенія, Московскіе властители, ревнуя о своей выгодѣ, стали заботиться о томъ, чтобъ оградить горожанъ отъ владѣльческой эксплуатаціи.

По Судебникамъ Ивана III и Ивана IV никто не могъ сдѣлаться холопомъ „по городскому ключу“ [9]). Самое выдѣленіе горожанъ въ особое состояніе было прямымъ слѣдствіемъ правительственнаго стремленія не допустить владѣльческіе элементы развиться на счетъ свободы городскихъ промысловъ. Тѣ же цѣли преслѣдовались издавна и литовско-польскимъ правительствомъ; но слѣды владѣльческихъ городовъ сохранились въ юго-западной Россіи до нашего времени, несмотря на то, что необходимость отдѣлить города отъ селъ была тамъ сознана гораздо раньше, чѣмъ въ восточной Россіи. Причина тому заключается не въ исконномъ отсутствіи въ восточной Россіи владѣль-

---

[1]) Временникъ IX. стр. 60.
[2]) А. Ар. Э. I, № 343.
[3]) Истор. Гос. Рос. IX, прим. 816.
[4]) А. Юр. № 229.
[5]) А. Ар. Э. IV, № 6.
[6]) А. Ар. Э. IV, № 250.
[7]) А. Ар. Э. III, № 10.
[8]) Гор. пос. Рос. Имп. III, стр. 297.
[9]) Суд. 1550 г., 76.

ческихъ городовъ, какъ думаютъ нѣкоторые [1]), а въ томъ, что власть Московскихъ царей рано развивалась на счетъ всѣхъ другихъ элементовъ общественной власти, тогда какъ власть Литовско-Польскихъ королей прогрессивно падаетъ рядомъ съ развитіемъ власти магнатовъ, и правительство оказывается несостоятельнымъ осуществлять свои виды.

Монастыри, какъ извѣстно, обносились обыкновенно стѣнами, вокругъ которыхъ селились торгово-промышленные люди. Изъ такихъ поселеній возникали многіе города. Образовавшіеся такимъ путемъ посады были въ такой же владѣльческой зависимости отъ монастыря, какъ и села, принадлежащія ему. Такъ, Тихвинскій посадъ состоялъ во владѣніи Тихвинскаго монастыря. Монастырскія власти вѣдали въ городѣ судъ и расправу [2]). Посадскіе тяглецы тянули къ нимъ своими податями и повинностями, и въ силу обязательства—живучи за монастыремъ, „ни за кого не рядться", —были крѣпки землѣ [3]). Кромѣ монастырскихъ, были посады, состоявшіе во владѣніи свѣтскихъ лицъ. Такъ, Романовскій посадъ принадлежалъ татарскимъ мурзамъ [4]).

Посады раздавались въ частное владѣніе даже и въ XVII вѣкѣ, какъ мы сказали. Такъ, въ 1655 году, въ уваженіе того, что вотчины Бѣлоозерскаго монастыря были опустошены Поляками и Литовцами, данъ былъ ему въ Холмогорскомъ уѣздѣ Ненакоцскій посадъ „со всѣмъ, что къ той Ненoксѣ изстари потягло" [5]).

Царь Алексѣй Михайловичъ, награждая князя Трубецкаго „за его многія службы", грамотою 17-го марта 1660 года, пожаловалъ ему прародительскую его вотчину, городъ Трубчевскъ съ уѣздомъ и со всѣми городскими служилыми, жилецкими и уѣздными людьми, кромѣ Трубчанъ—дворянъ и дѣтей боярскихъ, переведенныхъ сюда изъ иныхъ городовъ [6]).

Въ свою очередь въ каждомъ городѣ были царскіе дворы, поселенцы которыхъ не тянули съ тяглыми горожанами, а отбывали свои повинности работою на государя [7]), тяглые дворы и дворы лицъ сво-

---

[1]) Какъ напр. г. Лешковъ.
[2]) А. Юр. № 64.
[3]) А. Юр. № 69, 194 и 195.
[4]) А. Ар. Э. III, № 70.
[5]) А. Ист. III, № 61.
[6]) Гор. пос. Рос. Имп. III, стр. 576.
[7]) А. Юр. № 229. «На посадѣ жъ дворы царевыхъ и великаго князя Мережниковъ.... а съ черными людьми не тянутъ ни во что»....

бодныхъ отъ тягла, какъ-то: бояръ, патріарха, монастырскіе, церковные, дворы церковныхъ служителей, служилыхъ и людей низшихъ разрядовъ. Изъ служилыхъ людей, владѣвшихъ городскими дворами, постоянно въ нихъ жительствовали только тѣ, которые тянули къ городу своею службой; другіе, живучи въ уѣздѣ или состоя на царской службѣ, имѣли по городамъ дворы для того, чтобъ имѣть убѣжище во время непріятельскаго нашествія для себя и своихъ людей. Такіе дворы назывались осадными и раздавались бѣломѣстцамъ въ видѣ помѣстій или покупались ими у тяглыхъ людей. Кромѣ того, на посадахъ были торговыя оброчныя мѣста и заведенія, какъ-то: лавки, прилавки, лубняки, амбары, шалаши, столы и рундуки для мѣстныхъ и гостинные дворы для пріѣзжихъ торговцевъ [1]). Въ городскихъ дворахъ, принадлежавшихъ бѣломѣстцамъ, и въ владѣльческихъ пригородныхъ слободахъ жили по большей части, по крайней мѣрѣ до прикрѣпленія крестьянъ, лица, состоявшія у нихъ на службѣ, какъ-то: дворники, сторожа, повара, конюхи и всякіе мастеровые люди [2]).

Посадскіе каждаго города связывались во время Московскихъ государей въ одно особое цѣлое, въ одну общину круговою отвѣтственностью въ дѣлѣ уплаты податей и отправленія повинностей. Всякія подати и службы налагались общимъ сошнымъ или дворовымъ окладомъ. Пустыя мѣста оплачивались всѣмъ обществомъ [3]). Лучшіе или состоятельнѣйшіе изъ тяглецовъ платили за несостоятельныхъ [4]). Они же преимущественно несли и служебную повинность и выбирались къ государевымъ и земскимъ дѣламъ [5]). Бывали случаи, что частные кредиторы высказывали притязаніе требовать отъ городскаго общества уплаты долговъ, числившихся на членахъ посадской общины, которые сами не въ состояніи были ихъ уплатить [6]). Это показываетъ, какъ тѣсно было связано въ глазахъ народа понятіе объ общинѣ съ идеей круговой отвѣтственности.

Налагаемыми тягостями посадскіе раскладывались по животамъ и по промысламъ особо отъ уѣздныхъ людей, которымъ предписыва-

---

[1]) А., отн. до юр. б. др. Рос. № 10 и 11. А. Юр. №№ 229 и 231. Опис. гор. Шуи, стр. 35. А. Ар. Э. I, № 205; III, № 138. Доп. къ А. Ист. I, № 69 и др.

[2]) А. Ар. Э. IV, № 32. Гор. пос. Рос. Имп. III, стр. 244. *Неволина* — Изслѣд. о Пятин. Новгор. Прилож. I, стр. 42. А. Ист. III, стр. 65.

[3]) А. Ар. Э. III, № 13.

[4]) Временникъ. XXIV. Смѣсь.

[5]) Доп. къ А. Ист. I, № 167; III, № 19. А. Ист. III, № 185 и др.

[6]) А. Ист. III, № 92. IX.

лось верстаться по животамъ и по сохамъ[1]). Но иногда и города расписывались на сохи въ рядъ съ уѣздами и на однихъ и тѣхъ же основаніяхъ[2]), или для отправленія какой-либо повинности соединялись съ селами въ одинъ податный округъ, такъ что посадскіе должны были отбывать эту повинность сообща съ волостными и владѣльческими людьми[3]). Независимо отъ дѣленія на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей, посадскіе дѣлились на сотни и десятки. Подати и повинности раскладывались общинною раскладкою по сотнямъ, а въ сотняхъ по десяткамъ и тягламъ; въ каждой сотнѣ были свои особыя разметныя книги[4]). Въ удѣльное время раскладка эта производилась мірскимъ сходомъ[5]), а со времени царя Ивана Васильевича выборными присяжными — земскими цѣловальниками[6]).

Круговая отвѣтственность общины не ограничивалась кругомъ податныхъ обязанностей. Горожане платили виру за убійство, совершенное въ предѣлахъ города, когда нельзя было доискаться виноватаго[7]). Вмѣстѣ съ тѣмъ имъ было, безъ сомнѣнія, предоставлено право изгонять изъ посада по мірскому приговору лицъ зазорнаго поведенія, которые могли ввести ихъ въ отвѣтственность[8]).

На обязанности земства лежало также помогать правительственнымъ сыщикамъ ловить лихихъ людей—разбойниковъ, а когда общины стали жаловаться, что имъ отъ этихъ сыщиковъ „волокита велика", а между тѣмъ разбойники разоряютъ села и деревни и грабятъ по дорогамъ, тогда и самое губное дѣло было положено на крестьянскіе души, то-есть, земству указано было выбирать губныхъ старостъ и въ помощь имъ старостъ, десятскихъ и лучшихъ людей, чтобъ они сыскивали, ловили и казнили разбойниковъ собственною расправой[9]). Къ податной посадской общинѣ приписывались выгоны, пашни и не заселенные тяглые участки[10]). Пашнями и выгонами горожане пользовались сообща и платили съ нихъ оброкъ[11]).

---

1) А. Ар. Э. I, № 234.
2) А. Ар. Э. III, № 129. IV, № 6. А. Ист. III. № 285.
3) Акт. гор. Шуи. № 14.
4) Суд. 1550 г. 72.
5) А. Ар. Э. I, № 234, 250.
6) А. Ар. Э. III, № 37.
7) А. Ар. Э. I, № 123, 143. А. Гор. Шуи № 37.
8) А. Юр. № 64, II, Опис. гор. Шуи стр. 455.
9) А. Ар. Э. I, № 187. Доп. къ А. Ист. I, № 31. А. Ист. I. № 155.
10) А. Гор. Шуи № 2.
11) А. Ар. Э. III, № 37.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что посадскіе владѣли своими тяглыми участками на правахъ частной собственности: свободно отчуждали ихъ лицамъ, которыя по закону имѣли право владѣть тяглыми дворами, и передавали ихъ по наслѣдству [1]). Пахотныя же земли, приписанныя къ посаду, состоя въ общемъ владѣніи, шли въ передѣлъ. Такъ было, напримѣръ, въ Шуѣ [2]). Приписка пустопорожнихъ мѣстъ къ общинамъ и общее владѣніе пустошами было издавна на Руси дѣломъ обычнымъ. „То, господине, пустоши Великаго Князя нашія волости Южскія, а косили, господине, тѣ пустоши мы",—говорятъ на судѣ крестьяне Южской волости [3]). Такія пустоши приписывались къ общинамъ изъ видовъ фискальныхъ. Земля составляла главный источникъ доходовъ княжескихъ; но если она не была заселена, то оставалась мертвымъ капиталомъ. При невозможности заселить всѣ пустоши, которыя тянули къ удѣлу, князьямъ оставалось возложить податную отвѣтственность по этимъ землямъ на осѣдлое населеніе княжества, которое силою обстоятельствъ было прикрѣплено къ землѣ. Такимъ образомъ пустоши оплачивались круговою отвѣтственностью тяглецовъ той общины, къ которой онѣ были приписаны. Но приписывая пустопорожнія земли къ городамъ и волостямъ, князья не утрачивали надъ ними права собственности, и если находили нужнымъ, отбирали ихъ у общинъ и давали имъ другое назначеніе. Такъ, тяглыя земли раздавались въ помѣстья и съ дозволенія князя отчуждались отъ волости въ частное владѣніе, при чемъ не находили даже нужнымъ дѣлать это съ вѣдома крестьянскаго общества [4]). Поэтому, хотя раздача пустыхъ участковъ въ тягло подъ новыя поселенія и составляла прямой интересъ общинъ, но не усвоивалась имъ какъ несомнѣнное право и часто довѣрялась воеводамъ и приказнымъ [5]).

Во время царя Ивана Васильевича автономія уѣздныхъ и городскихъ общинъ была расширена тѣмъ, что многимъ изъ нихъ было предоставлено право судиться своими выборными судьями [6]). Поводомъ къ тому было намѣреніе царя избавить крестьянство отъ многихъ „продажъ и убытковъ", коими обременяли ихъ намѣстники съ ихъ

---

[1]) А. Юр. № 23, 85, 136, 175 и 257.

[2]) Опис. гор. Шуи, стр. 63.

[3]) А. Юр. № 3. См. тамъ же стр. 269.

[4]) А. Юр. № 9.

[5]) Раздача участковъ отъ общины: А. Ар. Э. IV, № 101, А. Юр. № 231; воеводами и приказными: А. Ар. Э. III, № 138. Доп. къ А. Ист. IV. № 134.

[6]) А. Ар. Э. I. № 234, 242, 250, 251; II. № 52 и др.

тіунами, доводчиками и правитчиками, вызванное жалобами посадскихъ и волостныхъ тяглецовъ на то, что имъ „отъ намѣстниковъ и отъ ихъ людей, отъ продажъ всякихъ — податей тянуть сполна немочно“.

„Что намъ били челомъ“, — читаемъ мы въ древнѣйшей изъ уставныхъ грамотъ на право общиннаго суда [1]), — „а сказывали, что де у нихъ въ Шенкурскѣ и въ Вельску на посадѣхъ многіе дворы, и въ станѣхъ и волостяхъ многія деревни опустѣли отъ прежняго нашихъ Важскихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ, и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамотъ, и отъ лихихъ людей, отъ татей и отъ разбойниковъ, и отъ костарей, а Важскаго де имъ намѣстника и пошлинныхъ людей впредь прокормить не можно, отъ того у нихъ де въ станѣхъ, волостяхъ, многія деревни и запустѣли и крестьяне де у нихъ отъ того насильства и продажъ и татебъ съ посадовъ разошлись по инымъ городомъ, а изъ становъ и изъ волостей крестьяне разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказу, а иные де посадскіе люди и становые и волостные, кой куда безвѣстно разбрелись порознь, а на тѣхъ де на достальныхъ на посадскихъ людехъ и на становыхъ и на волостныхъ крестьянѣхъ наши Важскіе намѣстники и ихъ тіуны кормъ свой, а правитчики и доводчики поборъ свой емлютъ на нихъ сполна“...

Жалуя крестьянство особыми уставными грамотами, царь Иванъ Васильевичъ отставлялъ намѣстниковъ, волостелей и правитчиковъ отъ волостей и городовъ и въ замѣнъ кормовъ налагалъ на посадскихъ и волостныхъ крестьянъ опредѣленный оброкъ. Для крестьянской управы и сбора намѣстничьихъ и правитчиковыхъ доходовъ установлено было выбирать въ такихъ волостяхъ и посадахъ излюбленныхъ старостъ [2]).

Мы не станемъ перечислять всѣхъ мѣръ, къ какимъ прибѣгали великіе князья Московскіе, предшественники царя Ивана Васильевича, для ограниченія намѣстничьихъ притязаній; онѣ хорошо извѣстны. Намъ достаточно знать, что всѣ онѣ вмѣстѣ съ нововведеніями Грознаго имѣли цѣлью оградить горожанъ и поселянъ отъ продажъ и убытковъ и что къ такимъ мѣрамъ побуждалось правительство интересомъ собственной выгоды: чтобъ отъ посадскихъ и волостныхъ людей на намѣстниковъ, волостелей и правитчиковъ и отъ правитчиковъ и намѣстниковъ на посадскихъ и на волостныхъ людей челобитья и докуки не было, а посады бы и волости отъ того не пустѣли.

---

[1]) А. Ар. Э. I, № 234.

[2]) А. Ар. Э. I, № 243.

Въ XVII столѣтіи потребовалось усилить централизацію, и это привело къ учрежденію воеводъ. Личный интересъ общинныхъ выборныхъ, которые отбывали свои службы повинностью, не оплачиваемою правительствомъ, стоялъ въ разладѣ съ видами и интересами правительства, и потому на нихъ нельзя было безконтрольно положиться въ такое время, когда требовалось усилить земское тягло. Впрочемъ, земское самоуправленіе нигдѣ не было ограничено закономъ; власть служилыхъ людей-воеводъ фактически вытѣснила земскихъ излюбленныхъ судей.

Этотъ фактъ, доказывая несостоятельность общины въ борьбѣ съ сильными людьми, служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ доказательствомъ необходимости, какая настояла въ то время въ учрежденіи воеводъ.

Такими сильными людьми были, напримѣръ, богатѣйшіе члены общины, которые по закону хотя и подлежали наибольшимъ податнымъ тягостямъ, но на дѣлѣ взводили всю отвѣтственность на среднихъ и молодшихъ людей, которые не въ состояніи были удовлетворить всѣмъ требованіямъ правительства, вслѣдствіе чего оно и не добирало своихъ доходовъ.

Такъ, до насъ дошли свидѣтельства объ угнетеніи и притѣсненіи молодшихъ лучшими людьми въ городѣ Псковѣ [1]). Въ 1680 году на то же жаловались средніе и молодшіе люди города Вологды. „Жалоба намъ“ — читаемъ мы въ поданной ими челобитной — „на посадскихъ людей, на прежнихъ земскихъ старостъ и нынѣшняго и на всѣхъ лучшихъ, богатыхъ людей: лучшіе и богатые люди насъ обижаютъ и тягломъ неносильно загнали, а себя въ окладѣ облегчили и съ тѣхъ своихъ легкихъ окладовъ на многіе годы тягла не доплачиваютъ, оставляютъ за собою залоги большіе и для того земскихъ старостъ въ приходахъ и въ издержкахъ по книгамъ, другъ другу наровя, не считаютъ, а намъ среднимъ молодшимъ людямъ на счетъ не даютъ“ [2]). Въ такихъ случаяхъ правительство обращалось къ воеводѣ и предписывало ему „беречь, чтобы посадскіе земскіе старосты и цѣловальники и денежные сборщики и мужики богатые и горланы мелкимъ людямъ обидъ и насильствъ и продажъ ни въ чомъ не чинили и лишнихъ денегъ съ мірскихъ людей, сверхъ государевыхъ податей, не собирали, и ни въ чомъ мірскими деньгами не користовались“ [3]).

---

[1]) Доп. къ А. Ист. V, № 1.

[2]) *Соловьевъ* — Истор. Рос. т. XIII. пр. 75. Приказ. дѣла Моск. Арх. Ин. Д. годъ 1680.

[3]) Доп. къ А. Ист. IV, № 134.

Резюмируя все доселѣ сказанное, мы составляемъ себѣ слѣдующее представленіе о русской общинѣ временъ государства Московскаго: промышленныя и пахотныя общины въ восточной Россіи, по крайней мѣрѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ, были не болѣе какъ извѣстною формою системы круговой отвѣтственности и круговаго ручательства. Основаніемъ принадлежности къ городскому обществу было владѣніе волостною или посадскою землею, слѣдовательно, община, безъ различія селъ и городовъ, была корпораціею хозяевъ-землевладѣльцевъ, созданною правительственной властью и въ виду правительственныхъ цѣлей.

Многіе думаютъ, что такой характеръ пріобрѣла община только въ послѣдствіи, вслѣдствіе расширенія правительственной власти великихъ князей Московскихъ, и что первоначально она возникла и сложилась въ систему постоянныхъ учрежденій автономически, вслѣдствіе сознанія совмѣстно живущимъ населеніемъ общности интересовъ и нуждъ. Но, намъ кажется, такое мнѣніе не подтверждается свидѣтельствомъ исторіи, на сколько мы ее до сихъ поръ знаемъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что сосѣдскія отношенія лицъ, совмѣстно живущихъ, порождаютъ и поддерживаютъ солидарность интересовъ. Сила сознанія этой солидарности проявляется въ общинныхъ учрежденіяхъ—органахъ этого сознанія. Если сознаніе слабо и проявляется только случайно силою внѣшнихъ побужденій, то и общія дѣла не завѣдываются постоянными органами, а рѣшаются случайными и не организованными сходками, и не по установленному порядку, а столь же случайнымъ перевѣсомъ той или другой партіи: такою сходкою и было наше городское вѣче. Мы не находимъ никакихъ слѣдовъ исконнаго существованія на Руси какихъ-либо другихъ общинныхъ учрежденій.

Къ исчисленнымъ характеристическимъ чертамъ восточно-русской общины необходимо добавить, что автономическая жизнь общины проявлялась въ дѣятельности лучшихъ людей, которые несли наибольшія сравнительно съ другими тягости, и что городская община не отличалась отъ сельской общины пахотныхъ людей. Безразличіе это было слѣдствіемъ тѣхъ условій, подъ вліяніемъ которыхъ слагались общественныя отношенія удѣльнаго времени.

Посадскіе и уѣздные тяглецы тянули къ удѣльнымъ князьямъ на томъ исключительно основаніи, что жили на земляхъ, имъ принадлежащихъ. Тягло было условіемъ поземельнаго владѣнія, а потому было одинаково для всѣхъ поселенцевъ черныхъ княжескихъ земель безъ

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что посадскіе владѣли своими тяглыми участками на правахъ частной собственности: свободно отчуждали ихъ лицамъ, которыя по закону имѣли право владѣть тяглыми дворами, и передавали ихъ по наслѣдству[1]). Пахотныя же земли, приписанныя къ посаду, состоя въ общемъ владѣніи, шли въ передѣлъ. Такъ было, напримѣръ, въ Шуѣ[2]). Приписка пустопорожнихъ мѣстъ къ общинамъ и общее владѣніе пустошами было издавна на Руси дѣломъ обычнымъ. „То, господине, пустоши Великаго Князя нашія волости Южскія, а косили, господине, тѣ пустоши мы",—говорятъ на судѣ крестьяне Южской волости[3]). Такія пустоши приписывались къ общинамъ изъ видовъ фискальныхъ. Земля составляла главный источникъ доходовъ княжескихъ; но если она не была заселена, то оставалась мертвымъ капиталомъ. При невозможности заселить всѣ пустоши, которыя тянули къ удѣлу, князьямъ оставалось возложить податную отвѣтственность по этимъ землямъ на осѣдлое населеніе княжества, которое силою обстоятельствъ было прикрѣплено къ землѣ. Такимъ образомъ пустоши оплачивались круговою отвѣтственностью тяглецовъ той общины, къ которой онѣ были приписаны. Но приписывая пустопорожнія земли къ городамъ и волостямъ, князья не утрачивали надъ ними права собственности, и если находили нужнымъ, отбирали ихъ у общинъ и давали имъ другое назначеніе. Такъ, тяглыя земли раздавались въ помѣстья и съ дозволенія князя отчуждались отъ волости въ частное владѣніе, при чемъ не находили даже нужнымъ дѣлать это съ вѣдома крестьянскаго общества[4]). Поэтому, хотя раздача пустыхъ участковъ въ тягло подъ новыя поселенія и составляла прямой интересъ общинъ, но не усвоивалась имъ какъ несомнѣнное право и часто довѣрялась воеводамъ и приказнымъ[5]).

Во время царя Ивана Васильевича автономія уѣздныхъ и городскихъ общинъ была расширена тѣмъ, что многимъ изъ нихъ было предоставлено право судиться своими выборными судьями[6]). Поводомъ къ тому было намѣреніе царя избавить крестьянство отъ многихъ „продажъ и убытковъ", коими обременяли ихъ намѣстники съ ихъ

---

[1]) А. Юр. № 23, 85, 136, 175 и 257.

[2]) Опис. гор. Шуи, стр. 63.

[3]) А. Юр. № 3. См. тамъ же стр. 269.

[4]) А. Юр. № 9.

[5]) Раздача участковъ отъ общины: А. Ар. Э. IV, № 101, А. Юр. № 231; воеводами и приказными: А. Ар. Э. III, № 138. Доп. къ А. Ист. IV. № 134.

[6]) А. Ар. Э. I. № 234, 242, 250, 251; II. № 52 и др.

круга внѣшней политической дѣятельности потребовались несравненно значительнѣйшія средства для защиты страны и для расширенія предѣловъ государства. Сословное значеніе гостей и торговыхъ людей высказалось уже на соборѣ 1566 года. Изъ всѣхъ земскихъ классовъ на соборъ были созваны только гости, купцы и Смоляне. Они обѣщаются служить государю своимъ достояніемъ. „А мы люди не служилые", говорятъ они, „службы не знаемъ, вѣдаетъ Богъ да государь, не стоимъ не токмо за свои животы, и мы и головы кладемъ за государя вездѣ, чтобы государева рука вездѣ была высока" [1]).

Съ началомъ XVII столѣтія настаетъ бѣдственное время для Россіи. Борьба съ внѣшними и внутренними врагами требуетъ страшныхъ усилій и пожертвованій. Несмотря на увеличеніе общихъ налоговъ, достигнувшихъ размѣровъ до того отяготительныхъ, что правительство считало нужнымъ успокоивать народъ обѣщаніемъ за всѣ многотрудныя жертвы польготить его въ послѣдствіи во всѣхъ податяхъ на многіе годы, податныхъ сборовъ не ставало на покрытіе военныхъ издержекъ по тѣмъ многочисленнымъ войнамъ, какими былъ такъ богатъ XVII вѣкъ.

Оставалось обратиться съ просьбою о помощи къ общественнымъ классамъ, не состоявшимъ въ тяглѣ, и къ наиболѣе зажиточнымъ изъ тяглецовъ—къ торгово-промышленнымъ горожанамъ. „И вамъ бы господине самимъ",—писалъ въ 1608 году князь Михайло Скопинъ-Шуйскій приказнымъ людямъ города Перми, — „и гостемъ, и торговымъ лучшимъ и среднимъ и всякимъ людямъ говорить чтобы они для покою и крестьянскія избавы и для того чтобы Московское государство за наемными деньгами достальне разорилось дать на наемъ ратнымъ людямъ денегъ, и суконъ, и камокъ, и тафтъ сколько кому мочно; а какъ дастъ Богъ отъ воровъ и отъ Литовскихъ людей Московское государство свободно будетъ и Государь Царь и Великій Князь Василій Ивановичъ всея Русіи велитъ имъ деньги заплотить... да собрать бы вамъ съ посаду и съ уѣзду опричъ того кто изъ воли своей дастъ для избавы крестьянскія Нѣмецкимъ и Кримскимъ людямъ на наемъ съ сохи по пятдесятъ рублей денегъ, а тобъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ выговорили, чтобы они тѣ деньги платили тотчасъ въ срокъ, а о томъ не оскорблялись — впредь ихъ Государь пожалуетъ льготою во всякихъ податяхъ на многіе годы" [2]).

---

[1]) Соб. Гос. Гр. и Д. I, № 92.
[2]) А. Ар. Э. II, стр. 249 и 253.

Въ 1615 году послана была грамота на имя Пермскаго воевод где прописывается: „Указали мы собрати ратнымъ людямъ на жал ваніе со всѣхъ городовъ, съ посадовъ, съ гостей, съ торговыхъ и с чорныхъ со всякихъ людей противъ сбора 122 года, пятую деньгу а съ уѣздовъ, съ нашихъ дворцовыхъ селъ и чорныхъ волостей, и с патріаршихъ, и съ митрополичьихъ земель, съ живущаго, съ сохи і сту по двадцати рублевъ“ [1]). Въ этомъ распоряженіи высказалось пр знаніе правительствомъ индивидуальнаго значенія горожанина-пр мышленника въ противоположность хлѣбопашцу, который имѣлъ зн ченіе только въ связи съ землею.

На соборѣ 1618 года гости торговые люди снова говорятъ, ч они въ помощь государевой казнѣ готовы давать деньги, сколь кому позволитъ состояніе [2]). Результатомъ опредѣленій, постановле ныхъ этимъ соборомъ, была разсылка по городамъ грамотъ слѣду щаго содержанія: „А вамъ бы архіереямъ, игуменамъ и всему осв щенному собору и торговымъ и посадскимъ людямъ разныхъ люде на службу поднять въ займы денегъ въ запросъ сколько кому дов дется дати, и кто что дастъ и въ томъ и воеводѣ велѣно дава отписки за дьячими руками, а мы васъ пожалуемъ — велимъ тѣ день заплатить изъ нашей казны впредь“ [3]). Такимъ же образомъ и п слѣдующіе соборы указываютъ боярамъ, окольничимъ, думнымъ л дямъ, стольникамъ, дворянамъ, приказнымъ, гостямъ и торговы людямъ давать вспоможеніе для избавы христіанской православн вѣры и на жалованье ратнымъ людямъ [4]).

На Азовскомъ соборѣ 1642 года, хотя и положено было взима поборъ на жалованье ратнымъ людямъ какъ съ горожанъ, такъ и с уѣздныхъ государевыхъ и владѣльческихъ людей, но изъ рѣчей, к торыя говорились на этомъ соборѣ, мы убѣждаемся, что по общепр нятому началу подмоги полагалось собирать только съ приказных съ вдовъ, недорослей, гостей и съ торговыхъ посадскихъ людей, „к торые государевы службы не служатъ на Москвѣ и въ городахъ Съ вотчинъ и помѣстій взамѣнъ того полагалось общимъ правило брать даточныхъ людей. Такое распредѣленіе тягла по состоянію і было чѣмъ-либо твердо установившимся — оно было только намѣчен

[1]) А. Ар. Э. III, № 70.
[2]) Соб. Гос. Гр. и Д. III, № 40.
[3]) Соб. Гос. Гр. и Д. III, № 42.
[4]) Соб. Гос. Гр. и Д. III, № 57, 99.

Недостатокъ средствъ не допускалъ правительство строго выдерживать это распредѣленіе.

Такъ, на томъ же соборѣ, тяглые люди черныхъ сотень и слободъ показали: „А мы сироты твои... нынѣ, грѣхомъ своимъ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ, и отъ пятинныхъ денегъ *и отъ доточныхъ людей*, отъ подводъ, что мы, сироты твои, давали тебѣ государю въ Смоленскую службу, и отъ поворотныхъ денегъ, и отъ городоваго землянаго дѣла, и отъ твоихъ государевыхъ великихъ податей и отъ многихъ цѣловальничь службъ, которыя мы, сироты, въ твоихъ государевыхъ въ разныхъ службахъ на Москвѣ служимъ съ гостьми и опричь гостей и т. д.... и отъ той великой бѣдности многіе тяглыя людишки изъ сотень и слободъ разбрелися и дворишки свои мечутъ". Гости и торговые люди гостинной и суконной сотни жаловались также, что они оскудѣли отъ службъ, подмогъ, конкуренціи иноземныхъ торговцевъ и воеводскихъ притѣсненій, и просили государя подмоги на войско положить на всю свою государеву землю и на всякихъ чиновъ людей, чтобы никто „въ избылыхъ" не былъ. По такимъ рѣчамъ составилось опредѣленіе съ помѣстій и вотчинъ взять даточныхъ людей, и обложить владѣльческихъ крестьянъ денежнымъ сборомъ „по ихъ животамъ", а съ гостей и со всякихъ торговыхъ людей взыскать денежную подмогу по ихъ торгамъ, промысламъ и пожиткамъ [1]). Эта процентная подать до времени царя Θеодора Алексѣевича чаще всего взымалась въ количествѣ 5-ти денегъ съ рубля, отчего и получила названіе пятинныхъ денегъ, но иногда возвышалась до 10-ти и 15-ти процентовъ съ торговаго капитала [2]). Нельзя однако предполагать, чтобъ она была дѣйствительно такъ значительна, какъ можно заключить о томъ изъ ея наименованія. Если бы поборъ въ пять, десять и пятнадцать денегъ съ рубля промысловаго капитала былъ такимъ въ буквальномъ смыслѣ, то торговый классъ очень скоро неминуемо бы разорился. И дѣйствительно, на Москвѣ и въ городахъ гости и торговые люди платили процентную деньгу неправдою же по соборному уложенію и не противъ своихъ торговъ и промысловъ [3]). Способъ сбора процентныхъ денегъ представлялъ возможность уклоненій подобнаго рода. Въ окружной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича къ Туринскому воеводѣ Василію

[1]) Соб. Гос. Гр. и Д. III, № 113, стр. 387, 394.

[2]) Соб. Гос. Гр. и Д. VII, №№ 57, 99. П. С. З. №№ 129, 322, 329, 494, 547. Доп. къ А. Ист. IV, № 131. А. Ар. Э. IV, № 137; III, №№ 242, 245.

[3]) Соб. Гос. Гр. и Д. III, № 99.

Трегубову предписывается взыскивать промысловую подать таки образомъ: „и ты бы Туринскимъ земскимъ старостамъ и уѣздны промышленнымъ людямъ сей нашъ великаго государя указъ сказал не замотчавъ и велѣлъ бы имъ межъ себя изъ лучшихъ, и изъ сре нихъ и изъ молодшихъ людей выбрать окладчиковъ сколько человѣі пригоже, добрыхъ и прожиточныхъ людей и которымъ бы такое окла ное дѣло было за обычай и кому бъ мочно было въ томъ вѣрить взять на нихъ у земскихъ старостъ выборы за руками всѣхъ поса скихъ людей. А какъ на окладчиковъ выборъ дадутъ и тебѣ бъ в лѣть привесть къ вѣрѣ и взять у тѣхъ окладчиковъ сказки за и руками, что у кого животовъ и какихъ промысловъ, а въ сказка своихъ велѣть имъ писать прямо въ правду взирая на образъ Бож и помня евангельскую заповѣдь и душу свою, чтобъ у животовъ св ихъ и промысловъ не таили и въ томъ бы неправды не чинили бо смерти свыше отъ Бога и отъ насъ великаго государя опалы“ [1]). Фа тически извѣстно, что присяга не всегда гарантировала отъ всяки злоупотребленій; но предполагая даже полную добросовѣстность стороны окладчиковъ, нельзя не усомниться въ томъ, имѣли ли о возможность точно опредѣлить состоятельность промышленныхъ люде

Такимъ образомъ формальное отличіе торгово-промышленныхъ л дей отъ хлѣбопашцевъ было только намѣчено, если можно такъ в разиться, но не перешло еще въ постоянный законъ; отношенія пр мышленныхъ горожанъ и хлѣбопахотныхъ уѣздныхъ крестьянъ правительственной власти царей Московскихъ продолжали основыват ся на поземельномъ владѣніи и устанавливаться путемъ свободна уговора.

Однако, не смотря на то, что форма условной подданнической з висимости сохранилась силою традиціи, Московскіе цари фактичес пріобрѣли непосредственную власть надъ личностью подданнаго, к кою не обладали удѣльные князья, и не упускали ею пользоватьс когда того требовали обстоятельства.

Благодаря энергіи и практическому такту Московскихъ велики князей, Русь объединилась подъ ихъ владычествомъ и обратилась громадное по пространству, но бѣдно населенное государство. Суд бами исторіи и географическимъ своимъ положеніемъ отчужденное о другихъ европейскихъ народовъ, которые преимущественно развива цивилизацію, завѣщанную античнымъ міромъ, оно поставлено было

[1]) Соб. Гос. Гр. и Д. IV, № 25.

крайнее положеніе — черпать силы и средства изъ среды малочисленнаго и преимущественно земледѣльческаго народа, чуждаго высшей умственной и нравственной культуры. Не говоря о высшихъ условіяхъ цивилизованнаго государства, одна защита обширной территоріи и удовлетвореніе простѣйшимъ, но необходимымъ потребностямъ внутренняго управленія, требовали громадныхъ средствъ. Тѣхъ денежныхъ податей, какія, при всевозможныхъ усиліяхъ, могло доставить бѣдное населеніе Россіи, промышлявшее по преимуществу земледѣліемъ, было недостаточно. Необходимо было искать помощи въ безвозмездно обязательномъ и безусловномъ служеніи подданныхъ. Такое требованіе несовмѣстно было съ старымъ началомъ, по которому отношенія подданныхъ къ правительству устанавливались не путемъ законодательнымъ, а случайными обстоятельствами, вліявшими на волю частныхъ лицъ, и рано или поздно должно было его окончательно вытѣснить. Но Московское правительство не имѣло вообще обычая прибѣгать къ крутымъ поворотамъ; оно на сколько можно держалось старины и исторически сложившагося порядка и старалось примѣнять и совмѣщать новыя требованія съ установившимися старыми формами.

Такъ отношенія не служилыхъ тяглыхъ людей къ правительству по прежнему безразлично основывались на поземельномъ владѣніи, но вмѣстѣ съ тѣмъ на нихъ стали возлагать обязательныя отъѣзжія службы, соотвѣтственныя ихъ состоянію. Лучшіе торгово-промышленные люди переводились съ тягла въ Московскія торговыя сотни. Этой службѣ подлежали какъ горожане, такъ и поселенцы черныхъ, дворцовыхъ и владѣльческихъ слободъ [1]). Кромѣ того, въ видахъ предупрежденія злоупотребленій, которыя могли бы произойти отъ стачки выборныхъ съ выборщиками, посадскимъ людямъ одного города указывалось часто выбирать изъ себя кабацкихъ и таможенныхъ головъ въ другой городъ. Такъ, напримѣръ, Чердынцы выбирали изъ себя головъ въ Соликамскъ, а Соликамскіе посадскіе люди въ Чердынъ [2]).

Въ 1648 году посадскіе люди просили государя избавить ихъ отъ Московскихъ и отъѣзжихъ службъ, а служить бы имъ только въ тѣхъ городахъ, къ которымъ они тянутъ тягломъ. Царь указалъ гостямъ, Московскимъ гостинной и суконной сотнямъ и патріаршимъ, властелинскимъ, монастырскимъ и дворцовымъ крестьянамъ, которые будутъ въ тѣ сотни зачислены, служить впредь въ Москвѣ и Архангельскѣ,

[1]) Доп. къ А. Ист. III, № 47. V.
[2]) А. Ист. III, № 100, 185.

Ярославцамъ—въ Астрахани и Казани, а лучшимъ посадскимъ людямъ другихъ городовъ отбывать свою служебную повинность отправленіемъ должности выборныхъ головъ въ тѣхъ только мѣстахъ, гдѣ кто живетъ[1]). Отъ различнаго рода ремесленниковъ, какъ-то: кирпичниковъ, каменьщиковъ, гончаровъ, кузнецовъ, портныхъ и такъ далѣе, какъ тянувшихъ тягломъ къ городу, такъ и живущихъ во владѣльческихъ вотчинахъ, требовались также отъѣзжія службы. Ихъ созывали въ Москву для выполненія работъ, въ какихъ оказывалась потребность[2]).

Обязательныя отношенія подданныхъ къ царямъ Московскимъ продолжали, какъ и во времена князей удѣльныхъ, устанавливаться путемъ свободнаго уговора; но это нисколько не мѣшало въ частныхъ случаяхъ отступать отъ общаго правила; такъ, въ случаѣ надобности заселить опустѣвшій или вновь устроенный городъ, правительство произвольно переводило тяглыхъ посадскихъ изъ одного мѣста на другое. Еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ вольный переходъ тяглыхъ людей былъ если не совершенно воспрещенъ, то затрудненъ[3]). Затѣмъ къ концу XVI столѣтія крестьяне владѣльческіе были прикрѣплены къ вотчиннымъ и помѣстнымъ землямъ, а черные государевы люди къ своимъ тяглымъ участкамъ[4]).

Легально однородная масса русскаго крестьянства распалась такимъ образомъ на двѣ категоріи: вольныхъ государевыхъ и владѣльческихъ людей; въ послѣдній классъ выдѣлились пахотные крестьяне, а изъ торгово-промышленныхъ людей постепенно образовалось особое состояніе.

Главнѣйшіе моменты въ установленіи крѣпостной зависимости хлѣбопашцевъ совпадаютъ съ таковыми же въ исторіи выдѣленія и образованія торгово-промышленнаго состоянія.

Не касаясь унаслѣдованнаго отъ удѣльныхъ временъ основнаго начала, по которому обязательныя отношенія устанавливались свободнымъ договоромъ, Московское правительство ограничилось на первый разъ тѣмъ, что обратило свободно установившіяся отношенія въ безусловно-обязательныя. Сущность обязательства, пока не представлялось необходимости какого-либо измѣненія, оставалась такою, какою опредѣлялъ уговоръ, его установившій; но отказаться отъ разъ при-

[1]) А. Ар. Э. IV, № 28.

[2]) А. Ар. Э. III, № 188, 310; IV, № 62. Акт. гор. Шуи, № 32.

[3]) Город. пос. въ Рос. Имп. I, ст. 2; III, стр. 6, 636. Доп. къ А. Ист. I, № 117. II.

[4]) Указъ 21-го ноября 1601 г. Суд. Татищева, стр. 126.

нятаго на себя обязательства перестало ужь зависѣть отъ свободной воли лица. Такимъ образомъ крѣпостной крестьянинъ, если дѣло касалось работъ, выполненіе которыхъ не было для него обязательно по первоначальному договору, на основаніи котораго онъ поселялся на владѣльческой землѣ, заключалъ относительно ихъ особое условіе съ землевладѣльцемъ[1]). Отношенія, вновь возникавшія, по прежнему устанавливались добровольнымъ договоромъ, при чемъ въ этотъ договоръ стало вноситься новаго рода условіе: „и съ участка мнѣ никуда не сойти, ни за кого не рядиться". Въ такихъ выраженіяхъ стали обязываться гулящіе люди, поселявшіеся послѣ закрѣпленія крестьянъ на владѣльческой землѣ[2]).

Владѣніе участкомъ тяглой городской земли по прежнему составляло необходимое условіе принадлежности къ тяглой городской общинѣ[3]).

До прикрѣпленія крестьянъ общимъ правиломъ было, что всякій, владѣвшій тяглымъ участкомъ, становился тяглымъ человѣкомъ и тянулъ за одно съ городскою общиною. Это общее правило формулируется въ грамотѣ, данной царемъ Иваномъ Васильевичемъ Устюжнѣ Желѣзопольской, слѣдующимъ образомъ: „А кто учнетъ жити на нашей на чорной землѣ сынъ боярскій или приказный, или митрополичь и владыченъ и монастырской или чей кто нибудь и тѣ люди въ тѣхъ дворахъ и въ волостяхъ и въ деревняхъ и въ починкахъ Устюжинскому намѣстнику судимы и тягло съ чорныхъ дворовъ, а въ волостяхъ съ чорныхъ деревень и съ починковъ наши оброки и всякіе разметы тянутъ".... Но съ тѣхъ поръ, какъ служилое сословіе стало переходить въ особое состояніе, обязанное служебнымъ тягломъ, въ подрывъ общему началу, по которому всякій тянулъ по землѣ и водѣ, стало вырабатываться другое государственное начало, по которому земли, поступившія во владѣніе служилаго человѣка, переставали тянуть къ городу и волости, въ силу правъ служилаго состоянія. Но вообще служилые люди не жили по городамъ, а состояли на службѣ или пребывали въ своихъ вотчинахъ и помѣстьяхъ. „А послѣ службы городовые люди живутъ по вотчинамъ своимъ и по помѣстьямъ", говорили Беклемишовъ и Желябужскій на соборѣ 1642 года. Въ бѣлыхъ и осадныхъ городскихъ дворахъ, принадлежавшихъ служилымъ людямъ, жили лица, состоявшія въ служебной зависимости отъ нихъ.

---

[1]) А. Юр. № 188.
[2]) А. Юр. № 99. III.
[3]) А. Ар. Э. IV, № 35.

До XVII столѣтія всякій поселенецъ владѣльческихъ земель, переходившій на тяглую посадскую землю, прерывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякую связь съ землевладѣльцемъ, за которымъ прежде проживалъ, и становился государевымъ тяглымъ человѣкомъ. Вслѣдствіе этого при царяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Ѳедорѣ Ивановичѣ на посадахъ и въ пригородахъ, на тяглой городской землѣ, жили только „государевы люди" [1]).

Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ наряду съ государевыми людьми являются люди, непосредственно подчиненные частнымъ владѣльцамъ, не вслѣдствіе случайныхъ, частныхъ обстоятельствъ, а изъ видовъ государственныхъ. Они остаются крѣпки владѣльцу и тянутъ къ нему не по частному договору, а по общему закону; связь крестьянина съ землевладѣльцемъ не прекращается болѣе съ произвольнымъ переходомъ его на другую землю; всякія попытки къ нарушенію такой связи преслѣдуются правительственною властью, и она возстанавливается силою принужденія.

Такія измѣненія пагубно отразились на судьбахъ посадской общины. Прямымъ слѣдствіемъ ихъ была меньшая противъ прежняго возможность заселять опустѣлые и никѣмъ не застроенные посадскіе участки вольными поселенцами.

Въ 1648 году Новгородскіе посадскіе люди жаловались, что послѣ разоренія Великаго Новгорода многіе изъ посадскихъ людей разбрелись, другіе перемерли, а вновь на посадъ не прибыло ни одного человѣка [2]). Это было тѣмъ болѣе ощутительно, что во времена смутъ и невзгодъ, какія постигли Россію въ началѣ XVII столѣтія, многіе города совершенно опустѣли.

Разореніе городовъ иноземными врагами и воровскими шайками, безначаліе и самоуправство людей сильныхъ, тяжелые поборы и пожертвованія, какихъ потребовало государство въ рѣшительную для него минуту, все это побуждало тяглыхъ людей бросать свои жилища и участки и искать спасенія въ бродяжничествѣ. Отъ этого положеніе городской общины становилось еще болѣе невыносимо. Съ каждымъ новымъ побѣгомъ одного изъ тяглецовъ увеличивалась тягость тягла для всѣхъ остальныхъ. „Посадскихъ людей"—пишутъ государю Бѣлоозерцы въ 1618 году, извѣщая его о Литовской осадѣ,—„для осаднаго времени, конечно, было мало, и изъ тѣхъ многіе лучшіе люди

---

[1]) А. Ар. Э. IV, № 32, 36.

[2]) А. Ар. Э. III, № 24.

съ провежовъ разбрелись безъ вѣсти съ женами и съ дѣтьми, покиня домы свои пусты" [1]). Другіе, пользуясь тѣмъ, что принадлежность къ городской тяглой общинѣ была связана съ поземельнымъ владѣніемъ, бросали тяглые участки и переходили жить къ роднымъ и друзьямъ или приписывались закладчиками къ людямъ сильнымъ и переселялись во владѣльческіе дворы и слободы. Многіе изъ горожанъ продавали бѣломѣстцамъ свои тяглые участки, или когда это воспрещалось, по стачкѣ съ ними, давали имъ на свои дворы закладныя кабалы и преднамѣренно ихъ просрочивали [2]).

Крайнее положеніе, въ какомъ находились города послѣ смутнаго времени, обратило на себя вниманіе правительства. Въ 1619 году патріархъ Филаретъ Никитичъ съ митрополитами, архіепископами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ совѣтовался съ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ о томъ, „что судьбами Божьими, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства, Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ воровъ раззорилось и запустѣло, а подати всякія и ямскія и охотникомъ подмоги имутъ съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дозорнымъ книгамъ, а инымъ тяжело, а инымъ легко; а дозорщики, которые послѣ Московскаго раззоренія, посланы по городамъ будучи, дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными по не дружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная; а изъ замосковскихъ и изъ заукрайныхъ городовъ посадскіе люди многіе, льготя себя, чтобы имъ въ городахъ податей никакихъ не платить, пріѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ, и по городамъ, и у племени, и у друзей, а по городамъ гдѣ кто жилъ напередъ сего ѣхати не хотятъ; а изъ иныхъ изъ заукрайныхъ раззоренныхъ городовъ посадскіе всякіе люди бьютъ челомъ о льготѣ, чтобы имъ для раззоренія во всякихъ податѣхъ дать льготы; а иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею съ посадскими и съ уѣздными людьми не плотятъ, а иные многіе люди намъ бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобы ихъ пожаловать и велѣти отъ сильныхъ людей оборонить" [3]).

Другимъ пагубнымъ для горожанъ слѣдствіемъ прикрѣпленія крестьянъ было то, что прежде частный человѣкъ могъ состоять въ не-

[1]) А. Ар. Э. III, № 97.

[2]) Акты Ист. III, № 92, IX.

[3]) Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 47.

До XVII столѣтія всякій поселенецъ владѣльческихъ земель, переходившій на тяглую посадскую землю, прерывалъ вмѣстѣ съ тѣмъ всякую связь съ землевладѣльцемъ, за которымъ прежде проживалъ, и становился государевымъ тяглымъ человѣкомъ. Вслѣдствіе этого при царяхъ Иванѣ Васильевичѣ и Ѳедорѣ Ивановичѣ на посадахъ и въ пригородахъ, на тяглой городской землѣ, жили только „государевы люди“ [1]).

Съ прикрѣпленіемъ крестьянъ наряду съ государевыми людьми являются люди, непосредственно подчиненные частнымъ владѣльцамъ, не вслѣдствіе случайныхъ, частныхъ обстоятельствъ, а изъ видовъ государственныхъ. Они остаются крѣпки владѣльцу и тянутъ къ нему не по частному договору, а по общему закону; связь крестьянина съ землевладѣльцемъ не прекращается болѣе съ произвольнымъ переходомъ его на другую землю; всякія попытки къ нарушенію такой связи преслѣдуются правительственною властью, и она возстанавливается силою принужденія.

Такія измѣненія пагубно отразились на судьбахъ посадской общины. Прямымъ слѣдствіемъ ихъ была меньшая противъ прежняго возможность заселять опустѣлые и никѣмъ не застроенные посадскіе участки вольными поселенцами.

Въ 1648 году Новгородскіе посадскіе люди жаловались, что послѣ разоренія Великаго Новгорода многіе изъ посадскихъ людей разбрелись, другіе перемерли, а вновь на посадъ не прибыло ни одного человѣка [2]). Это было тѣмъ болѣе ощутительно, что во времена смутъ и невзгодъ, какія постигли Россію въ началѣ XVII столѣтія, многіе города совершенно опустѣли.

Разореніе городовъ иноземными врагами и воровскими шайками, безначаліе и самоуправство людей сильныхъ, тяжелые поборы и пожертвованія, какихъ потребовало государство въ рѣшительную для него минуту, все это побуждало тяглыхъ людей бросать свои жилища и участки и искать спасенія въ бродяжничествѣ. Отъ этого положеніе городской общины становилось еще болѣе невыносимо. Съ каждымъ новымъ побѣгомъ одного изъ тяглецовъ увеличивалась тягость тягла для всѣхъ остальныхъ. „Посадскихъ людей“ — пишутъ государю Бѣлозерцы въ 1618 году, извѣщая его о Литовской осадѣ, — „для осаднаго времени, конечно, было мало, и изъ тѣхъ многіе лучшіе люди

---

[1]) А. Ар. Э. IV, № 32, 36.
[2]) А. Ар. Э. III, № 24.

съ провежовъ разбрелись безъ вѣсти съ женами и съ дѣтьми, покиня домы свои пусты“ [1]). Другіе, пользуясь тѣмъ, что принадлежность къ городской тяглой общинѣ была связана съ поземельнымъ владѣніемъ, бросали тяглые участки и переходили жить къ роднымъ и друзьямъ или приписывались закладчиками къ людямъ сильнымъ и переселялись во владѣльческіе дворы и слободы. Многіе изъ горожанъ продавали бѣломѣстцамъ свои тяглые участки, или когда это воспрещалось, по стачкѣ съ ними, давали имъ на свои дворы закладныя кабалы и преднамѣренно ихъ просрочивали [2]).

Крайнее положеніе, въ какомъ находились города послѣ смутнаго времени, обратило на себя вниманіе правительства. Въ 1619 году патріархъ Филаретъ Никитичъ съ митрополитами, архіепископами и со всѣмъ освященнымъ соборомъ совѣтовался съ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ о томъ, „что судьбами Божьими, а за грѣхъ всего православнаго крестьянства, Московское государство отъ польскихъ и литовскихъ людей и отъ воровъ раззорилось и запустѣло, а подати всякія и ямскія и охотникомъ подмоги имутъ съ иныхъ по писцовымъ книгамъ, а съ иныхъ по дозорнымъ книгамъ, а инымъ тяжело, а инымъ легко; а дозорщики, которые послѣ Московскаго раззоренія, посланы по городамъ будучи, дозирали и писали по дружбѣ за иными легко, а за иными по не дружбѣ тяжело, и отъ того Московскаго государства всякимъ людямъ скорбь конечная; а изъ замосковскихъ и изъ заукрайныхъ городовъ посадскіе люди многіе, льготя себя, чтобы имъ въ городахъ податей никакихъ не платить, пріѣхали къ Москвѣ и живутъ на Москвѣ, и по городамъ, и у племени, и у друзей, а по городамъ гдѣ кто жилъ напередъ сего ѣхати не хотятъ; а изъ иныхъ изъ заукрайныхъ раззоренныхъ городовъ посадскіе всякіе люди бьютъ челомъ о льготѣ, чтобы имъ для раззоренія во всякихъ податѣхъ дать льготы; а иные посадскіе и уѣздные люди заложились въ закладчики за бояръ и за всякихъ людей, а податей никакихъ съ своею братьею съ посадскими и съ уѣздными людьми не плотятъ, а иные многіе люди намъ бьютъ челомъ на бояръ и всякихъ чиновъ людей въ насильствѣ и въ обидахъ, чтобы ихъ пожаловать и велѣти отъ сильныхъ людей оборонить“ [3]).

Другимъ пагубнымъ для горожанъ слѣдствіемъ прикрѣпленія крестьянъ было то, что прежде частный человѣкъ могъ состоять въ не-

[1]) А. Ар. Э. III, № 97.
[2]) Акты Ист. III, № 92, IX.
[3]) Собр. Гос. Гр. и Д. III, № 47.

посредственной зависимости отъ частнаго лица только въ качествѣ холопа или закладчика; а такого рода зависимость устанавливалась случайными обстоятельствами. Въ XVII столѣтіи рядомъ съ закупами и рабами являются крѣпостные владѣльческіе люди, какъ обще-государственное учрежденіе, вслѣдствіе чего кругъ владѣльческихъ правъ значительно расширился. Тому же содѣйствовали обстоятельства того времени, побуждавшія тяглыхъ людей переходить въ закладчики. Бѣломѣстцы воспользовались смутнымъ временемъ и распространеніемъ своихъ владѣльческихъ правъ въ видахъ корысти и въ ущербъ тяглой посадской общинѣ.

Во времена царей Ивана Васильевича и Ѳедора Ивановича на тяглой посадской землѣ жили только государевы люди; но въ пору нашествія Поляковъ и внутренней неурядицы временъ междуцарствія „многіе всякихъ чиновъ не тяглые люди“, пользуясь обстоятельствами времени, самовольно заняли „государевы искони вѣчныя земли“, распахали посадскіе выгоны и позаводили на нихъ свои слободы [1]). На посадахъ пріобрѣтали для осаднаго времени тяглые дворы, лавки, амбары и соляныя варницы и заселяли пріобрѣтенные тяглые городскіе участки и земли своими крестьянами и закладчиками. Такіе владѣльческіе люди, „учинясь сильны мочью и заступою“ своихъ владѣльцевъ, торговали на посадѣ всякими товарами, занимались промыслами, брали на откупъ государственные сборы, не платя съ своихъ участковъ и промысловъ никакихъ городскихъ службъ и повинностей. Льготное положеніе торгово-промышленныхъ людей прельщало тяглыхъ посадскихъ людей, и число перебѣжчиковъ съ тяглыхъ участковъ въ частную зависимость еще болѣе отъ этого увеличилось. Близъ Нижняго Новгорода, въ Благовѣщенской патріаршей слободѣ, такихъ не тяглыхъ торговцевъ и промышленниковъ оказалось въ 1648 году до 600 человѣкъ. „А на Москвѣ де изстари за патріархомъ, которые слободы были и въ тѣхъ де слободахъ жили патріарши бобыли и патріарши двори сторожа, повара, конюхи и мастеровые люди патріарши же двори, а нынѣ де на Москвѣ и около Москвы въ слободахъ живутъ многіе торговые люди и кабацкіе откупщики.... которые въ тѣ слободы сошлись изъ разныхъ городовъ и поселились для своего промыслу и легости“.

Съ такою же цѣлью переходили тяглецы въ стрѣльцы, драгуны, пушкари, затинщики, воротники и т. д., которые также занимались

[1]) Акты Арх. Э. IV, № 32, 36.

торговлею и промыслами, отказываясь тянуть городское тягло. Къ числу такихъ не тяглыхъ торговцевъ и промышленниковъ принадлежали также священническія и церковнослужительскія дѣти, подъячіе и всякіе гулящіе люди [1]). Монастыри, въ силу *тарханныхъ* грамотъ, съиздавна пользовались льготою не только безпошлинно провозить монастырскій товаръ, но и торговать розничною торговлей для монастырскаго обихода [2]).

Конкурренція всѣхъ такихъ торгово-промышленныхъ людей была крайне убыточна для посадскихъ, которымъ приходилось тянуть тягло и платить пошлины съ своихъ торговъ и промысловъ. Нетяглые торговцы дѣлали имъ подрывъ, „и потому они"—говоря ихъ собственными словами—„обѣднѣли, подолжали неоплатными долгами, а промысловъ своихъ многіе отбыли".

Посадскіе люди, подавленные тяглостью податей, повинностей и службъ, которыя еще болѣе усилились послѣдствіями смутнаго времени и прикрѣпленія крестьянъ, отказывались платить подати и отбывать возлагаемыя на нихъ повинности, угрожая правительству тѣмъ, что они покинутъ свои тяглые участки и всѣ разбредутся. Въ 1614 г. Бѣлоозерцы отказались платить четвертной денежный поборъ, не допустили поставить себя на правежъ, ударили въ набатъ и собрались бить воеводу [3]). Въ томъ же году Чердынцы не захотѣли платить денегъ на хлѣбный кормъ войску [4]). Въ 1621 году указано было Московскимъ чернымъ сотнямъ и слободамъ поставить въ прибавку пятнадцать человѣкъ ярыжныхъ и три лошади и со всякаго тяглеца по мѣдной пожарной трубѣ. На такое требованіе Московскіе тяглецы отвѣчали челобитною: „И намъ, государи, сиротамъ вашимъ государевымъ, стало не въ силу, невозможно намъ взяти трубъ низдѣ, а купить нечимъ, людишки бѣдные и молотчіе и отъ того великаго тягла бѣгутъ розно; а которые были у насъ лутчіе люди и тѣ взяты въ гостинную сотню и въ суконную. Милосердный государь царь и великій князь Михайло Өедоровичъ всеа Русіи, и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всеа Русіи! воззрите на нашу бѣдность, пожалуйте, государи, на насъ сиротъ своихъ бѣдныхъ, молотчихъ тяглыхъ достальныхъ людишекъ: не велите, государи, на насъ сиротахъ своихъ тѣхъ пятнадцати человѣкъ и трехъ

[1]) Акты Ист. I, 358.
[2]) Акты Арх. Э. III, № 105, 188; IV. 24, 32, I.
[3]) Акты Арх. Э. III, № 43.
[4]) Акты Арх. Э. III, № 46.

лошадей въ прибавку править, и со всякаго человѣка по трубѣ по мѣдной, для нашей бѣдности и неизможенія, чтобы мы сироты ваши государевы достальные въ конецъ не погибли и розно не разбрелись, и впредь вашей государской службы и тягла не отбыть" [1]).

Въ довершеніе всего воеводы, по укоренившемуся преданію, смотрѣли на свои правительственныя обязанности взглядомъ прежнихъ намѣстниковъ, которые пользовались своею властью, какъ имущественнымъ правомъ. Хотя по отношенію къ правительству они состояли не въ договорномъ, а обязательномъ служебномъ отношеніи, но, какъ и предшествовавшіе имъ мѣстные правители, смотрѣли на дѣла, вѣдомству ихъ ввѣренныя, какъ на доходныя имущественныя статьи и утѣсняли земство въ видахъ собственной разживы. Гнетъ воеводской власти особенно усиливался вслѣдствіе юридической неопредѣленности ея [2]).

Этотъ гнетъ дѣлалъ положеніе посадскихъ и торговыхъ людей еще болѣе тягостнымъ. Такъ, воеводы вмѣшивались въ общинную податную раскладку и отписывали лучшихъ людей въ особые оклады, такъ что имъ приходилось платить столько же, сколько и молодшимъ, бѣднѣйшимъ людямъ [3]). Раздавали тяглые участки во владѣніе бѣломѣстцамъ [4]). Брали съ земскихъ людей кормы, посулы и поминки [5]). Задерживали на пути торговыхъ людей и вымогали у нихъ произвольные поборы [6]).

Въ царской грамотѣ 1620 года читаемъ: „Вѣдомо намъ учинилось, что въ городѣхъ воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлають не по нашему указу, и монастырямъ и служилымъ и посадскимъ и уѣзднымъ и проѣзжимъ всякимъ людямъ чинятъ насильства и убытки и продажи великіе и посулы и поминки и кормы емлютъ многіе" [7]). На соборѣ 1642 года гости и торговые люди показывали: „А въ городѣхъ всякіе люди обнищали и оскудѣли до конца отъ твоихъ государевыхъ воеводъ, а торговые людишки, которые ѣздятъ по горо-

---

[1]) Акты Ист. V, № 92. IV.

[2]) Распространяться о характерѣ воеводской власти было бы излишнимъ. Я не сумѣю ничего прибавить къ тому, что̀ такъ обстоятельно изложено г. Чичеринымъ въ его замѣчательной диссертаціи.

[3]) Акты Арх. Э. IV, № 6.

[4]) Акты Ист. V, № 264.

[5]) Акты Арх. Э. III, № 65. Доп. къ А. Ист. II, № 114. А. Ист. IV, № 17

[6]) Доп. къ А. Ист. III, № 9.

[7]) Акты Арх. Э. III, № 115.

дамъ для своего промыслишка, отъ ихъ же воеводскаго задержанія и насильства въ проѣздахъ торговъ своихъ отбыли"'.... [1]).

Необходимость въ денежныхъ средствахъ заставила правительство обратить заботливое вниманіе на стѣснительное положеніе посадскихъ и торговыхъ людей и привела къ устройству торгово-промышленнаго состоянія на началахъ личной свободы и общественной автономіи, подъ условіемъ которыхъ только и возможно преуспѣяніе торгово-промышленнаго развитія. Но это совершилось не вдругъ. Страшась, чтобы торгово-промышленные люди „своихъ торговъ и промысловъ не отбыли", правительство прибѣгало къ частнымъ палліативнымъ мѣрамъ, не касаясь основъ порядка, сложившагося въ удѣльное время, и только уложеніе Алексѣя Михайловича сдѣлало первый рѣшительный шагъ къ перестройкѣ общественнаго строя на новыхъ государственныхъ началахъ.

Рядъ мѣръ, предпринятыхъ правительствомъ съ цѣлью облегчить участь посадскихъ и торговыхъ людей и устранить препятствія, которыя мѣшали развитію торговли и успѣхамъ промышленности, открывается рѣшеніемъ, принятымъ соборомъ 1619 года, созваннымъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ для совѣщанія о земскомъ строеніи. На этомъ соборѣ порѣшили произвести всеобщую перепись по всему государству. Для этого были разосланы по городамъ присяжные писцы и дозорщики, снабженные наказами, съ тѣмъ „чтобъ они описали и дозирали всѣ города вправду безъ посуловъ". Сбѣжавшихъ съ посадовъ указано было сыскивать и возвращать на старое мѣсто жительства, и приписывая снова къ тяглу, надѣлять ихъ временными льготами. Тяглецамъ, которые перешли въ закладчики, велѣно было снова тянуть за одно съ своею братіей посадскими, а на тѣхъ людехъ, за кѣмъ они жили, доправить всякія подати, какія съ нихъ слѣдовали за прежніе годы. Съ полученіемъ указа повелѣвалось выбрать въ каждомъ городѣ и прислать въ Москву лучшихъ людей изъ духовенства, дворянъ, дѣтей боярскихъ и посадскихъ, которые умѣли бы разказать обиды насильства, указать, чѣмъ Московское государство полнится, и подать совѣтъ, какъ ратныхъ людей пожаловать, *и устроить де Московское государство такъ, чтобъ пришло все въ достоинство* [2]).

Состоялся ли этотъ съѣздъ выборныхъ въ Москву и чѣмъ они порѣшили, объ этомъ не сохранилось никакихъ извѣстій.

---

[1]) Соб. Гос. Гр. и Дог. III, № 113.

[2]) Акты Арх. Э. III, стр. 144.

Около того же времени Московскимъ тяглымъ людямъ запрещено было продавать, закладывать, отдавать въ приданое и отказывать по завѣщанію свои дворы лицамъ не податныхъ классовъ [1]).

Въ 1623 году, по жалобѣ посадскихъ Устюжны Желѣзопольской, предписано было тамошнему воеводѣ принудить дворянъ, дѣтей боярскихъ и всякихъ уѣздныхъ людей, поселенныхъ на тяглыхъ городскихъ участкахъ, тянуть тягло наравнѣ съ посадскими или снести свои дома съ посадской земли [2]).

Въ 1638 году Суздальскому воеводѣ Вильяминову повторено было предписаніе возвращать на тягло сбѣжавшихъ посадскихъ; но возвращенію въ посадъ подлежали не всѣ: тѣ, которые дали на себя служилыя кабалы или были записаны по писцовымъ книгамъ за кѣмъ-либо изъ владѣльцевъ до 1612 года, въ прежнее состояніе не возвращались; но съ другой стороны воеводѣ указывалось розыскивать и возвращать на посадъ также и такихъ лицъ, которыя хотя въ тяглѣ непосредственно и не состояли, но служили прежде наймитами у посадскихъ людей и торговали отъ хозяевъ, и отживъ урочные годы, отошли отъ нихъ и поступили въ закладчики, пушкари или стрѣльцы [3]).

Въ 1642 году послѣдовалъ указъ, которымъ запрещалось отдавать бѣломѣстцамъ тяглые Московскіе дворы даже по судебному иску, и въ случаѣ, если они имъ будутъ присуждены, продавать такіе участки тяглымъ людямъ [4]).

Но всѣ такія паллiативныя мѣры были безсильны противъ зла, коренившагося въ самомъ принципѣ, который опредѣлялъ отношеніе посадскихъ къ центральной власти Московскаго правительства. Ложность его обнаруживалась обходомъ и нарушеніемъ закона, и не было средствъ остановить проявленіе слѣдствій, не коснувшись ихъ причины.

Посадскіе были по преимуществу „люди не пашенные". Для нихъ самостоятельное владѣніе поземельнымъ участкомъ не составляло необходимаго условія. Горожанинъ кормился не съ него, а трудами рукъ своихъ и оборотами своихъ капиталовъ. Его прямымъ разсчетомъ было сбыть кому-нибудь, если можно, свой тяглый участокъ, или просто сбѣжать съ тягла и приписаться къ сильному владѣльцу или переселиться къ роднымъ и друзьямъ. Живя за монастыремъ, бояриномъ, или въ чужомъ дворѣ и за чужимъ тягломъ, онъ могъ

[1]) Акты Ист. III, стр. 95.
[2]) Акты Арх. Э. III, стр. 195.
[3]) Акты Арх. Э. III, № 279.
[4]) Акты Ист. III, № 192. XXXV.

продолжать вести свой торгъ и промышлять своимъ промысломъ, не раздѣляя посадскаго тягла и не отбывая городскихъ службъ. Съ другой стороны, трудно было воспрепятствовать бѣломѣстцамъ пріобрѣтать дворы и земли по городамъ, въ особенности же въ Москвѣ, которая была центромъ, куда привлекались главныя силы служилаго состоянія; а укоренившееся начало, что они не подлежатъ тяглу, потому что въ замѣнъ его несутъ свои службы, не допускало облагать тягломъ принадлежавшіе имъ участки; исключеніе, по которому приказные и дѣти боярскія, занявшія черную землю, несли посадское тягло, несмотря на свое служебное значеніе, доказываетъ, что кромѣ сословнаго различія тому препятствовало издавна укоренившееся представленіе о значеніи служилыхъ людей высшихъ разрядовъ и ихъ сила. Поэтому, не смотря на воспрещеніе, посадскіе продолжали отчуждать свои участки бѣломѣстцамъ, и посадскіе дворы пустѣли. Такъ въ 1627 году правительство вынуждено было уклониться отъ первоначальной строгости своего запрещенія продавать бѣломѣстцамъ въ Московскихъ черныхъ сотняхъ и слободахъ тяглые дворы, и подтверждая его на будущее время, допустило бѣломѣстцевъ владѣть тяглыми участками, ими уже пріобрѣтенными, въ замѣнъ чего тяглымъ людямъ велѣно было отвести подъ поселеніе другія мѣста въ Деревянномъ городѣ [1]).

Въ Суздалѣ, не смотря на общее распоряженіе 1619 года и спеціальный указъ 1638 года, и въ 1642 году многіе посадскіе были въ бѣгахъ. Суздальскому губному старостѣ снова указано было сыскивать ихъ, и тѣмъ изъ нихъ, которые дворами не были устроены, отводить новыя дворовыя мѣста. Возвращаемыхъ на тягло указано было отдавать на поруки въ томъ, что они будутъ по прежнему служить службы и подати платить за одно съ прочими посадскими и впредь съ участка и съ посада никуда не сойдутъ и ни за кого не заложатся. Невыполненіе этихъ обязательствъ подвергало, безъ сомнѣнія, отвѣтственности поручителей. Самъ же виновный, въ случаѣ вторичнаго побѣга, подлежалъ наказанію кнутомъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь на Лену. Несостоятельность городской общины достигла такихъ крайнихъ предѣловъ, что правительство нашло нужнымъ предписать: выпускать изъ тюремъ преступниковъ изъ посадскихъ людей, если за нихъ не было поручителей, на которыхъ могла бы падать отвѣтственность, и водворять ихъ на мѣстѣ прежняго жительства [2]).

---

[1]) Акты Ист. III, стр. 95.

[2]) Акты Арх. Э. III, № 311.

Такъ же мало успѣха имѣли мѣры правительства, клонящіяся къ тому, чтобъ оградить торгово-промышленныхъ людей отъ воеводскаго гнета. Онѣ отличаются такимъ же нерѣшительнымъ и частнымъ характеромъ, какъ и тѣ, которыя мы обозрѣли.

Въ 1620 году „вѣдомо учинилось" Московскому правительству, что воеводы правятъ не по указамъ и всячески тѣснятъ и разоряютъ посадскихъ, уѣздныхъ и проѣзжихъ торговыхъ людей.

Въ совѣтѣ съ патріархомъ и боярами царь порѣшилъ разослать по городамъ грамоты, въ которыхъ предписывалось воеводамъ и приказнымъ людямъ во всѣхъ дѣлахъ строго слѣдовать царскимъ указамъ, не дѣлать никакихъ насильствъ служилымъ, земскимъ и проѣзжимъ людямъ, не брать съ нихъ посуловъ, поминковъ и не требовать кормовъ съ посадовъ и уѣздовъ. Изъ товаровъ имъ дозволено было покупать на мѣстѣ своего служенія только съѣстное. Выполненіе этихъ предписаній гарантировалось только тѣмъ, что посадскимъ и уѣзднымъ людямъ приказано было, подъ страхомъ наказанія, не давать воеводамъ посуловъ, поминковъ и кормовъ, а воеводамъ угрожалось тѣмъ, что съ нихъ всякіе убытки и поборы будутъ взысканы вдвое и что они будутъ отъ государя въ великой опалѣ [1]). Но при неопредѣленности и слабости контроля центральныхъ учрежденій надъ мѣстнымъ управленіемъ, такія гарантіи не могли имѣть, и дѣйствительно не имѣли, никакого значенія. Въ такомъ же родѣ было предписаніе, данное въ 1635 году Верхотурскому таможенному головѣ, не допускать воеводъ вступаться помимо указовъ въ таможенное и кабацкое дѣло, чтобы не произвести тѣмъ убыли казнѣ [2]).

Самое слово „не вступаться" означало не устраненіе отъ извѣстнаго рода дѣлъ, а выражало только то общее начало, что воевода не долженъ поступать противъ указовъ и чинить въ различныхъ сборахъ помѣху [3]).

Болѣе рѣшительными были такія мѣры, которыя совершенно исключали извѣстнаго рода дѣла изъ круга вѣдомства воеводъ и передавали ихъ въ исключительное завѣдываніе земскихъ выборныхъ.

Такого рода мѣры, въ видѣ мѣстныхъ изъятій, были предпринимаемы и прежде Уложенія. Такъ, въ 1638 году правительство обратило вниманіе на положеніе Двинскаго края, который, по торговому своему значенію, имѣлъ особенную важность въ его глазахъ, и для того

[1]) Акты Арх. Э. III, № 115.

[2]) Акты Ист. III, № 184.

[3]) Полн. Собр Зак., № 1.595, 19.

чтобы государева пошлина не умалялась, указало торговыхъ людей и ихъ товары вѣдать таможеннымъ головамъ, а не воеводамъ[1]).

Въ 1646 году, такимъ же образомъ и Сибирскимъ воеводамъ, исключая Тобольскаго, указано было не вѣдать торговыхъ людей въ ихъ проѣздахъ, а проѣзжія грамоты велѣно было выдавать таможеннымъ головамъ[2]).

Въ такомъ же родѣ было предписаніе, послѣдовавшее въ 1634 году, вслѣдствіе жалобъ Вятчанъ на воеводу, что онъ злоупотребляетъ раздачею тяглыхъ участковъ. Этимъ указомъ повелѣно было раздавать такіе участки не изъ приказныхъ, а изъ земской избы. Впрочемъ, это распоряженіе, не смотря на частыя подтвержденія, не выполнялось, и воеводы продолжали вступаться въ земское дѣло[3]).

Таково было положеніе посадскихъ и торговыхъ людей до временъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

II.

Уложеніе царя Алексѣя Михайловича составляетъ эпоху въ исторіи утвержденія крѣпостнаго права въ Россіи; столь же рѣшительное значеніе имѣютъ и тѣ законоположенія этого законодательнаго памятника, которыя относятся къ посадскимъ.

Эти законоположенія ни откуда не были заимствованы, а вызваны дѣйствительными потребностями общественной жизни, заявленными самимъ земствомъ въ его челобитныхъ. Жалобы тяглыхъ посадскихъ людей на стѣснительное свое положеніе и просьбы ихъ о томъ, чтобы великій государь повелѣлъ „на Москвѣ и около Москвы въ слободахъ и во всѣхъ городахъ и посадахъ и около посадовъ по слободамъ всякимъ торговымъ и промышленнымъ людямъ быть за собою великимъ государемъ въ тяглѣ и въ службахъ“, вызвали со стороны правительства рѣшимость установить отношеніе посадскихъ къ государству на новыхъ началахъ.

Въ 1648 году сначала во Псковѣ, потомъ въ Новгородѣ, въ уваженіе жалобъ и просьбъ посадскихъ людей, велѣно было, чтобы всѣ живущіе въ этихъ городахъ и занимающіеся торговлею и промыслами переведены были на тягло и впредь подати платили и службы служили наряду съ прочими посадскими. Исключенія изъ этого общаго

[1]) Акты Арх. Э. III, № 283, стр. 126.
[2]) Акты Ист. IV, № 8.
[3]) Акты Ист. V, № 264.

правила были слѣдующія: торговые и промышленные монастырскіе крестьяне по распоряженію этого указа должны были, если они проживали на посадѣ и промышляли торговлею, нести выборныя службы, какъ и всѣ другіе посадскіе, но податнымъ тягломъ продолжали по прежнему тянуть къ монастырю. Казакамъ, пушкарямъ и стрѣльцамъ, если они отказывались отъ денежнаго и хлѣбнаго царскаго жалованія, дозволено было торговать на посадѣ на сумму свыше пятидесяти рублей, не приписываясь къ тяглу, и на сумму менѣе пятидесяти рублей, когда они отказывались только отъ хлѣбныхъ подмогъ; но льготы служилыхъ людей не распространялись на ихъ братьевъ, дѣтей и племянниковъ [1]).

Уложеніе распространило такіе новые порядки на всѣ русскіе города. По нему принадлежность къ тяглому посадскому состоянію опредѣлялась занятіемъ городскою торговлею и промышленностью. Всѣ пригородныя Московскія слободы, принадлежащія патріарху, митрополиту, боярамъ и всякимъ другимъ бѣломѣстцамъ и заселенныя торгово-промышленными и ремесленными людьми, указано было со всѣмъ населеніемъ взять на государя безъ лѣтъ и безповоротно, а буде окажутся по розыску въ такихъ слободахъ вѣчные кабальные холопы или владѣльческіе пахотные крестьяне, то такихъ прежніе владѣльцы должны были свести въ свои дворы и помѣстья. За патріархомъ оставлены были только тѣ изъ слободскихъ жителей, которые изстари состояли въ служилыхъ и дворовыхъ людяхъ при прежнихъ патріархахъ [2]).

Поповы дѣти, дьячки и пономари, живущіе на церковныхъ земляхъ и промышлявшіе городскими промыслами и торговлею, должны были быть переведены на тягло. Такому переводу подлежали также всѣ вообще торгово-промышленные вольные владѣльческіе люди, проживающіе по городамъ [3]). Всякихъ чиновъ служилые люди, получавшіе государево денежное и хлѣбное жалованье, если они, живя въ Москвѣ и по городамъ, вели торговлю и занимались промыслами, обязаны были платить всякія городскія подати въ рядъ съ черными людьми, но отъ тяглыхъ службъ освобождались; если же и по податямъ они не желали быть въ тяглѣ, то имъ указано было продать свои лавки государевымъ тягловымъ людямъ [4]). Это, впрочемъ, не распространя—

---

[1]) А. Арх. Э. IV, № 24.
[2]) Улож. гл. XIX § 1 и 5.
[3]) Тамъ же § 3.
[4]) Тамъ же § 4.

лось на такихъ служилыхъ людей, какъ пушкари, затинщики, воротники, плотники и кузнецы, которые по своимъ торгамъ и промысламъ тянули къ городу какъ податью, такъ и службами [1]), и на стрѣльцовъ, казаковъ и драгуновъ, которые могли заниматься по городамъ торговлею и промыслами, не подлежа припискѣ къ таглу. Они платили только пошлину съ своихъ торговъ и оброкъ съ своихъ лавокъ [2]). Затѣмъ не таглыми городскими торговцами оставались еще лица и учрежденія, избавленныя отъ торговыхъ пошлинъ льготными грамотами, и хотя въ 1672 году тарханы формально были повсюду уничтожены [3]), но на дѣлѣ продолжали имѣть значеніе до временъ Петровскихъ.

Вновь установившееся начало, по которому за основаніе принадлежности къ городскому тяглому состоянію былъ принятъ промыселъ лица, не вытѣснило однако стараго начала, по которому всякій тянулъ по землѣ. Эти противоположности соглашались тѣмъ, что всякій, тянувшій къ общинѣ по своему промыслу, переводился вмѣстѣ съ тѣмъ на тяглую посадскую землю; съ другой стороны всякій, владѣвшій участкомъ черной городской земли, оставался крѣпокъ посаду, хотя бы и пожелалъ измѣнить свой промыселъ и перейдти въ пахотные владѣльческіе крестьяне, въ служилые люди или даже въ другой городъ [4]).

Поэтому Уложеніе предписываетъ сыскивать и сводить на посадъ „безъ лѣтъ и безповоротно" всѣхъ тѣхъ, чьи отцы или они сами были въ таглѣ или состояли въ наймитахъ и сидѣльцахъ у таглыхъ людей, а потомъ сошли съ посада и живутъ въ помѣстьяхъ и вотчинахъ или по городамъ во владѣльческихъ дворахъ и на церковныхъ земляхъ, не взирая даже на то, если бы на нихъ были предъявлены кабалы и заемныя записи въ долгахъ и ссудѣ. Всѣмъ, которые будутъ взяты въ тягло, указывалось впредь ни къ кому въ закладчики не записываться и съ посада не сходить. Нарушители этого запрещенія должны были подлежать торговой казни и ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Тѣмъ, которые стали бы принимать къ себѣ таглыхъ посадскихъ людей въ закладчики и крестьяне, угрожалось царскою опалою и лишеніемъ земель, на которыхъ такіе закладчики и крестьяне будутъ поселяться [5]).

Уступка была сдѣлана только въ пользу нѣкоторыхъ служилыхъ

---

[1]) Тамъ же § 12.
[2]) Тамъ же § 11.
[3]) Полн. Собр. Зак. № 507.
[4]) Улож. гл. XIX. § 19.
[5]) Тамъ же §§ 2, 13, 9, 18, 20.

людей. Тѣмъ изъ Московскихъ и городскихъ таглецовъ, которые въ прежніе годы, до Смоленскаго похода, перешли въ казаки и наровнѣ съ старо-помѣстными казаками были верстаны окладами и мѣсячными кормами, допущено было оставаться на службѣ по прежнему и возврату на тягло они не подлежали [1]). Также точно не возвращались на тягло и тѣ изъ посадскихъ, которые поступили въ стрѣльцы изъ семьи, состоящей изъ отца и двухъ братьевъ [2]). Другіе служилые люди, какъ-то: пушкари, затинщики, воротники, кузнецы, солдаты, а также ямщики, если по розыску оказывалось, что сами они или ихъ отцы состояли въ тяглѣ, безусловно возвращались на посадъ [3]). О мастеровыхъ людяхъ, которые сошли съ своихъ тяглыхъ жеребьевъ и жили въ Москвѣ во дворцѣ, при Ружейной палатѣ и при иныхъ всякихъ приказахъ, велѣно было докладывать государю, „какъ о тѣхъ мастеровыхъ людехъ государь укажетъ“, а безъ доклада на посадъ ихъ не возвращать [4]). Это правило не распространялось на тѣхъ, которые, сойдя съ посада, поступили въ псари [5]). Кто изъ посадскихъ былъ возвращенъ изъ плѣна, тотъ въ силу этого освобождался отъ тягла, и ему предоставлялось жить, гдѣ захочетъ [6]). Надо полагать, хотя этого собственно нѣтъ въ законѣ, что оставаясь на своихъ тяглыхъ участкахъ, такія лица должны были тянуть общее тягло; льгота состояла, вѣроятно, только въ томъ, что имъ дозволялось сойдти съ своего тяглаго участка; такимъ же образомъ и торговые люди, приписанные къ Московскимъ гостинной и суконной сотнямъ, избавлялись отъ городскаго тягла только въ такомъ случаѣ, когда продавали свои городскіе дворы и промыслы тяглымъ людямъ [7]).

Оженившіеся на вдовахъ тяглыхъ посадскихъ людей причислялись тягломъ къ посаду, „для того что они поженились на тяглыхъ женахъ и шли къ нимъ въ домы“ [8]). Нѣкоторые изъ посадскихъ принимали также своихъ зятей къ себѣ въ домъ, чтобъ они жили съ ними и ихъ кормили, и такимъ зятьямъ указано было жить въ тяглѣ въ сотняхъ и слободахъ [9]).

---

[1]) Тамъ же § 29 и 30.
[2]) Тамъ же § 26 и 27.
[3]) Тамъ же § 28, 31 и 32.
[4]) Тамъ же § 24.
[5]) Тамъ же § 25.
[6]) Тамъ же § 33.
[7]) Тамъ же § 34.
[8]) Тамъ же § 22.
[9]) Тамъ же § 23.

Новое начало, принятое за основаніе принадлежности къ тяглой городской общинѣ, не измѣнило отношеній ея къ правительству, какъ корпораціи владѣльцевъ государевой земли и обязанныхъ тянуть податью и повинностями по подворному и посошному окладу. Поэтому неотчуждаемость городской тяглой земли въ руки бѣломѣстцевъ была подтверждена Уложеніемъ и распространена на всѣ города. Всѣ патріаршія, властелинскія, монастырскія, боярскія и всякихъ другихъ властей и служилыхъ людей слободы, устроенныя на государевой посадской землѣ, на животинныхъ выпускахъ и вообще на всякихъ купленныхъ и инымъ путемъ пріобрѣтенныхъ бѣломѣстцами тяглыхъ земляхъ, указано было приписать къ посаду „безъ лѣтъ и безповоротно" [1]).

Тяглые дворы, проданные бѣломѣстцамъ или перешедшіе къ нимъ за неуплату долга, обезпеченнаго закладомъ этихъ дворовъ, велѣно было возвращать въ сотни безъ всякаго вознагражденія владѣльцевъ. Кто же изъ черныхъ людей впредь продастъ или заложитъ бѣломѣстцу свой дворъ и участокъ, тѣхъ указано было бить кнутомъ [2]). Для предупрежденія на будущее время всякихъ захватовъ приписанныхъ къ посаду земель, предприняты были мѣры къ округленію ихъ границъ. Велѣно было патріаршія, властелинскія, боярскія, окольничихъ и думныхъ людей вотчины и помѣстья, которыя прилегаютъ къ посадамъ, приписать къ нимъ податьми и службами, съ вознагражденіемъ владѣльцевъ оныхъ отводомъ земель въ другихъ мѣстахъ. *Если въ такихъ вотчинахъ и помѣстіяхъ оказывались пашенные люди, то они отписывались на государя особою статьею* [3]). Пространство Московскаго выгона было точно опредѣлено, именно онъ долженъ былъ простираться отъ земляного города во всѣ стороны на двѣ тысячи саженныхъ верстъ; выгоны другихъ городовъ были также возстановлены въ своей первоначальной величинѣ [4]). Напередъ указывалось вокругъ Москвы и другихъ городовъ ни чьимъ слободамъ кромѣ государевыхъ не быть [5]).

Городская торговля и занятіе городскими промыслами были усвоены, какъ исключительное право, посадскимъ людямъ, которые тянули тягломъ къ данному городу. Если во владѣльческихъ селахъ и дерев-

---

[1]) Тамъ же § 7.
[2]) Тамъ же § 39.
[3]) Тамъ же § 8 и 9.
[4]) Тамъ же § 6 и 10.
[5]) Тамъ же § 1.

нахъ оказывались торговые люди, которые прежде никогда посадскими не числились, и у нихъ въ городахъ будутъ лавки и всякіе промыслы, то таковыхъ указано было отдавать на крѣпкія поруки въ томъ, что они впредь не станутъ торговать въ своихъ лавкахъ и не будутъ брать на откупъ городскихъ сборовъ, а свои городскіе промыслы и лавки продадутъ торговымъ людямъ. Вообще всѣмъ владѣльческимъ людямъ на-строго было запрещено пріобрѣтать по городамъ тяглые дворы, лавки, амбары, погреба и соляныя варницы и велѣно было имѣющіеся у нихъ продать тяглымъ людямъ и впредь на посадѣ не торговать [1]). Въ огражденіе злоупотребленій предписано было на будущее время всѣмъ, кому въ Москвѣ и по городамъ будутъ даны загородные дворы и огороды, держать при нихъ въ дворникахъ своихъ закладчиковъ; у кого же такихъ нѣтъ, то крестьянъ и бобылей, но никакъ не болѣе одного человѣка; кто же станетъ держать на тѣхъ дворахъ своихъ многихъ крестьянъ и бобылей, отъ того полагалось ихъ отбирать и приписывать къ тяглу [2]). Правило это не распространялось на тѣхъ крестьянъ, которые приходили въ городъ только на время для ремесленнаго дѣла на своихъ вотчинниковъ и помѣщиковъ [3]).

Иногородные торговые люди, у которыхъ въ Москвѣ были свои дворы и лавки для того, чтобы вести тамъ торгъ, должны были тянуть тягломъ къ Московскимъ сотнямъ, что нисколько не избавляло ихъ отъ обязанности тянуть городское тягло по мѣсту своего постояннаго жительства [4]); у кого же изъ иногородныхъ торговцевъ не было въ Москвѣ своихъ дворовъ, тѣмъ предоставлялось только право торговать на гостинномъ дворѣ; если же за ними во владѣніи состояли лавки, то имъ указано было продать ихъ Московскимъ тяглымъ людямъ [5]).

Крестьянамъ, пріѣзжавшимъ въ Москву и въ города изъ уѣздовъ, дозволялось продавать свои товары, но не иначе какъ на гостинномъ дворѣ и съ возовъ и струговъ. Нанимать и покупать для подобныхъ продажъ лавки, и слѣдовательно, торговать по городамъ различнымъ торгомъ, имъ воспрещалось [6]). Вскорѣ вслѣдъ за тѣмъ опредѣлено было

[1]) Тамъ же § 9 и 15.
[2]) Тамъ же § 14.
[3]) Тамъ же § 15.
[4]) Тамъ же § 35.
[5]) Тамъ же § 36.
[6]) Тамъ же § 17.

особымъ указомъ, что крестьяне могутъ привозить въ городъ на продажу только произведенія сельской промышленности [1]).

Исчисленныя законоположенія клонились, какъ мы видимъ, къ тому, чтобы закрѣпостить посадскихъ въ особое замкнутое состояніе городскихъ торгово-промышленныхъ людей. Такое направленіе опредѣлилось тѣмъ, что характеристическія особенности, отличающія торгово-промышленнаго горожанина отъ крестьянина-хлѣбопашца, не были сознаны во всей ихъ полнотѣ и не легли въ основаніе новаго общественнаго строенія. Новое начало тягла по промыслу смѣшивалось съ старымъ началомъ тягла по землѣ, которое обусловливалось корпоративною круговою порукой и вело къ корпоративной исключительности и замкнутости.

Идея индивидуальнаго значенія торговца-промышленника не была проведена въ жизнь во всѣхъ ея послѣдствіяхъ. Для того, чтобы всецѣло преобразовать общественное строеніе, требуется чтобы принципъ, который принимается въ основаніе преобразованія, былъ выясненъ въ общественномъ сознаніи наукою, а науки не было въ древней Россіи. Преобразованія совершались тогда постепенно, по мѣрѣ того какъ жизнь настоятельно требовала частныхъ измѣненій или уклоненій въ томъ или другомъ случаѣ отъ старыхъ укоренившихся началъ. Это вело къ противорѣчіямъ, запутанности и непослѣдовательности, которыя вообще характеризуютъ государственный строй и управленіе въ допетровской Россіи; но съ другой стороны гарантировало отъ доктринерскихъ извращеній естественнаго хода развитія народной и государственной жизни.

Опредѣливъ границы посадскаго состоянія и усвоивъ этому состоянію исключительное право торговли и промысловъ по городамъ, Уложеніе указало и на особыя обязанности государевыхъ людей, отъ которыхъ освобождены были владѣльческіе люди, обязанные взамѣнъ того тянуть къ своимъ владѣльцамъ барщинною работою.

Въ 6-мъ § IX главы Уложенія читаемъ: „а въ головахъ и цѣловальникахъ, въ таможняхъ и кабакахъ и на мытахъ и на перевозахъ и на мостахъ, которые таможни и кабаки и мыты и перевозы и мосты, въ городѣхъ и уѣздѣхъ, въ государевыхъ дворцовыхъ селахъ и въ чорныхъ волостяхъ, опричь посадскихъ людей и дворцовыхъ селъ крестьянъ, ни чьимъ людямъ и крестьянамъ не быти".

Въ удѣльное время, какъ мы выше говорили, для сбора неоклад-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 37.

ныхъ доходовъ посылались лица, состоявшія на службѣ княжеской, или это довѣрялось торговымъ корпораціямъ; выбирались ли имъ и тогда въ подмогу земскіе цѣловальники или нѣтъ, о томъ мы не имѣемъ никакихъ свидѣтельствъ.

Обычай назначать головъ удерживался и по присоединеніи удѣльныхъ областей къ Московскому велико-княженію; право назначенія головъ принадлежало иногда намѣстникамъ, а цѣловальники выбирались земствомъ.

Такъ, въ таможенной уставной грамотѣ 1571 года читаемъ: „Врать съ торгу и всѣ таможенныя пошлины гостемъ и купцамъ Новгородскимъ на царя государя на вѣру, *въ которомъ году кого въ головы поставятъ бояринъ и Новгородскій намѣстникъ.... и цѣловальниковъ выберутъ и откупщикомъ въ которомъ году велитъ государь отдать на откупъ* по сей уставной грамотѣ какова дана прежнимъ таможникамъ“ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ недоборъ пошлинъ сравнительно съ доходами прежнихъ лѣтъ взыскивался съ самихъ сборщиковъ [2]).

Въ XVII столѣтіи мы не встрѣчаемъ примѣровъ, чтобы головы назначались областными правителями. Но сборъ пошлинъ и доходовъ приставными сборщиками сохранился въ такой формѣ, что въ мѣста, болѣе извѣстныя своимъ торговымъ значеніемъ, и къ прибыльнѣйшимъ изъ промысловыхъ сборовъ назначались сборщики изъ Москвы изъ гостей и торговыхъ людей гостинной и суконной сотни; въ остальныхъ случаяхъ къ сборамъ приставлялись выборные сборщики. Бывали даже случаи, что къ завѣдыванію государевыми промыслами приставлялись служилые люди. Такъ, въ 1620 году кабацкими головами въ Верхотурье были назначены боярскіе дѣти и приказные изъ Тобольска [3]). По городамъ въ головы выбирались всегда посадскіе люди [4]); иногда въ выборѣ этомъ участвовали и уѣздные люди [5]). Въ цѣловальники по городамъ выбирались иногда только изъ посадскихъ [6]), а иногда и изъ уѣздныхъ людей [7]). Въ дворцовыхъ селахъ и волостяхъ въ го-

1) Собр. Гос. Гр. и Дог. II, № 43, стр. 53.
2) Тамъ же стр. 61.
3) Акты Ист. III, № 122.
4) Акты Ист. III, № 100, 122, 185, 196; IV, № 12; Доп. къ Акт. Ист. V, № 1; VI, № 101; VII, № 66 и др.
5) Доп. къ Акт. Ист. V, № 93.
6) Акты Арх. Э. III, № 143; IV, № 41, 59. Доп. къ Акт. Ист. III, № 20; IV, № 40.
7) Акты Ист. III, № 100; IV, № 12.

ловы и цѣловальники выбирались крестьяне [1]). За недоборъ сравнительно съ прежними годами, если онъ приключился по причинѣ нерадѣнія или злоупотребленій сборщиковъ, отвѣчали они сами, а въ случаѣ ихъ несостоятельности платили за нихъ тѣ, которые ихъ выбрали, потому что имъ всегда предписывалось выбирать людей добрыхъ, не воровъ и не бражниковъ, которые были бы душою прямы и животомъ прожиточны и которымъ бы можно было вѣрить въ сборѣ государевой казны [2]).

До временъ Уложенія, этой служебной повинности подлежали какъ тяглецы, живущіе на государевой землѣ, такъ и поселенцы владѣльческихъ имѣній. По крайней мѣрѣ, монастырскіе и владычные крестьяне до изданія Уложенія переводились въ гостинную и суконную сотни, а послѣ изданія этого законодательнаго памятника снова потребовалось пополнять торговыя Московскія сотни изъ тяглыхъ горожанъ, отъ чего они, какъ мы видѣли, были избавлены въ 1648 году [3]).

Такимъ образомъ завѣдываніе царскими промыслами и пошлинными сборами было возложено на отвѣтственность вольныхъ государевыхъ общинъ; но подлежа отвѣту, онѣ не были вполнѣ самостоятельны въ отправленіи службъ, возложенныхъ на нихъ. Смотря по мѣстнымъ и случайнымъ условіямъ, воеводамъ предоставлялось болѣе или менѣе значительное участіе въ дѣлахъ этого рода. Вообще на воеводъ налагалась обязанность смотрѣть, „чтобы пошлины собирались неоплошно съ великимъ радѣніемъ“ и чтобы сборщики „ничѣмъ не корыствовались и никому по дружбѣ и посуламъ не норовили“ [4]). По кабацкимъ сборамъ они всегда повѣряли отчетныя книги [5]), иногда это имъ предоставлялось и по таможеннымъ сборамъ [6]); но въ другихъ случаяхъ таможенные головы разчитывались въ Москвѣ [7]). Къ числу обязанностей воеводы принадлежало также преслѣдовать контрабанду и корчемство [8]). Но иногда это возлагалось на головъ, которымъ воеводы должны были только давать въ подмогу служилыхъ

---

[1]) Доп. къ Акт. Ист. IV, № 62; V, № 95.

[2]) Акты Ист. III, № 100, 185; IV, № 12; Доп. V, № 95; Акт. Арх. Э. IV, № 41 и 111.

[3]) Доп. къ Акт. Ист. III, № 47; Полн. Собр. Зак. № 123.

[4]) Акты Арх. Э. III, № 143; IV, № III; Акт. Ист. III, № 154.

[5]) См. Воеводскіе Наказы.

[6]) Акты Ист. III, № 196.

[7]) Доп. къ Актамъ Ист. III, № 83; IV, № 134, стр. 330.

[8]) Акты Ист. III, № 134, 184, 135; IV, № 12.

людей [1]). Устройство новыхъ таможенныхъ заставъ зависѣло иногда отъ однихъ таможенныхъ головъ [2]); иногда воеводамъ поручалось, чтобъ они велѣли головамъ устроить ихъ [3]), или сами устроили ихъ по совѣту съ головами и цѣловальниками [4]). Назначеніе цѣнъ на вино предоставлялось иногда головамъ и воеводамъ вмѣстѣ [5]). Подряды на поставку вина также заключались въ иныхъ случаяхъ воеводами [6]). Относительно самихъ выборныхъ, воеводы были поставлены въ столь же неопредѣленное положеніе. Въ иныхъ случаяхъ имъ предоставлялось смѣнять и назначать сборщиковъ по произволу [7]), производить слѣдствія о злоупотребленіяхъ вѣрныхъ сборщиковъ и подвергать ихъ наказанію [8]), въ другихъ — они должны были о противозаконныхъ дѣйствіяхъ вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ доносить въ Москву, а сами къ расправѣ не приступали [9]). Оставить выборныхъ безъ всякаго надзора, безъ сомнѣнія, было нельзя, не рискуя отказаться отъ прибыльныхъ статей дохода. За головами и цѣловальниками необходимо было смотрѣть, чтобъ они въ конецъ „не изворовались“ [10]); но и правительственные агенты, которымъ поручался надзоръ, не соотвѣтствовали своему назначенію. Имѣя, главнымъ образомъ, въ виду нажиться съ помощью власти, имъ ввѣренной, они всячески угнетали и притѣсняли земскихъ людей, и нерѣдко общинѣ приходилось платиться за тѣ недоборы, виновникомъ которыхъ былъ самъ воевода („учинились-де у нихъ тѣ недоборы отъ воеводскихъ налогъ и приметовъ“. Акты Ист. V, стр. 18).

Такъ, въ 1646 году купцы жаловались на исправляющаго должность Енисейскаго воеводы, приказнаго Шпилькина, что онъ подстроивалъ новыя заставы и собиралъ съ провозимыхъ товаровъ произвольные поборы въ свою пользу, и на другихъ Сибирскихъ воеводъ, что они тоже взимали съ нихъ противозаконныя пошлины.

Вслѣдствіе такихъ поборовъ торговые люди обнищали, и въ Ени-

---

[1]) Акты Ист. III, № 44; П. С. З. № 130.
[2]) Акты Ист. V, стр. 211.
[3]) Акты Ист. V, № 232.
[4]) Акты Ист. V, стр. 217.
[5]) Акты Арх. Э. III, № 143; IV, № 117; Доп. къ Актамъ Ист. IV, №№ 18, 55.
[6]) Доп. къ Актамъ Ист. IV, № 73.
[7]) Доп. къ Актамъ Ист. III, № 18.
[8]) Акты Ист. IV, № 12.
[9]) Акты Арх. Э. IV, № 111. Доп. къ Актамъ Ист. III, № 111. Акты Ист. I, № 230; Акты Арх. Э. IV, № 196; Доп. къ Актамъ Ист. VI, № 101.
[10]) Акты Ист. IV, № 8.

сейскѣ оказался большой недоборъ [1]). Въ 1662 году Шуяне довели до свѣдѣнія царя, что воевода Трегубовъ показалъ о сборѣ таможенныхъ пошлинъ неправдою, а безъ сомнѣнія по стачкѣ съ головою; свыше того, что̀ дѣйствительно было собрано [2]). Въ Чердынѣ воеводы, изъ корыстныхъ видовъ, смѣняли цѣловальниковъ и безвинно засаживали ихъ въ тюрьму.

Противъ такого зла предпринимались, до второй половины XVII вѣка, только частныя и мѣстныя изъятія. Такъ, напримѣръ, если случайно доходило до свѣдѣнія правительства, что Сибирскіе воеводы не въ мѣру тѣснятъ пріѣзжихъ торговыхъ людей, то оно предписывало, чтобы Сибирскіе воеводы торговыхъ людей въ ихъ проѣздахъ не вѣдали; если въ какомъ-нибудь Чердынѣ воевода распоряжался какъ хотѣлъ назначеніемъ и удаленіемъ сборщиковъ, то ему слали указъ „въ выборы не вступаться", на который онъ, обыкновенно, не обращалъ никакого вниманія.

Къ исчисленнымъ законоположеніямъ, касающимся горожанъ и торгово-промышленныхъ людей, какія мы находимъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича, необходимо добавить тѣ статьи, которыми подтверждены и усилены были мѣры Московскаго правительства, принятыя имъ въ видахъ огражденія торговыхъ людей въ ихъ проѣздахъ отъ всякихъ утѣсненій и задержекъ.

На государевой и владѣльческихъ земляхъ устроены были заставы, на которыхъ собирались проѣзжія пошлины въ пользу казны и частныхъ владѣльцевъ; такіе же поборы взимались по мостамъ и при перевозахъ. Это вело къ разнымъ злоупотребленіямъ, къ произвольнымъ задержкамъ проѣзжающихъ торговцевъ и вымогательству отъ нихъ проѣзжей платы свыше той, какая налагалась по уставнымъ грамотамъ.

Распоряженіе 1596 года, по которому царь указалъ сборъ мыта, мостовщины и перевоза отдать въ управленіе государевыхъ сборщиковъ и выдавать владѣльцамъ проѣзжихъ заставъ, мостовъ и перевозовъ только половину собранныхъ пошлинъ [3]), не достигло своей цѣли. Частные владѣльцы продолжали собирать проѣзжія пошлины въ свою пользу. Притомъ откупные сборщики, взимавшіе пошлину на государя, утѣсняли торговыхъ людей ни чуть не меньше частныхъ владѣльцевъ.

[1]) Акты гор. Шуи № 35.
[2]) Акты Ист. V, стр. 27.
[3]) Акты Арх. Э. I, № 367.

Въ 1642 году указано было уничтожить всѣ произвольно устроенные мыта и дозволено было собирать проѣзжія пошлины только тѣмъ частнымъ лицамъ, которыя имѣли на то жалованныя грамоты, въ которыхъ опредѣлялось и количество поборовъ [1]).

Это подтверждено было и Уложеніемъ, въ которомъ предписывается, кромѣ того, не устраивать никакихъ преградъ проѣзжимъ по дорогамъ и рѣкамъ [2]). Такія полумѣры не могли искоренить зла и не привели ни къ чему.

Итакъ, Уложеніе далеко не разрѣшило всѣхъ препонъ, какія встрѣчало торгово-промышленное состояніе на пути развитія своего благосостоянія, не устранило не благопріятствующаго успѣхамъ городскихъ промысловъ владѣльческаго гнета и не отрѣшилось отъ традиціоннаго типа подданническихъ отношеній, опредѣлившагося въ тѣ времена, когда земство безъ различія состояній тянуло по землѣ или по частному договору.

Будущему предстояло докончить преобразованіе — эмансипировать торгово-промышленную городскую общину отъ владѣльческаго и воеводскаго гнета, оградить торговыхъ людей отъ противозаконныхъ угнетеній и поборовъ, которые ставили ихъ въ крайнее положеніе невозможности тянуть государево тягло, и наконецъ, поставить подданническія отношенія, по состоянію, въ независимость отъ поземельныхъ и договорныхъ отношеній.

Задачи эти выполняются по старому, путемъ частныхъ измѣненій, но предпринимаемыя мѣры становятся болѣе рѣшительными и общими. Иниціатива преобразованій, по прежнему, исходитъ изъ среды самаго земства: они опредѣляются нуждами и потребностями, заявляемыми въ мірскихъ челобитныхъ, и для обсужденія законодательныхъ мѣръ, правительство обращается за совѣтомъ къ лицамъ заинтересованнымъ и компетентнымъ. Развитіе общественной жизни могущественно предъявляетъ свои запросы, и правительство покоряется ея требованіямъ, къ чему побуждаетъ его собственный интересъ, которому дальнѣйшее продолженіе злоупотребленій и безпорядковъ грозитъ ущербомъ. Такимъ путемъ идетъ государственное устроеніе до временъ Петра Великаго.

Въ изложеніи хода постепеннаго развитія правъ городскаго состоянія, мы будемъ держаться хронологическаго порядка. Такой по-

---

[1]) Акты Ист. III, стр. 112.

[2]) Улож. гл. IX.

рядокъ наиболѣе соотвѣтствуетъ характеру преобразованій до-петровскаго времени, которыя не были систематическимъ развитіемъ предвзятаго начала, а вызывались случайными обстоятельствами.

Въ 1653 году, гости и всякіе торговые люди подали царю челобитную. Жаловались они, что при его прародителяхъ никогда такихъ великихъ пошлинъ не было, какъ при немъ, что таможенные головы и цѣловальники, боясь недоборовъ, измышляютъ всякіе новые незаконные поборы и взимаютъ пошлины не съ дѣйствительной, а съ преувеличенной цѣны товаровъ. Отъ этихъ поборовъ и всякихъ проѣзжихъ пошлинъ и задержекъ, говорятъ они въ своей жалобѣ, торговые люди „многихъ торговъ и промысловъ своихъ отбыли и въ конецъ погибли душами и животами своими“. Поэтому просили они государя, чтобъ онъ приказалъ брать съ нихъ вездѣ ровную пошлину — съ продажной цѣны товара, и чтобы таможенные сборы были совершенно изъяты изъ вѣдомства воеводъ, и приказные люди ни въ чемъ бы не вѣдали проѣзжихъ людей [1]).

Царь, въ видахъ избавленія проѣзжихъ торговыхъ людей отъ дорожныхъ поборовъ и задержекъ, приступилъ къ рѣшительной мѣрѣ. Онъ уничтожилъ навсегда дорожныя и рѣчныя мыта и отмѣнилъ всякія собираемыя на заставахъ пошлины вмѣстѣ со многими другими мелкими пошлинами, сборъ которыхъ представлялъ только поводъ къ утѣсненію торгово-промышленныхъ людей. Въ замѣнъ упраздненныхъ поборовъ установлено было взимать въ Москвѣ и по городамъ съ городскихъ и пріѣзжихъ торговыхъ людей рублевую пошлину по десяти денегъ на рубль съ цѣны проданнаго товара. Съ тѣхъ, кто покупалъ товаръ на деньги, при покупкѣ бралась половина пошлины, а при продажѣ другая. Таможеннымъ головамъ и цѣловальникамъ строго предписано было взимать пошлину съ дѣйствительной продажной цѣны товара, а не по произвольной его оцѣнкѣ: за излишніе поборы имъ угрожало наказаніе безъ всякой пощады. Отъ торговцевъ, ложно показывающихъ продажную цѣну или утаивающихъ свой товаръ, велѣно было отбирать его на государя; за повтореніе подобныхъ ложныхъ показаній и утаекъ, они подлежали, кромѣ того, еще наказанію кнутомъ. На провозъ товаровъ приказано было выдавать выписи изъ таможенъ. Таможенъ принято было впредь на откупъ не отдавать, а собирать торговыя пошлины вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ.

Изъ всѣхъ другихъ проѣзжихъ сборовъ оставлены были только тѣ,

---

[1]) Акты Арх. Ѳ. IV, № 64. I.

которые взимались за переправу чрезъ рѣку и проѣздъ по мосту. Количество такихъ сборовъ было опредѣлено общимъ уставомъ. Частнымъ владѣльцамъ дозволено было собирать мостовщину только на старыхъ мостахъ, или устроенныхъ собственно для переѣзда, а не съ цѣлью запрудить рѣку для устройства на ней мельницы. Съ людей, которые не пользовались переправою, а переѣзжали рѣку въ бродъ, никакихъ сборовъ взимать не допускалось [1]).

Замѣчательно, что въ приговорѣ, состоявшемся въ отвѣтъ на челобитную торгово-промышленныхъ людей о замѣнѣ проѣзжихъ пошлинъ торговою рублевою пошлиною, какъ было въ обычаѣ того времени, въ началѣ акта излагается содержаніе челобитной, но о той части просьбы, гдѣ выражено желаніе, чтобы воеводы и приказные люди таможенныхъ головъ и цѣловальниковъ ни въ чемъ не вѣдали, совершенно не упоминается.

Кому знакома обстоятельность въ изложеніи дѣловыхъ бумагъ допетровскаго времени, тотъ, безъ сомнѣнія, не сочтетъ этого упущенія случайнымъ. Уклончивость въ этомъ случаѣ правительства и очевидна и понятна: оно не знало, не измыслило еще, кѣмъ и какъ замѣнить воеводъ.

Въ 1667 году изданъ былъ новоторговый уставъ. Этимъ уставомъ правительство оградило отъ воеводскихъ вмѣшательствъ вѣдомства тѣхъ изъ таможенныхъ головъ, которые находились подъ непосредственнымъ его надзоромъ. Это было сдѣлано для того, какъ пишется въ уставѣ, чтобы Московскаго государства торговые люди имѣли свободные торги. Таможенные сборщики Архангельска и другихъ порубежныхъ городовъ, назначавшіеся обыкновенно изъ Московскихъ торговыхъ людей, гостей и торговцевъ гостинной и суконной сотни, избавлены были во всѣхъ таможенныхъ и торговыхъ дѣлахъ отъ всякой подвѣдомственности воеводамъ. Такимъ головамъ поставлено было въ обязанность оберегать торговыхъ людей отъ всякихъ стороннихъ разорительныхъ обидъ и вѣдать судебную расправу въ торговыхъ дѣлахъ.

Воеводамъ другихъ, какъ русскихъ, такъ и сибирскихъ городовъ подтверждено было этимъ уставомъ не задерживать проѣзжающихъ торговцевъ, которые во всѣхъ своихъ дѣлахъ были совершенно избавлены отъ подвѣдомственности воеводамъ. Споры купцовъ съ извощиками, подрядившимися перевозить товаръ, были предоставлены разбирательству таможенныхъ головъ.

---

[1]) Акты Арх. Э. IV, № 64: II; Полн. Собр. Законовъ № 107 и 122.

Выдача проѣзжихъ грамотъ была также повсюду возложена на нихъ же. Полную независимость по отношенію къ воеводамъ, какая была предоставлена таможеннымъ головамъ, назначаемымъ изъ Москвы, нельзя было усвоить общиннымъ выборнымъ, завѣдывавшимъ сборомъ торговыхъ пошлинъ въ другихъ городахъ: они не состояли подъ непосредственнымъ надзоромъ центральныхъ учрежденій, какъ торговцы Московскихъ сотенъ.

Но если новоторговый уставъ и не сдѣлалъ ничего рѣшительнаго въ пользу автономіи общинъ, то въ немъ предначертанъ былъ планъ единственно возможнаго способа устранить воеводъ отъ вмѣшательства въ дѣла городской общины, безъ всякаго ущерба отъ этого для необходимой административной централизаціи. Въ немъ высказана была мысль, что торговыхъ людей пристойно вѣдать въ одномъ приказѣ, который былъ бы имъ защитою и управою; но эта мысль осуществлена была во всей полнотѣ только во времена Петра Великаго [1]).

Изъ всѣхъ существовавшихъ приказовъ не было ни одного, который бы имѣлъ своимъ исключительнымъ назначеніемъ вѣдать торгово-промышленныхъ людей, не только вообще во всякаго рода дѣлахъ, но даже въ извѣстныхъ отношеніяхъ. Въ различныхъ случаяхъ городскія общины и торгово-промышленные люди подлежали распоряд-камъ того или другаго приказа. Одни изъ нихъ завѣдывали извѣстною отраслью сборовъ въ цѣломъ государствѣ, и слѣдовательно, и въ городахъ; таковъ былъ, напримѣръ, Стрѣлецкій приказъ, куда поступалъ сборъ на жалованье стрѣльцамъ [2]). Сборъ таможенныхъ, кабацкихъ и промысловыхъ пошлинъ состоялъ преимущественно въ вѣдомствѣ областныхъ приказовъ [3]). Приказъ Новой Чети собиралъ питейный доходъ Москвы и многихъ другихъ городовъ [4]). Иные приказы вѣдали сборы только въ нѣкоторыхъ городахъ и слободахъ. Такъ, Царицына мастерская завѣдывала дворцовыми слободами Кадашевымъ и Берштовымъ, заселенными ткачами, поставлявшими полотно ко двору [5]). Къ Каменному приказу тянули податью и доходами города, въ которыхъ находился бѣлый камень. Этотъ же приказъ вызывалъ изъ городовъ въ Москву для построекъ тяглыхъ каменьщиковъ, а Оружейный приказъ завѣдывалъ отъѣзжею службою городскихъ кузне-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 408. 1, 2, 18, 35, 88, 91.
[2]) Котошихинъ, гл. VII. 5.
[3]) Котошихинъ, гл. VII. 6, 16, 17, 18, 19.
[4]) Тамъ же 20.
[5]) Тамъ же 13.

цовъ [1]). Къ другимъ приказамъ города съ своими доходами приписывались „для приказнаго строенія и на всякія покупки на расходъ и на жалованье подъячимъ и сторожамъ". Такъ, къ Посольскому приказу приписаны были съ этою цѣлью пять городовъ со всякаго рода доходами съ нихъ [2]), а къ Конюшенному оброчный сборъ съ бань, устроенныхъ въ Москвѣ и по другимъ городамъ [3]). Наконецъ, нѣкоторымъ приказамъ совершенно случайно поручалось собирать извѣстный поборъ. Такъ, въ 1637 году предписано было Челобитному приказу собирать деньги на устройство Украинской линіи противъ Крымцевъ [4]).

Приказами, завѣдывавшими особыми разрядами торгово-промышленныхъ людей, были: приказъ Большой Казны, которому были подсудны гости, торговые люди гостинной и суконной сотни и мастера серебрянаго дѣла [5]), и приказъ Большаго Дворца, въ вѣдомствѣ котораго состояли сборы съ посадскихъ людей дворцовыхъ городовъ и съ торговцевъ и ремесленниковъ подмосковныхъ слободъ [6]). Иноземцы во всѣхъ своихъ дѣлахъ были подсудны Посольскому приказу [7]).

Горожане по судебнымъ дѣламъ были обыкновенно подвѣдомы тѣмъ приказамъ, къ которымъ они были приписаны податью и доходами; но въ дѣлахъ извѣстнаго рода подлежали суду приказовъ, которые завѣдывали особою отраслью дѣлъ. Такъ, въ приказѣ Большаго Дворца судились лица ему подвѣдомыя [8]). Областные приказы вѣдали города, къ нимъ приписанные службою, доходами, судомъ и расправою [9]); а по дѣламъ уголовнымъ и слѣдственнымъ всѣ города и уѣзды вѣдались Разбойнымъ приказомъ [10]).

Отношеніе мѣстнаго управленія къ центральному было въ высшей степени неопредѣленно. Такъ, въ иныхъ городахъ подати собирались воеводою и имъ же доставлялись въ Москву, при чемъ ему предоставлялось подвергнуть не платящихъ тяглецовъ правежу [11]). Другія об-

[1]) Тамъ же 27.
[2]) Тамъ же 21.
[3]) Тамъ же 2.
[4]) Котошихинъ гл. VI. стр. 68.
[5]) Соб. Гос. Гр. и Д. III. № 107.
[6]) Котошихинъ, гл. VII. 9.
[7]) Котошихинъ, гл. VI, 1; VII, 4.
[8]) Котошихинъ, гл. VII, 2.
[9]) Полн. собр. соч. Неволина. VI, стр. 152.
[10]) Полн. Собр. Зак. № 471.
[11]) Улож. гл. XXI ст. 1, 6, 49, 99.

щины пользовались привилегіею доставлять подать непосредственно въ Москву [1]). Наконецъ, иногда подати взимались присылаемыми изъ Москвы сборщиками [2]). Въ дѣлахъ таможеннаго и кабацкаго сбора вѣрные головы и цѣловальники иногда считались воеводою [3]), а въ другихъ городахъ не давали воеводамъ никакого отчета, а доставляли свои приходо-расходныя книги непосредственно въ Москву [4]). Нѣкоторые изъ воеводъ пользовались правомъ наказывать головъ и цѣловальниковъ [5]); другіе въ случаяхъ ихъ злоупотребленій должны были доносить о томъ въ Москву, а сами не могли ихъ наказать или отставить отъ должности [6]). Подряды на поставку вина на кружечные дворы съ 1652 года указано было отдавать въ приказахъ [7]), но въ 1660 мы встрѣчаемъ указъ Пермскому воеводѣ уговориться съ поставщиками кружечнаго двора, что доказываетъ, что принятое правило допускало иногда исключенія.

Также неопредѣленно было и отношеніе воеводскаго суда къ суду приказовъ. По свидѣтельству Котошихина, воеводы большихъ городовъ могли судить долговыя дѣла на сумму до 10.000 рублей, а въ небольшихъ городахъ имъ были подсудны дѣла цѣною не свыше 20-ти рублей [8]). Послѣднее извѣстіе подтверждается и Уложеніемъ [9]), но что касается до ограниченія власти воеводъ большихъ городовъ, о томъ мы никакихъ другихъ свидѣтельствъ нигдѣ не находимъ. Этимъ послѣднимъ указывалось только доносить въ Москву о тѣхъ дѣлахъ, „которыхъ за чѣмъ-либо вершить не можно". Дѣла уголовныя, по Уложенію, были подсудны воеводѣ только въ такомъ случаѣ, когда въ городѣ не было выборнаго губнаго старосты [10]). Иногда такіе воеводы обязаны были докладывать о такого рода дѣлахъ; въ другихъ случаяхъ имъ предоставлялось безотчетное право уголовнаго суда и казни [11]).

Права воеводской юрисдикціи нисколько, впрочемъ, не ограничи-

---

[1]) А. Ар. Э. IV, № 169; А. Ист. III, № 200.
[2]) А. Ар. Э. II, № 52; А. Ист. IV, № 171.
[3]) А. Ар. Э. III, № 100.
[4]) А. Ар. Э. III, № 143; А. Ист. IV, № 12.
[5]) А. Ар. Э. IV, № 111.
[6]) А. Ист. IV, № 12.
[7]) А. Ар. Э. IV, № 111.
[8]) А. Ар. Э. IV, № 59.
[9]) Котошихинъ, гл. VIII.
[10]) Улож. гл. XIII, 3.
[11]) Улож. гл. XXI, 3.

вали права истца въ дѣлахъ всякаго рода подавать просьбу прям въ приказъ, минуя воеводу [1]). Вызовы отвѣтчиковъ въ Москву и искамъ, начатымъ въ приказахъ, были убыточны для тяглыхъ люде вслѣдствіе чего посадскіе разныхъ городовъ испрашивали себѣ гр моты, по которымъ или вовсе избавлялись отъ всякой подсудност приказамъ, или право истцовъ призывать ихъ на судъ въ Москву огр ничивалось тѣмъ, что опредѣлена была цѣна такихъ исковъ, котор необходимо должны были вчинаться у мѣстныхъ воеводъ; но послѣ няго рода ограниченіе не вело къ цѣли: дворяне и дѣти боярскія прежнему убыточили посадскихъ людей тѣмъ, что ложно возвыша цѣну исковъ свыше той, въ предѣлахъ которой они могли вчинат только у мѣстнаго воеводы, и заставляли купцовъ откупаться о поѣздки въ Москву [2]).

Неопредѣленность и запутанность отношеній мѣстнаго управлен къ центральному доходили до того, что воеводы иногда отказывали выполнять предписанія приказовъ на томъ основаніи, что по и мнѣнію дѣла того или другаго рода не подлежали вѣдомству приказ дѣлавшаго распоряженія [3]).

Въ 1665 году Псковичи жаловались царю: „А въ разныхъ, государ приказахъ индѣ ратьми, индѣ сборами денежными Псковъ вѣдам а намъ сиротамъ твоимъ отъ разныхъ приказовъ и отъ пятинных денегъ тягость не въ мѣру... а чтобы великій государь, въ одно приказѣ и рати и доходы денежные и хлѣбные Псковскаго госуда ства по твоему великаго государя милостивому указу были и на сиротъ твоихъ вѣдали строеніемъ и Псковскому государству лутче б показалося и напрасныхъ обидъ и раззоренія не было“ [4]). Того, че желали Псковичи, желали, безъ сомнѣнія, и всѣ другіе города; са правительство сознавало, что торгово-промышленныхъ людей пристойн вѣдать въ одномъ приказѣ; но несмотря на все это, прошло еще н мало времени, пока сознанная мысль получила свое осуществленіе.

До учрежденія Бурмистрской палаты требованія автономическаг положенія для городскихъ общинъ совмѣщались съ требованіемъ не обходимой централизаціи такимъ образомъ, что въ частныхъ случаяхъ гдѣ вмѣшательство воеводъ непосредственно наносило ущербъ госу даревой казнѣ, власть ихъ ограничивалась, и верховное завѣдывані

[1]) А. Ар. Э. IV, № 206 и 237.

[2]) А. Арх. Э. III, № 312; А. Ист. III, № 187 и 202.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 331; А. Ар. Э. III, № 227.

[4]) А. Ист. III, № 18; V, № 123.

дѣлами, изъятыми изъ вѣдомства воеводъ и переданными въ исключительное вѣдомство общинъ, сосредоточивалось въ одномъ опредѣленномъ приказѣ.

Прибыльнѣйшими изъ статей правительственныхъ доходовъ были сборъ торговыхъ пошлинъ и продажа крѣпкихъ напитковъ.

Во времена Московскихъ царей сборъ таможенныхъ пошлинъ и продажи питей, смотря по тому, какъ было выгоднѣе и пригоднѣе, отдавались на откупъ или поручались общиннымъ выборнымъ, которые несли эти службы какъ повинность; но со второй половины XVII столѣтія правительство стремится замѣнить откупную форму сбора государевыхъ доходовъ службою присяжныхъ сборщиковъ. Такъ, въ 1652 году напередъ принято было, какъ это мы выше видѣли, чтобы таможнями завѣдывали одни вѣрные головы и цѣловальники. Около того же времени, именно въ 1651 году, указано было быть кружечнымъ дворамъ только по городамъ и въ большихъ государевыхъ селахъ и положено было ихъ на откупъ не отдавать [1]). Въ 1652 году всѣ кабаки, устроенные по селамъ, были упразднены и оставлены только городскіе [2]). Въ 1663 году, по случаю бывшей тогда войны и вслѣдствіе того потребности въ деньгахъ, эти распоряженія были отмѣнены, и дозволено было заводить кабаки не только въ государевыхъ, но и во владѣльческихъ селахъ, и принято было содержать ихъ на откупѣ и на вѣрѣ [3]). Но въ 1677 году снова запрещена была продажа питей въ небольшихъ селахъ, находившихся въ близкомъ разстояніи отъ городовъ, а въ селахъ, содержащихъ въ себѣ болѣе 500 дворовъ и достаточно отдаленныхъ отъ городовъ, для того чтобъ имѣть свои кружечные дворы, предписано было ихъ на откупъ не отдавать [4]).

Это стремленіе правительства повсемѣстно обратить сборъ торговыхъ пошлинъ и продажу вина въ земскую повинность завершилось въ XVII столѣтіи указомъ 1681 года, которымъ установлено было таможнямъ и кабакамъ на откупѣ впредь не быть, а собирать государевы доходы вѣрнымъ сборщикамъ. Эти распоряженія мотивируются тѣмъ, что откупщики дѣлали подрывъ выборнымъ сборщикамъ тѣмъ, что продавали вино съ убавкою и давали торговымъ людямъ ложныя выписи объ уплатѣ таможенныхъ пошлинъ [5]). Съ тѣхъ поръ прошло

---

[1]) Доп. къ А. Ист. V, № 1, стр. 10.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 72.
[3]) Тамъ же № 82.
[4]) Тамъ же № 340.
[5]) Тамъ же № 714.

много времени, пока таможни окончательно перестали отдаваться на откупъ, а питейные откупа уничтожены только спустя 180 лѣтъ послѣ указовъ 1681 года; но при постоянныхъ, хотя и временныхъ отмѣненіяхъ откуповъ во второй половинѣ XVII столѣтія сборъ торговыхъ пошлинъ и продажа вина сдѣлались постоянными земскими повинностями, которыя, со временъ Уложенія, всею своею тяжестью ложились исключительно на вольныя общины государевыхъ людей.

Изъ приведеннаго перечня указовъ мы видимъ, что рядомъ съ стремленіемъ къ отмѣненію откуповъ правительство преслѣдуетъ и другую цѣль, состоящую въ томъ, чтобы сосредоточить продажу питей въ городахъ послѣ уничтоженія дорожныхъ мытъ и замѣны проѣзжихъ пошлинъ торговою рублевою пошлиною съ рыночной цѣны товара. Такъ какъ города были центрами торговли, то въ нихъ сосредоточился и таможенный сборъ. Вслѣдствіе этого повинности таможеннаго и другихъ неокладныхъ сборовъ и продажа питей фактически сдѣлались повинностями городскаго состоянія. Въ выше приведенныхъ указахъ 1681 года предписано было гостямъ и торговымъ людямъ гостинной и суконной сотни выбирать по городамъ и уѣздамъ въ головы къ таможенному и кабацкому сбору зажиточнѣйшихъ изъ мѣстныхъ земскихъ людей, буде они такихъ знаютъ, а цѣловальниковъ указано было выбирать самимъ общинамъ. Это распоряженіе ярко рисуетъ затруднительное положеніе правительства, которое поставлено было въ крайнее положеніе невозможностью довѣриться общинамъ, съ одной стороны, и неблагонадежностью воеводъ, съ другой.

Къ сборамъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ гостямъ и торговымъ сотнямъ указано было прежде всего выбирать изъ посадскихъ, и только за недостаткомъ ихъ предписывалось ставить къ отправленію этихъ служебныхъ повинностей служилыхъ людей, а за тѣмъ дворцовыхъ и монастырскихъ крестьянъ или посадскихъ людей изъ другихъ городовъ. Сборъ таможенной пошлины только по большимъ городскимъ торгамъ производился головами и мѣстными цѣловальниками, а по сельскимъ торжкамъ разсылались для этого цѣловальники изъ городовъ.

Такъ какъ гости и торговые люди гостинной и суконной сотни показали, что выбирать имъ головъ въ города и уѣзды неудобно, то и выборъ главныхъ завѣдывателей пошлинныхъ сборовъ и продажъ— таможенныхъ и кабацкихъ головъ — возложенъ былъ на общины. Выбирать головъ, также какъ и ларечныхъ цѣловальниковъ, указано было изъ лучшихъ, а рядовыхъ цѣловальниковъ изъ среднихъ людей. Все-

водамъ предписано было наблюдать, чтобы сильные люди не уклонялись отъ выбора, и въ случаѣ надобности давать на нихъ общинѣ требуемую подмогу [1]).

Въ 1681 году предписано было составить очередные списки, чтобы напередъ службы по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ отбывались уравнительно, по очереди; для этого указано было съѣхаться въ Москву выборнымъ отъ городовъ и волостей и распредѣлить служебную повинность между гостьми, торговыми Московскими сотнями, посадскими и слободскими людьми и крестьянами большихъ дворцовыхъ селъ, такъ чтобы гости служили на шестой, а остальные на девятый или десятый годъ [2]).

Наконецъ, въ 1697 году къ распродажѣ табаку по городамъ, торжкамъ и селамъ велѣно было ставить выборныхъ изъ посадскихъ; о крестьянахъ же дворцовыхъ селъ на этотъ разъ ужъ ничего не говорится [3]).

Такимъ образомъ отвѣтственность по недоборамъ государевыхъ таможенныхъ, питейныхъ и другихъ неокладныхъ доходовъ падала, если не исключительно, то главнымъ образомъ на посадскія общины и торгово-промышленныя слободскія поселенія. Но хотя земскимъ людямъ и предписывалось наблюдать за таможенными и кабацкими сборщиками [4]), но имъ не было дано власти контролировать ихъ. Выборныхъ головъ повѣрялъ воевода или приказъ, а не община.

Въ 1676 году оказались большіе недоборы неокладныхъ доходовъ въ городахъ, которые вѣдались въ Новгородскомъ приказѣ. При распросахъ о причинѣ такихъ недоборовъ, головы и цѣловальники показали, что учинились тѣ недоборы отъ воеводскихъ налоговъ и приметовъ. Вслѣдствіе этого послѣдовалъ указъ: для прибыли казны великаго государя вѣдать таможенные и кабацкіе сборы вѣрнымъ головамъ и цѣловальникамъ, а воеводамъ и приказнымъ людямъ таможенныхъ и кружечныхъ дворовъ головъ и цѣловальниковъ въ сборахъ ни въ чемъ не вѣдать, потому что собираютъ они на великаго государя таможенную пошлину и питейную прибыль за вѣрою и по выборамъ земскихъ старостъ и посадскихъ людей и положены тѣ сборы на нихъ [5]). Въ томъ же году такой же указъ разосланъ былъ по го-

---

[1]) Тамъ же № 876 и 879.
[2]) Тамъ же № 880.
[3]) Тамъ же № 899.
[4]) Тамъ же № 1570.
[5]) Тамъ же № 555.

родамъ, состоявшимъ въ вѣдомствѣ Хлѣбнаго приказа [1]), и принят
начало, что воеводѣ не надлежитъ вѣдать таможенныхъ и кабацки
головъ и сборовъ, сдѣлалось общимъ закономъ.

Изъятіе означенныхъ дѣлъ изъ вѣдомства воеводъ состояло
слѣдующемъ. Имъ предписано было не вмѣшиваться ни въ какіе
кабацкому и таможенному вѣдомствамъ сборы и расходы, не дѣла
на этотъ счетъ никакихъ произвольныхъ распоряженій и не смѣня
вѣрныхъ сборщиковъ. Повѣрку книгъ и счетовъ головъ и цѣловальн
ковъ, отбывшихъ свою служебную повинность, указано было произв
дить общинѣ всѣмъ міромъ. Провѣренныя книги скрѣплялись рук
прикладствомъ общины и высылались въ Москву, другой экземпля
ихъ хранился у старостъ. На обязанности воеводъ осталось толь
въ нѣкоторыхъ случаяхъ: производство слѣдствій по дѣламъ о нед
борахъ, наказаніе виновныхъ, преслѣдованіе контрабанды, корчемств
доставленіе, въ случаѣ надобности, надлежащей помощи сборщика
и пассивный надзоръ за выборными сборщиками и общиною, состо
вшій въ томъ, что о злоупотребленіяхъ сборщиковъ и недосмотра
общинъ они обязаны были доводить до свѣдѣнія правительства. (
другой стороны и общинамъ предписано было подавать о всяки
воеводскихъ злоупотребленіяхъ извѣтныя челобитныя [2]).

Поставивъ городскія общины въ дѣлахъ отправленія выборны
государевыхъ службъ и въ сборахъ таможенныхъ и кабацкихъ доходо
подъ непосредственный контроль центральныхъ учрежденій, правител
ство сосредоточило этотъ контроль въ одномъ опредѣленномъ пр
казѣ. Въ 1680 году послѣдовало распоряженіе изъять таможни, к
баки и кружечные дворы и всякія другія пошлины, кромѣ судны
пошлинъ, изъ вѣдомства другихъ приказовъ, какъ то: Новгородска
Володимірскаго, Галицкой Чети и Новой Чети, и подчинить ихъ вѣ
домству одного приказа Большой казны. На его обязанность возл
жено было считать таможенныхъ и кабацкихъ головъ и дѣлать ра
поряженія въ случаѣ недоимокъ.

Въ дѣлахъ, касающихся всѣхъ этихъ сборовъ и пошлинъ, общин
обязаны были во всемъ слѣдовать его грамотамъ и указнымъ статья
Въ этотъ же приказъ доставлялись собранные доходы, и онъ по цар
скому указу выдавалъ ихъ въ расходъ [3]). Впрочемъ, нужно думат

---

[1]) А. Ист. V. № 10.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 642.

[3]) А. Ист. V. № 16, 201; Полн. Собр. Зак. № 679, 882, 1545, 1579 ст. 10, 3

что не во всѣхъ городахъ сборъ всякихъ пошлинъ перешелъ въ вѣдомство приказа Большой казны. Такъ, Конюшенный приказъ продолжалъ и послѣ того собирать оброки съ бань[1]). Въ 1697 году сборъ съ продажи табаку, который продавался по кабакамъ, предоставленъ былъ не приказу Большой казны, какъ можно было бы ожидать, а Преображенскому приказу[2]). Эти уклоненія можно объяснить тѣмъ, что сборъ нѣкоторыхъ пошлинъ оставался за прежними приказами и предоставлялся вновь устроеннымъ „для приказнаго строенія".

Сборъ таможенной пошлины въ Сибири и вѣдомство торговыхъ людей въ ихъ проѣздахъ, изъятые изъ-подъ власти воеводъ, были также подчинены контролю одного центральнаго учрежденія, Сибирскаго приказа. Туда доставлялись отчеты о сборѣ таможенной пошлины и о явкѣ провозимыхъ товаровъ. Эти отчетныя книги привозились въ Москву таможенными головами. Сибирскимъ городамъ предписано было никакихъ распоряженій и предписаній какого бы то ни было приказа не выполнять безъ послушныхъ грамотъ изъ приказа Сибирскаго[3]).

За подчиненіемъ пошлинныхъ сборовъ и питейныхъ продажъ контролю одного приказа и изъятіемъ ихъ изъ вѣдомства воеводъ, вскорѣ послѣдовало устраненіе воеводъ и всякихъ приказныхъ людей отъ вмѣшательства въ сборъ податей въ общинахъ вольныхъ государевыхъ людей, какими еще оставались горожане и населеніе слободъ и поморскихъ уѣздовъ.

Торгово-промышленное населеніе выдѣлялось въ особое состояніе и устраивалось на началахъ, соотвѣтствующихъ его промыслу, по мѣрѣ того какъ пахотные уѣздные крестьяне подчинялись владѣльческому управленію. Черныя села и волости въ теченіе XVII столѣтія постепенно перешли въ собственность частныхъ владѣльцевъ или подчинены были, какъ и дворцовыя волости, управленію прикащиковъ, вслѣдствіе чего утратили всякое отличіе отъ нихъ. Во времена Котошихина на 50.000 дворовъ государевыхъ крестьянъ считалось еще 20.000 черныхъ, но уже и тогда многія изъ черныхъ волостей управлялись прикащиками; что же касается владѣльческихъ крестьянъ, то ихъ было такъ много, что по выраженію Котошихина, и „написати было не можно" [4]). Это стремленіе подчинить владѣльческому управленію преж-

[1]) Полн. Собр. Зак. № 824, 1579, ст. 38.
[2]) Полн. Собр. Зак. № 1471.
[3]) Тамъ же № 1581.
[4]) Тамъ же № 1443, 1545, 1516.

нихъ вольныхъ поселенцевъ государевыхъ земель не коснулось только Поморскаго края и торгово-промышленныхъ поселеній, какими были города и слободы. Изъятіе поморцевъ, какъ и горожанъ, имѣло основаніемъ отличіе ихъ отъ прочихъ крестьянъ по своему промыслу: поморскими назывались сѣверные и сѣверо-западные уѣзды, прилегавшіе къ Бѣлому морю и Сибири. По условіямъ своего положенія, населеніе этихъ уѣздовъ отчасти занималось торговлею съ Сибирью и съ иностранцами, отчасти, подобно ясачнымъ инородцамъ, промышляло охотничьимъ, морскимъ, рыбнымъ и другими промыслами, которые не связываютъ съ землею и въ которыхъ все зависитъ отъ личной предпріимчивости. Поэтому земли Поморскаго края не подпали владѣльческому управленію, и поморцы вмѣстѣ съ ясачными инородцами выдѣлились при Петрѣ Великомъ въ особый классъ государственныхъ крестьянъ [1]). Другіе уѣзды тянули по своему управленію къ городамъ и окладывались податью на одинаковыхъ основаніяхъ и уравнительно съ посадскими [2]).

Посадскимъ трудно было платить поборы натурою, произведеніями сельско-хозяйственнаго промысла, потому что они были люди торговые, а „не пашенные“. Они ставились въ необходимость, взамѣнъ требуемыхъ съ нихъ кормовъ, платить деньгами по произвольно высокой воеводской оцѣнкѣ; деньги эти отсылались въ Москву съ выборными челобитчиками, которые въ свою очередь ставились въ необходимость платить очень дорого подрядчикамъ-поставщикамъ хлѣба; нѣкоторые изъ такихъ подрядчиковъ, получивъ впередъ деньги, даже вовсе хлѣба не доставляли, а объявляли себя несостоятельными или просто укрывались отъ нихъ. Вслѣдствіе этого, въ 1672 году указано было брать напередъ съ посадовъ за стрѣлецкіе кормы денежную подать по соотвѣтствующей оцѣнкѣ [3]). Поморскіе города и уѣзды, пограничные съ Сибирью, кромѣ стрѣлецкихъ кормовъ, обложены были особою податью: съ нихъ собирался хлѣбъ на жалованье сибирскимъ служилымъ людямъ. Причиною тому, что этотъ край былъ обложенъ такою податью, была не особенная хлѣбородность его, а выгода близкой доставки. Между тѣмъ, для поморскихъ уѣздовъ было столь же тяжело поставлять хлѣбъ, какъ и для посадскихъ; по физическимъ условіямъ страны и ея географическому положенію, хлѣбопашество да-

---

[1]) Котошихинъ гл. XI. 6, 1. 10.

[2]) Полн. Собр. Зак. № 1639.

[3]) А Ар. Э. IV. № 189.

леко не было главнымъ промысломъ посадскаго населенія. Правительство часто ставилось въ необходимость допускать, чтобы Поморскій край вмѣсто хлѣба выплачивалъ деньгами. Такъ, въ 1660 году, по случаю хлѣбныхъ недородовъ, велѣно было взимать съ поморскихъ городовъ и уѣздовъ сошные кормы по окладу того года и недоимки за прошлые года не натурою, а деньгами[1]. Въ 1661 году указано было собрать на жалованье стрѣльцамъ со всѣхъ посадовъ и уѣздовъ съ сохи по 175 четвертей ржи и овса; но Чердынцы подали воеводѣ челобитную на имя царя о томъ, чтобъ имъ платить не хлѣбомъ, а деньгами; воевода челобитную принялъ и разрѣшилъ имъ и Усольцамъ вносить деньги вмѣсто кормовъ. За такое самоуправство воевода получилъ строгій выговоръ, и ему объявлено было, что если онъ къ сроку хлѣбныхъ запасовъ не вышлетъ, то будетъ присланъ изъ Москвы сборщикъ, который доправитъ съ него и съ земскихъ людей эти запасы въ двойномъ количествѣ [2]. Впрочемъ, въ слѣдующіе за тѣмъ годы, уѣздные и посадскіе люди поморскіе нерѣдко, по случаю хлѣбныхъ недородовъ, самимъ царемъ освобождались отъ поставки сибирскихъ кормовъ натурою. Такъ, было, напримѣръ, въ 1674 и 1675 году [3]. Кромѣ того, уѣздные люди поморскаго края платили такія же подати, какъ и торгово-промышленные посадскіе, не только съ сохи, а и по промысламъ. Такъ, Чердынскій воевода писалъ царю, что посадскіе и уѣздные люди не платятъ недоимокъ „за скудостью и за хлѣбнымъ недородомъ и за иными разными неокладными доходы: за десятою и пятнадцатою деньгами, и отъ того бредутъ врозь въ сибирскіе города“.

Посадскіе и уѣздные крестьяне поморскихъ уѣздовъ не выплачивали сполна стрѣлецкой подати, какою они окладывались взамѣнъ хлѣбныхъ кормовъ, и недоимки росли съ каждымъ годомъ. Вслѣдствіе этого въ 1680 году предписано было выслать въ Москву по два человѣка отъ каждаго города и спросить ихъ: „въ мочь ли имъ, или не въ мочь платить стрѣлецкія деньги и почему?“ Выборные люди показали, что они не въ состояніи выплачивать стрѣлецкихъ денегъ по окладу „отъ платежу многихъ большихъ податей, и отъ сибирскаго хлѣбнаго запасу и отъ ямской наметной долгой многой и безпрогонной гоньбы, и отъ хлѣбнаго недороду и отъ многой пустоты, и отъ взятія многихъ даточныхъ и отъ платежу тѣмъ даточнымъ подъем-

[1] Доп. къ А. Ист. IV. № 77.
[2] Доп. къ А. Ист. IV. № 107.
[3] А. Ист. V. № 76.

рые сошли съ тягла и перешли въ другой городъ до последней переписи, оставлять на томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ, и на старыя жеребья не переводить [1]).

На сколько трудно было воспрепятствовать владѣльческимъ крестьянамъ заниматься по городамъ торговлею и промыслами, на столько же затруднительно было остановить переходъ посадскихъ земель во владѣніе лицъ, не подлежащихъ тяглу, если не во всѣхъ городахъ,— потому что служилые люди по городамъ не жили, — то въ Москвѣ, какъ въ торговомъ и правительственномъ центрѣ.

Въ Москвѣ бѣломѣстцы, несмотря на повторяющіяся запрещенія [2]), продолжали пріобрѣтать тяглые дворы, ограничиваясь платою оброка, по договору съ общинными выборными, такъ что правительство вынуждено было въ 1681 году дозволить бѣломѣстцамъ, впредь до указа, владѣть тяглыми участками безъ платежа тягла, но съ обязанностью уплачивать мостовыя деньги [3]). Въ 1682 году указано было съ бѣломѣстцевъ, которые живутъ на тяглыхъ земляхъ, брать по прежнему оброкъ въ черныя сотни и слободы [4]). Въ 1686 году повелѣно было тяглые дворы, записанные по купчимъ и закладнымъ за бѣломѣстцами, оставить въ ихъ владѣніи, взявши на нихъ поручныя записи въ томъ, что они будутъ платить съ своихъ участковъ оброчныя деньги; участки эти они имѣли право продавать и закладывать только тяглымъ людямъ; на будущее время предписано было за бѣломѣстцами тяглыхъ дворовъ по закладнымъ и по купчимъ въ земскомъ приказѣ не записывать, а тяглецовъ, которые напередъ будутъ продавать и закладывать бѣломѣстцамъ свои тяглые участки, положено было наказывать кнутомъ; по суднымъ дѣламъ указывалось отдавать истцамъ-бѣломѣстцамъ одно только хоромное строеніе, а не тяглую землю, которая оставалась во владѣніи общины [5]). Въ 1687 году строгость этого указа была смягчена тѣмъ, что бѣломѣстцамъ, изстари живущимъ на тяглыхъ земляхъ и платящимъ оброки, дозволено было продавать свои участки бѣломѣстцамъ, въ случаѣ, если сотскіе и старосты объявятъ, что имъ нечѣмъ выкупить тѣхъ тяглыхъ дворовъ, и если изъ тяглыхъ людей никакихъ покупщиковъ на тѣ участки не окажется, а новые владѣльцы обяжутся платить оброчныя деньги по

[1]) Тамъ же, № 980.
[2]) Тамъ же, № 272, 707.
[3]) Тамъ же, № 887.
[4]) Тамъ же, № 939.
[5]) Тамъ же, № 1157.

ными деньгами и другими доходами въ тотъ приказъ, гдѣ какой городъ вѣдомъ [1]).

Передача сбора податныхъ доходовъ въ исключительное завѣдываніе общинъ и полное устраненіе воеводъ отъ всякаго вмѣшательства въ такого рода дѣла необходимо вели къ усиленію контроля центральныхъ учрежденій надъ мѣстнымъ управленіемъ по дѣламъ такихъ сборовъ, для чего прежде всего требовалось точно опредѣлить отношеніе общинъ къ приказамъ. Правительство начало съ того, что устранивъ воеводъ отъ сбора стрѣлецкихъ денегъ, сосредоточило завѣдываніе этимъ сборомъ въ одномъ приказѣ. Потомъ найдено было, вѣроятно, болѣе удобнымъ сосредоточить контроль надъ всѣми сборами вообще въ тѣхъ приказахъ, къ которымъ посады были приписаны.

Такъ постепенно и медленно исторически сложившійся порядокъ смѣнялся цѣлесообразнымъ государственнымъ порядкомъ, основаннымъ на общественномъ значеніи различныхъ классовъ, какъ составныхъ элементовъ государства. Рядомъ съ законодательнымъ государственнымъ устроеніемъ, развитіе общественной жизни устраняетъ препоны, какія встрѣчало на своемъ пути и которыя были слѣдствіемъ столкновенія новыхъ государственныхъ началъ съ остатками поземельныхъ отношеній удѣльнаго времени. Печальная замкнутость посадской общины постоянно нарушалась, и правительство, покоряясь настоятельному требованію жизни, въ частныхъ случаяхъ отмѣняло или смягчало законъ, утратившій свою дѣйствительную силу. Такъ, въ 1669 году Костромичи подали челобитную, что пришлые изъ деревень владѣльческіе крестьяне продолжаютъ вести на посадѣ всякіе торги и промышлять городскими промыслами, не принимая никакого участія въ посадскомъ тяглѣ. Общимъ правиломъ было помѣщиковыхъ, вотчинниковыхъ и монастырскихъ крестьянъ къ тяглу не приписывать [2]), и на этотъ разъ правительство рѣшило допустить такихъ нетяглыхъ крестьянъ къ торговлѣ на посадъ съ тѣмъ, чтобъ они платили въ земскую избу оброкъ по своему промыслу и пошлины съ своихъ торговъ [3]). Въ 1699 году дозволено было всякимъ владѣльческимъ крестьянамъ жить и промышлять торговлею въ Москвѣ съ тѣмъ, чтобъ они по купечеству приписывались тягломъ къ Московскимъ слободамъ [4]). Въ 1682 году предписано было всѣхъ тѣхъ посадскихъ, кото-

---

[1]) Акты Ист. V, № 76, 77, 274; Акты Арх. Э. IV, № 243, 250.

[2]) Полн. Собр. Зак., № 1471.

[3]) Акты Арх. Э. IV, № 169.

[4]) Полн. Собр. Зак., № 1666.

рые сошли съ тягла и перешли въ другой городъ до последней переписи, оставлять на томъ мѣстѣ, гдѣ они живутъ, и на старыя жеребья не переводить [1]).

На сколько трудно было воспрепятствовать владѣльческимъ крестьянамъ заниматься по городамъ торговлею и промыслами, на столько же затруднительно было остановить переходъ посадскихъ земель во владѣніе лицъ, не подлежащихъ тяглу, если не во всѣхъ городахъ, — потому что служилые люди по городамъ не жили, — то въ Москвѣ, какъ въ торговомъ и правительственномъ центрѣ.

Въ Москвѣ бѣломѣстцы, несмотря на повторяющіяся запрещенія [2]), продолжали пріобрѣтать тяглые дворы, ограничиваясь платою оброка, по договору съ общинными выборными, такъ что правительство вынуждено было въ 1681 году дозволить бѣломѣстцамъ, впредь до указа владѣть тяглыми участками безъ платежа тягла, но съ обязанностью уплачивать мостовыя деньги [3]). Въ 1682 году указано было съ бѣломѣстцевъ, которые живутъ на тяглыхъ земляхъ, брать по прежнему оброкъ въ черныя сотни и слободы [4]). Въ 1686 году повелѣно было тяглые дворы, записанные по купчимъ и закладнымъ за бѣломѣстцами, оставить въ ихъ владѣніи, взявши на нихъ поручныя записи томъ, что они будутъ платить съ своихъ участковъ оброчныя деньги участки эти они имѣли право продавать и закладывать только тяглымъ людямъ; на будущее время предписано было за бѣломѣстц тяглыхъ дворовъ по закладнымъ и по купчимъ въ земскомъ прик не записывать, а тяглецовъ, которые напередъ будутъ продават закладывать бѣломѣстцамъ свои тяглые участки, положено было казывать кнутомъ; по суднымъ дѣламъ указывалось отдавать цамъ-бѣломѣстцамъ одно только хоромное строеніе, а не тяглую зе которая оставалась во владѣніи общины [5]). Въ 1687 году стро этого указа была смягчена тѣмъ, что бѣломѣстцамъ, изстари щимъ на тяглыхъ земляхъ и платящимъ оброки, дозволено был давать свои участки бѣломѣстцамъ, въ случаѣ, если сотскіе и сты объявятъ, что имъ нечѣмъ выкупить тѣхъ тяглыхъ двор если изъ тяглыхъ людей никакихъ покупщиковъ на тѣ учас окажется, а новые владѣльцы обяжутся платить оброчныя ден

[1]) Тамъ же, № 980.
[2]) Тамъ же, № 272, 707.
[3]) Тамъ же, № 887.
[4]) Тамъ же, № 939.
[5]) Тамъ же, № 1157.

договору прежняго владѣльца [1]). Рядъ этихъ распоряженій заключенъ былъ указомъ 1700 года, которымъ окончательно было разрѣшено бѣломѣстцамъ пріобрѣтать въ Москвѣ тяглые дворы и продавать и закладывать ихъ, кому пожелаютъ, съ тѣмъ только, чтобъ они платили съ своихъ участковъ оброкъ по уговору съ сотнями и слободами [2]).

Намъ остается теперь подвести итотъ тому, что̀ совершено было Московскими царями въ дѣлѣ устроенія торгово-промышленнаго состоянія городскихъ обывателей, и такъ какъ всякое учрежденіе въ государствѣ въ значительной мѣрѣ опредѣляется условіями мѣста и времени, указать, что̀ еще предстояло сдѣлать въ этомъ отношеніи по требованіямъ времени и обстоятельствъ.

Горожане, согласно съ ихъ общественнымъ значеніемъ, выдѣлены были въ особое состояніе вольныхъ людей, обнимавшее собою не только посадскихъ, а и тѣхъ изъ уѣздныхъ крестьянъ, которые находились въ одинаковыхъ съ ними условіяхъ. Этотъ классъ вольныхъ торгово-промышленныхъ людей въ цѣломъ отличенъ былъ отъ хлѣбопахотныхъ владѣльческихъ крестьянъ самостоятельностью общиннаго управленія и особенностью податныхъ и служебныхъ повинностей, примѣненныхъ къ характеру ихъ быта и промысла; въ частности горожанамъ каждаго города усвоено было исключительное право заниматься на посадѣ, къ которому они были приписаны тягломъ, различною торговлею и промышленностью. Но до-петровскія реформы исходили не изъ общей идеи и совершались не по предвзятому теоретическому плану, а путемъ частныхъ, практически необходимыхъ, измѣненій; поэтому формулированное нами начало различія государственнаго значенія торгово-промышленныхъ и пахотныхъ людей высказалось только въ частныхъ измѣненіяхъ, а не въ систематическомъ устроеніи различныхъ состояній примѣнительно къ общественному ихъ значенію и характеру ихъ быта и промысла. Такъ, напримѣръ, хотя общины вольныхъ государевыхъ людей въ дѣлѣ податныхъ сборовъ и отправленія земскихъ и государственныхъ службъ и были изъяты изъ вѣдомства воеводъ, но продолжали подлежать имъ по дѣламъ суда и расправы, и такъ какъ право суда открывало воеводамъ доступъ ко вмѣшательству въ дѣла общинныя и предоставляло просторъ ихъ произволу, то посадскія общины и пользовались свободою,

[1]) Тамъ же, № 1234.

[2]) Тамъ же, № 1793.

безусловно необходимою не только для успѣховъ, но даже для возможности торгово-промышленнаго развитія. Первая попытка поставить городскую общину въ совершенно независимое положеніе по отношенію къ воеводѣ зачалась въ средѣ самаго земства. Въ 1665 году во Псковѣ случился большой недоборъ торговыхъ пошлинъ и другихъ государевыхъ доходовъ; торгово-промышленные люди города Пскова и Псковскаго уѣзда обѣднѣли до того, что оказались несостоятельными платить поборы на военную подмогу, какіе въ тотъ годъ собирались по всему государству. Царь предоставилъ земскимъ старостамъ и лучшимъ людямъ города Пскова самимъ рѣшить, съ общаго совѣта, чѣмъ помочь въ этомъ случаѣ и какъ предохранить на будущее время торгово-промышленныхъ людей отъ разоренія, а правительство отъ приключающихся вслѣдствіе того убытковъ. Городъ порѣшилъ впредь выбирать на каждые три года по пятнадцати человѣкъ земскихъ старостъ, изъ которыхъ попемѣнно пять человѣкъ по году завѣдывали бы городскимъ управленіемъ.

Этимъ выборнымъ предположено было предоставить право суда по дѣламъ гражданскимъ надъ посадскими и по тяжбамъ посадскихъ съ церковными людьми, и установить необходимымъ условіемъ, чтобъ они присутствовали на судѣ губнаго старосты по дѣламъ уголовнымъ и на судѣ воеводы по дѣламъ посадскихъ съ дворянами; кружечные дворы предполагалось уничтожить, а питейный сборъ наложить оброкомъ на общину и преслѣдованіе корчемства предоставить въ исключительное вѣдомство земскихъ старостъ.

Такого же рода устройство должно было быть введено и въ пригородахъ Псковскихъ.

Означенный планъ преобразованія былъ составленъ подъ вліяніемъ Аѳанасія Лаврентьевича Ордынъ-Нащокина, бывшаго въ то время Псковскимъ воеводою. Онъ, не ожидая царскаго разрѣшенія, привелъ Псковичей къ присягѣ постановленнымъ статьямъ и собственною властью ввелъ новое устройство городскаго самоуправленія. Ордынъ-Нащокинъ принадлежалъ къ числу новыхъ людей того времени, которые искали дѣлать „съ примѣру сторонниxъ чужихъ земель“; онъ былъ знакомъ съ бытомъ сосѣдней Литвы, и мысль о городскомъ самоуправленіи была, вѣроятно, возбуждена въ немъ тѣмъ, что онъ тамъ видѣлъ.

Но новымъ устройствомъ недовольны были лучшіе люди города Пскова, которые при прежнихъ порядкахъ, подъ покровительствомъ воеводъ, всячески угнетали низшій классъ городскихъ обывателей, и

потому введенное учрежденіе не долго держалось. Въ томъ же году Ординъ-Нащокинъ былъ смѣненъ княземъ Хованскимъ, и по ходатайству этого послѣдняго, царь отмѣнилъ принятыя статьи, потому, какъ объяснялось въ указѣ, что „такому уставу быть въ одномъ Псковѣ не умѣть оттого будетъ смута большая“ [1]).

Вообще же удаленіе воеводъ отъ надзора за общиной скорѣе благопріятствовало лучшимъ людямъ, чѣмъ ограничивало ихъ произволъ. На воеводъ возлагалась обязанность охранять бѣдныхъ отъ притѣсненій со стороны богатыхъ [2]). Безъ сомнѣнія, они далеко не всегда добросовѣстно выполняли ее и даже нерѣдко сами тянули сторону угнетателей; но бывали, конечно, случаи, когда воеводское участіе въ общинныхъ дѣлахъ сдерживало произволъ лучшихъ людей и ограничивало ихъ преобладаніе. Это видно изъ того, что во времена Петра, по поводу притѣсненія посадскихъ магистратскими членами, заявлено было мнѣніе, что лучше возвратиться къ старому и предоставить воеводамъ „смотрѣніе за магистратами“ [3]). При преемникахъ преобразователя, магистраты были дѣйствительно подчинены воеводамъ, и это сдѣлано было для лучшаго посадскихъ охраненія.

Другою тѣневою стороной, безусловно, впрочемъ, необходимаго устраненія воеводъ отъ участія въ дѣлахъ общины, было то, что она осталась безъ непосредственнаго заступника въ борьбѣ съ сильными людьми, которыхъ прежде приводилъ въ послушаніе воевода [4]). Это повело къ тому, что и при Петрѣ, какъ и до Уложенія, тяглые люди, подъ покровительствомъ бѣломѣстцевъ, продолжали укрываться отъ общинныхъ податей и повинностей [5]).

Но если положеніе бѣднѣйшихъ классовъ изъ горожанъ и ухудшилось, то во всякомъ случаѣ избавленіе лучшихъ торговыхъ людей отъ произвольныхъ воеводскихъ поборовъ и утѣсненій несомнѣнно благопріятствовало успѣхамъ промышленности, и слѣдовательно, подняло общій уровень народнаго благосостоянія.

Новое начало, принятое за основаніе, опредѣляющее принадлежность къ торгово-промышленному состоянію, не было также развито во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ. Вопреки индивидуальному значенію торгово-промышленнаго человѣка и тому, что при наложеніи и рас-

---

¹) Доп. къ Акт. Ист. V, № 1.
²) Доп. къ Ак. Ист. III, №№ 65, 67; IV, № 134.
³) Ист. Рос. Соловьева. XVI, стр. 249.
⁴) Акты Ист. V, № 16.
⁵) Ист. Рос. Соловьева. XVI, стр. 235.

кладкѣ податей принимались въ разчетъ промыслы, пользованіе правами состоянія и обязанность нести тягло связаны были съ владѣніемъ государевою землею. Первый шагъ къ разграниченію поземельныхъ отношеній отъ отношеній къ промыслу сдѣланъ былъ въ Москвѣ тѣмъ, что бѣломѣстцы были допущены къ владѣнію таглою землею, съ обязанностію взносить оброкъ.

Не изгладились также слѣды удѣльнаго порядка и въ томъ отношеніи, что принадлежность къ состоянію государевыхъ людей исключала частныя служебныя отношенія, которыя въ старину вели къ личной зависимости. Поэтому посадскимъ людямъ запрещено было наниматься въ работу къ вотчинникамъ и помѣщикамъ [1]).

Съ другой стороны, хотя обязанность отправлять службы вѣрныхъ головъ и цѣловальниковъ по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ лежала главнымъ образомъ на посадскихъ и промышленныхъ людяхъ, но отъ нея не были избавлены и уѣздные пахотные крестьяне, которые не были ни достаточно свѣдущи въ торгово-промышленномъ дѣлѣ, ни достаточно независимы для удовлетворительнаго выполненія этихъ службъ. Наконецъ, высшее управленіе торгово-промышленнымъ состояніемъ и тою особою отраслію доходовъ, какіе собирались съ него въ казну, не было сосредоточено въ одномъ учрежденіи, и для опредѣленности отношеній независимо поставленнаго мѣстнаго управленія къ центральному, требовалось собрать „разсыпанную храмину" и установить на твердыхъ началахъ общія правила контроля и надсмотра. Въ свою очередь, съ устраненіемъ воеводъ отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла общинъ, требовалось устроить мѣстное управленіе такимъ образомъ, чтобы лучшіе люди, которые были агентами этого управленія, не взводили своего тягла на бѣднѣйшихъ членовъ общины.

Такую программу преобразованія завѣщала Московская Русь Петру. Но выполненіемъ ея не удовлетворялись всѣ требованія того времени. Бѣдныя средства страны не въ состояніи были доставить всего необходимаго для государства, которому рано или поздно предстояло столкнуться съ западными цивилизованными государствами и отстоять свое право на самобытность развитія.

Въ томъ положеніи, въ какомъ находилось торгово-промышленное состояніе, оно не въ силахъ было удовлетворить всѣмъ требованіямъ государства, и правительство должно было по необходимости умѣрять

[1]) Полн. Собр. Зак., № 1614.

свои требованія, какъ это и случилось, когда города были обложены поборомъ на жалованье стрѣльцамъ. Оставалось одно средство: искусственно усилить промышленную производительность и торговую дѣятельность страны и перенести въ Россію матеріальныя преимущества западной цивилизаціи. Это новое дѣло потребовало энергической воли великаго преобразователя.

кладкѣ податей принимались въ разчетъ промыслы, пользова... вами состоянія и обязанность нести тягло связаны были ... ніемъ государевою землею. Первый шагъ къ разграниченію ныхъ отношеній отъ отношеній къ промыслу сдѣланъ былъ тѣмъ, что бѣломѣстцы были допущены къ владѣнію тя... съ обязанностію взносить оброкъ.

Не изгладились также слѣды удѣльнаго порядка ... шеніи, что принадлежность къ состоянію государевых... чала частныя служебныя отношенія, которыя въ ... личной зависимости. Поэтому посадскимъ людямъ за... ниматься въ работу къ вотчинникамъ и помѣщикам...

Съ другой стороны, хотя обязанность отправлят... головъ и цѣловальниковъ по таможеннымъ и кабацки... ла главнымъ образомъ на посадскихъ и промышлен... отъ нея не были избавлены и уѣздные пахотные крес... были ни достаточно свѣдущи въ торгово-промышл... достаточно независимы для удовлетворительнаго ... службъ. Наконецъ, высшее управленіе торгово-промы... ніемъ и тою особою отраслію доходовъ, какіе соби... казну, не было сосредоточено въ одномъ учрежденіи... ности отношеній независимо поставленнаго мѣстн... центральному, требовалось собрать „разсыпанную ... вить на твердыхъ началахъ общія правила кон... Въ свою очередь, съ устраненіемъ воеводъ отъ ... ства въ дѣла общинъ, требовалось устроить мѣс... кимъ образомъ, чтобы лучшіе люди, которые ... управленія, не взводили своего тягла на бѣдн... щины.

Такую программу преобразованія завѣща... Петру. Но выполненіемъ ея не удовлетворяли... времени. Бѣдныя средства страны не въ со... всего необходимаго для государства, котором... стояло столкнуться съ западными цивилизов... отстоять свое право на самобытность разви...

Въ томъ положеніи, въ какомъ находи... состояніе, оно не въ силахъ было удовлетв... государства, и правительство должно было

[1]) Полн. Собр. Зак., № 1614.

свои требованія [redacted]
поборомъ на [redacted]
ственно [redacted]
тельность [redacted]
западной [redacted]
великаго [redacted]

II.

...зація состоянія

...ывателей въ Россіи

при

...великомъ.

II.

ОРГАНИЗАЦІЯ СОСТОЯНІЯ

ГОРОДСКИХЪ ОБЫВАТЕЛЕЙ ВЪ РОССІИ

ПРИ

ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

I.

Въ дѣятельности Петра Великаго, по отношенію къ устройству состоянія городскихъ обывателей, обозначаются два направленія. До учрежденія коллегій и магистратовъ, какъ и во времена предшествовавшія, заботы правительства были направлены къ тому, чтобы опредѣлить положеніе торгово-промышленныхъ людей въ государствѣ соотвѣтственно ихъ значенію и характеру ихъ промысла, и тѣмъ устранить причину недоборовъ государевыхъ доходовъ, которая заключалась въ условіяхъ ихъ общественнаго положенія, не благопріятствовавшихъ занятію свободными промыслами „непашенныхъ" людей. Поэтому преобразованія этого періода дѣятельности великаго царя клонились къ тому, чтобъ удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя не разъ заявлялись торгово-промышленными людьми, какъ необходимое условіе для того, чтобы государевы доходы увеличивались и собирались безъ всякихъ недоимокъ.

Исходною точкою и цѣлью такихъ преобразованій былъ непосредственный интересъ казны. Такое одностороннее направленіе выразилось, напримѣръ, въ томъ, что въ Сибири, гдѣ, по малонаселенности городовъ и бѣдности посадскихъ, сборъ государевыхъ доходовъ не могъ быть возложенъ на ихъ отвѣтственность, а за недоборы отвѣчали назначенные изъ русскихъ городовъ таможенные и кабацкіе головы, правительство сочло излишнимъ эмансипировать торгово-промышленныхъ людей, и право, усвоенное русскимъ посадскимъ и чернослободскимъ уѣзднымъ общинамъ, вѣдаться во всѣхъ дѣлахъ своими выборными, не было распространено на сибирскіе города: во главѣ управленія тамъ по прежнему остались воеводы[1]).

Исключительное преслѣдованіе финансовыхъ цѣлей было вообще характеристической чертой традиціонной политики Московскихъ го-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1708.

I.

Въ дѣятельности Петра Великаго, по отношенію къ устройству состоянія городскихъ обывателей, обозначаются два направленія. До учрежденія коллегій и магистратовъ, какъ и во времена предшествовавшія, заботы правительства были направлены къ тому, чтобы опредѣлить положеніе торгово-промышленныхъ людей въ государствѣ соотвѣтственно ихъ значенію и характеру ихъ промысла, и тѣмъ устранить причину недоборовъ государевыхъ доходовъ, которая заключалась въ условіяхъ ихъ общественнаго положенія, не благопріятствовавшихъ занятію свободными промыслами „непашенныхъ" людей. Поэтому преобразованія этого періода дѣятельности великаго царя клонились къ тому, чтобъ удовлетворить тѣмъ требованіямъ, которыя не разъ заявлялись торгово-промышленными людьми, какъ необходимое условіе для того, чтобы государевы доходы увеличивались и собирались безъ всякихъ недоимокъ.

Исходною точкою и цѣлью такихъ преобразованій былъ непосредственный интересъ казны. Такое одностороннее направленіе выразилось, напримѣръ, въ томъ, что въ Сибири, гдѣ, по малонаселенности городовъ и бѣдности посадскихъ, сборъ государевыхъ доходовъ не могъ быть возложенъ на ихъ отвѣтственность, а за недоборы отвѣчали назначенные изъ русскихъ городовъ таможенные и кабацкіе головы, правительство сочло излишнимъ эмансипировать торгово-промышленныхъ людей, и право, усвоенное русскимъ посадскимъ и черносл ободскимъ уѣзднымъ общинамъ, вѣдаться во всѣхъ дѣлахъ своими выборными, не было распространено на сибирскіе города: во главѣ управленія тамъ по прежнему остались воеводы [1]).

Исключительное преслѣдованіе финансовыхъ цѣлей было вообще характеристическою чертой традиціонной политики Московскихъ го-

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1708.

сударей, и Петръ въ дѣлѣ устроенія торгово-промышленнаго состоянія, соотвѣтственно непосредственнымъ выгодамъ правительства, довершилъ только то, что начали его предшественники. Независимо отъ личной энергіи преобразователя, причиною, побудившею его къ скорѣйшему и окончательному огражденію торгово-промышленныхъ людей отъ всякихъ притѣсненій со стороны воеводъ и приказныхъ, была особенная нужда въ денежныхъ средствахъ, какія требовались въ то время для веденія войнъ, предпринятыхъ имъ съ цѣлью завладѣть морскимъ прибережіемъ и пріобрѣсть Россіи мѣсто въ ряду европейскихъ державъ.

Такимъ образомъ, не смотря на иностранныя названія бурмистровъ и ратуши, самое содержаніе новыхъ учрежденій опредѣлилось потребностями времени и было органическимъ продуктомъ народнаго развитія.

Съ учрежденіемъ магистратовъ и коллегій, или лучше, со времени второй поѣздки Петра за границу, задачею внутренней политики преобразователя становится возбужденіе промышленной производительности и торговой дѣятельности въ странѣ. Исходною точкою и цѣлью предпринимаемыхъ въ этомъ отношеніи мѣръ остаются по прежнему интересы внѣшней политики; но заботы о денежныхъ выгодахъ не устраняютъ заботъ о возбужденіи торговли и промышленности посредствомъ благоустройства городовъ.

Занявъ мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, Россія должна была удержать и упрочить его за собою. Но бороться съ цивилизованными народами, не заимствовавъ отъ нихъ тѣхъ средствъ, которыя давали имъ несомнѣнный перевѣсъ, было бы не подъ силу полу-азіатскому государству. Средства эти заключались въ высшемъ техническомъ и промышленномъ развитіи западно-европейскихъ государствъ. Для того, чтобы не быть въ этомъ отношеніи въ постоянной зависимости отъ новыхъ сосѣдей, русскому правительству необходимо было искусственно создать занятія, которыя естественно не требовались тою степенью соціальнаго развитія, на которой стоялъ въ то время внутренній бытъ государства. Въ этомъ новомъ дѣлѣ начинателемъ былъ самъ Петръ. Образцомъ для него былъ западно-европейскій бытъ, съ которымъ ему приходилось ознакомить Русскихъ. Народъ могъ поддержать царя въ его начинаніяхъ только безусловнымъ послушаніемъ: совѣта отъ него въ этомъ новомъ дѣлѣ не требовалось, и онъ не могъ бы и дать его.

Въ видахъ предстоявшей задачи — „мануфактуры и купечество размножить“, на русскую почву были механически перенесены средства

покровительства и регламентаціи торговли и промышленности и формы сословнаго самоуправленія, выработанныя подъ вліяніемъ чуждыхъ Россіи историческихъ условій.

Безъ сомнѣнія, такое дѣленіе не можетъ быть принято за абсолютное. Рѣзкаго перехода отъ политики непосредственнаго увеличенія государственнаго прибытка къ благоустройственной не было въ дѣйствительности.

Двумя указами 30-го января 1699 года осуществилось, наконецъ, желаніе торгово-промышленныхъ людей, чтобы по городамъ воеводы ихъ ни въ чемъ не вѣдали, заявленное ими еще на соборѣ 1642 года, и приведено въ исполненіе давно задуманное дѣло устройства приказа, который бы одинъ вѣдалъ торговыхъ людей судомъ и управою.

Характеръ новыхъ учрежденій и цѣль ихъ вполнѣ опредѣляются въ самыхъ этихъ указахъ, а именно: второй изъ нихъ предоставляетъ посадскимъ и уѣзднымъ промышленнымъ людямъ, — буде они хотятъ, чтобы воеводы въ мірскихъ, расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ и сборахъ государевыхъ доходовъ ихъ не вѣдали, а всѣ такого рода дѣла подлежали вѣдомству самихъ общинъ и земскихъ избъ, — выбрать въ такія избы межъ себя людей добрыхъ и правдивыхъ, „а за тое Его Великаго Государя къ нимъ милость и призрѣніе, что они отъ воеводъ и отъ приказныхъ людей въ обидахъ и въ налогахъ и въ поборахъ и во взяткахъ будутъ свобожены, они посадскіе, и купецкіе, и промышленные, и уѣздные люди, всякіе Его Величества Государя окладные новсягодные сборы, которые съ нихъ были напередъ сего, въ Его Великаго Государя казну платили противъ прежняго окладу вдвое на Москвѣ по высылкамъ мірскихъ своихъ выборныхъ людей, безъ воеводскихъ и приказныхъ людей высылокъ, на указные сроки по вся годы сполна безъ доимки, а на Москвѣ принимать у нихъ тѣ доходы указано будетъ гостямъ и торговымъ выборнымъ же людямъ безо всякія волокиты и убытку“ [1]).

Пріемъ доходовъ, собираемыхъ съ государевыхъ торгово-промышленныхъ людей, и контроль надъ сборомъ и доставкою ихъ были возложены на учрежденіе, устроенное подобно земскимъ избамъ для управленія городскою Московскою общиною; это учрежденіе названо было Бурмистрскою палатою и должно было быть въ то же время центральнымъ финансовымъ установленіемъ и высшею судебною инстанціей по розыскнымъ и расправнымъ дѣламъ посадскихъ и купеческихъ

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1675.

людей всего государства. Въ указѣ объ устройствѣ Бурмистрской палаты, переименованной вскорѣ за тѣмъ въ ратушу, читаемъ: „Извѣстно Ему, Великому Государю, учинилось, что имъ гостямъ и гостинныя сотни и всѣмъ купецкимъ и промышленнымъ людямъ во многихъ ихъ приказныхъ и разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разореніе, а иные отъ того торговъ и промысловъ своихъ отбыли и оскудѣли, а Его Великаго Государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы, вслѣдствіе всего этого Государь, милосердствуя къ нимъ гостямъ гостинной сотни, купцамъ и чернослободцамъ, указалъ ихъ всѣхъ во всякихъ челобитчиковыхъ, расправныхъ и купецкихъ дѣлахъ и сборахъ вѣдать въ одной учрежденной въ Москвѣ изъ выборныхъ отъ всѣхъ Московскихъ сотенъ и слободъ Бурмистрской палатѣ“ [1]).

Изъ всего этого мы видимъ, какъ мы уже и выше сказали, что мотивомъ установленія управленія горожанъ и чернослободцевъ на началахъ автономическихъ былъ правительственный разчетъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова; поэтому, тамъ, гдѣ устраненіе воеводъ отъ вмѣшательства въ дѣла промышленныхъ общинъ не вело прямо къ увеличенію государевыхъ доходовъ, или не согласовалось съ ближайшими, непосредственными правительственными выгодами, прежнія отношенія воеводъ къ городамъ и промышленнымъ слободамъ не были измѣнены. Такъ, въ Сибири воеводы продолжали смотрѣть за присылаемыми изъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ таможенными и кабацкими головами. То же самое было, вѣроятно, и въ другихъ отдаленныхъ краяхъ, какъ можно заключить изъ того, что въ Астрахани сборщики таможеннаго и кружечнаго двора продолжали подавать свои отчетныя книги для повѣрки въ Приказную палату, и воевода имѣлъ право смѣнить таможеннаго голову [2]).

Поводомъ къ такому неблагопріятному для торгово-промышленныхъ людей изъятію была, безъ сомнѣнія, отдаленность Сибирскаго края и Каспійскаго поморья отъ Москвы. Согласно съ характеромъ новыхъ учрежденій, существенною ихъ стороной было строгое подчиненіе мѣстнаго управленія контролю центральнаго установленія, которое въ свою очередь состояло подъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ правительства. Контроль центральнаго учрежденія надъ

---

[1]) Полн. Собр. Закон., № 1674.
[2]) Полн. Собр. Закон., № 1792, 29.

мѣстнымъ управленіемъ, съ устраненіемъ воеводъ, не имѣлъ постоянныхъ областныхъ органовъ, поэтому былъ основанъ на опредѣленныхъ правилахъ отчетности, которая затруднялась дальностью разстоянія. Еще при старыхъ порядкахъ въ 1698 году изданъ былъ именной указъ о сборѣ таможенной пошлины въ сибирскихъ и поморскихъ городахъ. Въ немъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Сибири оказались большія злоупотребленія и недоборы вслѣдствіе именно того, что за дальностью разстоянія таможенныя книги въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могли повѣряться въ Москвѣ [1]).

Земскія избы, какъ учрежденіе, замѣнившее воеводъ, предписано было устроить по городамъ. Засѣдавшіе въ нихъ назывались земскими бурмистрами. Число ихъ не было опредѣлено, а предоставлено было на волю выбирающимъ. Земскимъ бурмистрамъ указывалось: собирать и доставлять въ Москву въ опредѣленные сроки всѣ доходы, какіе прежде собирались съ горожанъ и чернослободцевъ въ Приказную избу; отдавать съ торговъ на оброкъ и на откупъ доходные статьи и сборы; смотрѣть за тѣмъ, чтобы торгово-промышленные люди и иногородные торговцы не промышляли въ городѣ, не платя податей, и не торговали безпошлинно; надзирать за производствомъ таможенныхъ сборовъ и распродажею питей и преслѣдовать корчемство; наконецъ, на нихъ же возлагалось производство работъ на земскія средства, какъ то: постройка тюремъ, торговыхъ бань и т. д., и завѣдываніе отправленіемъ земскихъ повинностей. Прежніе общинные выборные, завѣдывавшіе дѣломъ податныхъ сборовъ и раскладокъ, какъ то: земскіе старосты, сотскіе и десятскіе, были поставлены въ зависимость отъ земскихъ бурмистровъ.

Къ производству питейной продажи и къ таможеннымъ сборамъ предписано было ставить въ городахъ и селахъ ежегодно выбираемыхъ присяжныхъ кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ. Надъ ними также указано было надсматривать земскимъ бурмистрамъ и общинѣ, ихъ выбравшей. Въ случаѣ недобора окладныхъ или неокладныхъ доходовъ отвѣчали бурмистры и земскіе люди, приставившіе ихъ къ сборамъ государевыхъ доходовъ [2]). Эта гарантія круговой отвѣтственности, которая составляла основу общиннаго самоуправленія, была такимъ выгоднымъ для правительства условіемъ относительно сбора доходовъ, что оно налагало на отвѣтственность торгово-промышлен-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1654.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 1697, 1686, ст. 11, 1704, 1819, 1895, 1955, 2127.

людей всего государства. Въ указѣ объ устройствѣ Бурмистрской палаты, переименованной вскорѣ за тѣмъ въ ратушу, читаемъ: „Извѣстно Ему, Великому Государю, учинилось, что имъ гостямъ и гостинныя сотни и всѣмъ купецкимъ и промышленнымъ людямъ во многихъ ихъ приказныхъ и разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большіе убытки и разореніе, а иные отъ того торговъ и промысловъ своихъ отбыли и оскудѣли, а Его Великаго Государя съ нихъ окладные многіе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большіе недоборы, вслѣдствіе всего этого Государь, милосердствуя къ нимъ гостямъ гостинной сотни, купцамъ и чернослободцамъ, указалъ ихъ всѣхъ во всякихъ челобитчиковыхъ, расправныхъ и купецкихъ дѣлахъ и сборахъ вѣдать въ одной учрежденной въ Москвѣ изъ выборныхъ отъ всѣхъ Московскихъ сотень и слободъ Бурмистрской палатѣ“ [1]).

Изъ всего этого мы видимъ, какъ мы уже и выше сказали, что мотивомъ установленія управленія горожанъ и чернослободцевъ на началахъ автономическихъ былъ правительственный разчетъ, въ тѣсномъ значеніи этого слова; поэтому, тамъ, гдѣ устраненіе воеводъ отъ вмѣшательства въ дѣла промышленныхъ общинъ не вело прямо къ увеличенію государевыхъ доходовъ, или не согласовалось съ ближайшими, непосредственными правительственными выгодами, прежнія отношенія воеводъ къ городамъ и промышленнымъ слободамъ не были измѣнены. Такъ, въ Сибири воеводы продолжали смотрѣть за присылаемыми изъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ таможенными и кабацкими головами. То же самое было, вѣроятно, и въ другихъ отдаленныхъ краяхъ, какъ можно заключить изъ того, что въ Астрахани сборщики таможеннаго и кружечнаго двора продолжали подавать свои отчетныя книги для повѣрки въ Приказную палату, и воевода имѣлъ право смѣнить таможеннаго голову [2]).

Поводомъ къ такому неблагопріятному для торгово-промышленныхъ людей изъятію была, безъ сомнѣнія, отдаленность Сибирскаго края и Каспійскаго поморья отъ Москвы. Согласно съ характеромъ новыхъ учрежденій, существенною ихъ стороной было строгое подчиненіе мѣстнаго управленія контролю центральнаго установленія, которое въ свою очередь состояло подъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ правительства. Контроль центральнаго учрежденія надъ

[1]) Полн. Собр. Закон., № 1674.
[2]) Полн. Собр. Закон., № 1792, 29.

мѣстнымъ управленіемъ, съ устраненіемъ воеводъ, не имѣлъ постоянныхъ областныхъ органовъ, поэтому былъ основанъ на опредѣленныхъ правилахъ отчетности, которая затруднялась дальностью разстоянія. Еще при старыхъ порядкахъ въ 1698 году изданъ былъ именной указъ о сборѣ таможенной пошлины въ сибирскихъ и поморскихъ городахъ. Въ немъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Сибири оказались большія злоупотребленія и недоборы вслѣдствіе именно того, что за дальностью разстоянія таможенныя книги въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могли повѣряться въ Москвѣ [1]).

Земскія избы, какъ учрежденіе, замѣнившее воеводъ, предписано было устроить по городамъ. Засѣдавшіе въ нихъ назывались земскими бурмистрами. Число ихъ не было опредѣлено, а предоставлено было на волю выбирающимъ. Земскимъ бурмистрамъ указывалось: собирать и доставлять въ Москву въ опредѣленные сроки всѣ доходы, какіе прежде собирались съ горожанъ и чернослободцевъ въ Приказную избу; отдавать съ торговъ на оброкъ и на откупъ доходные статьи и сборы; смотрѣть за тѣмъ, чтобы торгово-промышленные люди и иногородные торговцы не промышляли въ городѣ, не платя податей, и не торговали безпошлинно; надзирать за производствомъ таможенныхъ сборовъ и распродажею питей и преслѣдовать корчемство; наконецъ, на нихъ же возлагалось производство работъ на земскія средства, какъ то: постройка тюремъ, торговыхъ бань и т. д., и завѣдываніе отправленіемъ земскихъ повинностей. Прежніе общинные выборные, завѣдывавшіе дѣломъ податныхъ сборовъ и раскладокъ, какъ то: земскіе старосты, сотскіе и десятскіе, были поставлены въ зависимость отъ земскихъ бурмистровъ.

Къ производству питейной продажи и къ таможеннымъ сборамъ предписано было ставить въ городахъ и селахъ ежегодно выбираемыхъ присяжныхъ кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ. Надъ ними также указано было надсматривать земскимъ бурмистрамъ и общинѣ, ихъ выбравшей. Въ случаѣ недобора окладныхъ или неокладныхъ доходовъ отвѣчали бурмистры и земскіе люди, приставившіе ихъ къ сборамъ государевыхъ доходовъ [2]). Эта гарантія круговой отвѣтственности, которая составляла основу общиннаго самоуправленія, была такимъ выгоднымъ для правительства условіемъ относительно сбора доходовъ, что оно налагало на отвѣтственность торгово-промышлен-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1654.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 1697, 1686, ст. 11, 1704, 1819, 1895, 1955, 2127.

людей всего государства. Въ указѣ объ устройствѣ Бурмистрской палаты, переименованной вскорѣ за тѣмъ въ ратушу, читаемъ: „Извѣстно Ему, Великому Государю, учинилось, что имъ гостямъ и гостинныя сотни и всѣмъ купецкимъ и промышленнымъ людямъ во многихъ ихъ приказныхъ и разныхъ чиновъ отъ людей въ торгахъ ихъ и во всякихъ промыслахъ чинятся имъ большiе убытки и разоренiе, а иные отъ того торговъ и промысловъ своихъ отбыли и оскудѣли, а Его Великаго Государя съ нихъ окладные многiе доходы учинились въ доимкѣ, а пошлиннымъ сборамъ и инымъ поборамъ большiе недоборы, вслѣдствiе всего этого Государь, милосердствуя къ нимъ гостямъ гостинной сотни, купцамъ и чернослободцамъ, указалъ ихъ всѣхъ во всякихъ челобитчиковыхъ, расправныхъ и купецкихъ дѣлахъ и сборахъ вѣдать въ одной учрежденной въ Москвѣ изъ выборныхъ отъ всѣхъ Московскихъ сотенъ и слободъ Бурмистрской палатѣ“ [1]).

Изъ всего этого мы видимъ, какъ мы уже и выше сказали, что мотивомъ установленiя управленiя горожанъ и чернослободцевъ на началахъ автономическихъ былъ правительственный разчетъ, въ тѣсномъ значенiи этого слова; поэтому тамъ, гдѣ устраненiе воеводъ отъ вмѣшательства въ дѣла промышленныхъ общинъ не вело прямо къ увеличенiю государевыхъ доходовъ, или не согласовалось съ ближайшими, непосредственными правительственными выгодами, прежнiя отношенiя воеводъ къ городамъ и промышленнымъ слободамъ не были измѣнены. Такъ, въ Сибири воеводы продолжали смотрѣть за присылаемыми изъ Москвы и другихъ русскихъ городовъ таможенными и кабацкими головами. То же самое было, вѣроятно, и въ другихъ отдаленныхъ краяхъ, какъ можно заключить изъ того, что въ Астрахани сборщики таможеннаго и кружечнаго двора продолжали подавать свои отчетныя книги для повѣрки въ Приказную палату, и воевода имѣлъ право смѣнить таможеннаго голову [2]).

Поводомъ къ такому неблагопрiятному для торгово-промышленныхъ людей изъятiю была, безъ сомнѣнiя, отдаленность Сибирскаго края и Каспiйскаго поморья отъ Москвы. Согласно съ характеромъ новыхъ учрежденiй, существенною ихъ стороной было строгое подчиненiе мѣстнаго управленiя контролю центральнаго установленiя, которое въ свою очередь состояло подъ непосредственнымъ надзоромъ и контролемъ правительства. Контроль центральнаго учрежденiя надъ

---

[1]) Полн. Собр. Закон., № 1674.
[2]) Полн. Собр. Закон., № 1792, 29.

мѣстнымъ управленіемъ, съ устраненіемъ воеводъ, не имѣетъ посредственныхъ областныхъ органовъ, поэтому былъ основанъ на опредѣленныхъ правилахъ отчетности, которая затруднялась дальностью разстоянія. Еще при старыхъ порядкахъ въ 1698 году изданъ былъ именной указъ о сборѣ таможенной пошлины въ сибирскихъ и поморскихъ городахъ. Въ немъ мы встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Сибири оказались большія злоупотребленія и недоборы вслѣдствіе именно того, что за дальностью разстоянія таможенныя книги въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не могли повѣряться въ Москвѣ[1]).

Земскія избы, какъ учрежденіе, замѣнившее воеводъ, предписано было устроить по городамъ. Засѣдавшіе въ нихъ назывались земскими бурмистрами. Число ихъ не было опредѣлено, а предоставлено было на волю выбирающихъ. Земскимъ бурмистрамъ указывалось: собирать и доставлять въ Москву въ опредѣленные сроки всѣ доходы, какіе прежде собирались съ горожанъ и чернослободцевъ въ Приказную избу; отдавать съ торговъ на оброкъ и на откупъ доходные статьи и сборы; смотрѣть за тѣмъ, чтобы торгово-промышленные люди и иногородные торговцы не промышляли въ городѣ, не платя податей, и не торговали безпошлинно; надзирать за производствомъ таможенныхъ сборовъ и распродажею питей и преслѣдовать корчемство; наконецъ, на нихъ же возлагалось производство работъ на земскія средства, какъ то: постройка церквей, торговыхъ бань и т. д. и завѣдываніе отправленіемъ земскихъ повинностей. Прежніе общинные выборные, завѣдывавшіе дѣломъ земскихъ сборовъ и расходовъ, какъ то: земскіе старосты, сотскіе и десятскіе были поставлены въ зависимость отъ земскихъ бурмистровъ.

Къ производству питейной продажи и къ таможеннымъ сборамъ предписано было ставить въ городахъ и уѣздахъ [illegible] выборныхъ присяжныхъ кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ. [illegible] также указано было надсматривать земскимъ бурмистрамъ и общинѣ ихъ выбравшей. Въ случаѣ недобора окладныхъ или неокладныхъ доходовъ отвѣчали бурмистры и земскіе люди, приставленные къ сборамъ государевыхъ доходовъ[2]). [illegible] ности, которая составляла основу [illegible] такимъ выгоднымъ для правительства условіемъ [illegible] доходовъ, что оно налагало на [illegible]

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № [illegible].
[2]) — Собр. Закон. № [illegible], [illegible]. т. X; [illegible]

ныхъ общинъ даже такіе сборы, которые по существу своему не требовали компетентности въ торгово-промышленномъ дѣлѣ. Такъ, въ 1706 году, когда изъ опыта прежнихъ лѣтъ правительство убѣдилось въ томъ, „что многіе въ большихъ городахъ изъ людей приказныхъ, а въ меньшихъ и самые воеводы къ пріумноженію пошлинъ съ писанія крѣпостныхъ актовъ чинили нерадѣніе“ и своими злоупотребленіями наносили ущербъ государевой казнѣ, сборъ этотъ переданъ былъ въ вѣдомство бурмистровъ съ тѣмъ, что если впредь окажутся недоборы, то они будутъ взысканы съ земскихъ бурмистровъ и съ лучшихъ посадскихъ людей[1]). Въ таможняхъ, кромѣ собственно торговыхъ пошлинъ, взимался, напримѣръ, такой сборъ, какъ хомутный, которымъ ямщики окупали право промышлять извозомъ[2]). Наконецъ, правительство находило выгоднымъ поручать выборнымъ цѣловальникамъ такіе промыслы, какіе прежде состояли на откупѣ. Такъ, въ 1707 году учреждена была казенная продажа дегтю, коломази, мѣлу, рыбьяго жиру и сала, которая прежде отдавалась на откупъ, и производить ее указано было слободскимъ цѣловальникамъ подъ надзоромъ бурмистровъ[3]).

Въ дѣлахъ сбора и доставки въ Москву государевыхъ доходовъ и въ производствѣ расходовъ земскія избы и бурмистры подлежали по закону самому строгому контролю Бурмистрской палаты. Правила отчетности и отвѣтственности были въ этомъ отношеніи весьма обстоятельно опредѣлены.

Для доставки отчетныхъ книгъ, вѣдомостей и денежныхъ суммъ установлены были опредѣленные сроки. Стрѣлецкій и оброчный сборы съ описаніемъ оброчныхъ статей и съ подробною пошлинною росписью, сколько съ кого и какихъ именно поборовъ взято, должны были доставляться въ палату ежегодно. Кабацкіе и таможенные бурмистры подавали въ земскую избу еженедѣльные отчеты по сборамъ таможенныхъ и кабацкихъ доходовъ; изъ такихъ отчетовъ земскіе бурмистры составляли мѣсячныя вѣдомости, которыя представлялись своевременно на разсмотрѣніе Бурмистрской палаты. Съ 1703 года введены были новыя правила отчетности и контроля по этимъ сборамъ: таможеннымъ и кабацкимъ бурмистрамъ указано было имѣть дестевыя тетради, скрѣпленныя по листамъ земскими бурмистрами, и въ нихъ записывать поденно всякіе приходы и расходы. По такимъ тетрадямъ земскіе бур-

1) Полн. Собр. Закон. № 2099.
2) Полн. Собр. Закон. № 1816.
3) Полн. Собр. Закон. № 2153.

мистры составляли свои мѣсячныя вѣдомости; кромѣ того для повѣрки ихъ должны были посылаться по временамъ особые ревизоры изъ Москвы. Въ дѣла уѣздныхъ, таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ, за которыхъ отвѣчали сельскія общины, ихъ выбравшія, земскіе бурмистры непосредственно не вступались, но должны были, подъ страхомъ пени, доводить до свѣдѣнія палаты о всякихъ съ ихъ стороны злоупотребленіяхъ и дѣйствовать въ этихъ случаяхъ по ея указанію; это, впрочемъ, нисколько не исключало уѣздныхъ бурмистровъ отъ общей для всѣхъ ихъ обязанности подавать отчеты въ земскую избу по тѣмъ же правиламъ, какія установлены были для посадскихъ.

Собранныя таможенныя пошлины и питейный доходъ предписано было доставлять въ Москву въ ноябрѣ, мартѣ и маѣ мѣсяцахъ. По окончаніи каждаго года таможенные и кабацкіе головы сами должны были являться въ Москву съ своими отчетными книгами, скрѣпленными по листамъ земскими бурмистрами, и съ остаточными суммами въ мѣшкахъ за печатью земской избы. Представленные отчеты повѣрялись въ палатѣ, и если оказывалась недоимка, то она тамъ же съ нихъ и взыскивалась; но если, послѣ мѣсяца стоянія на правежѣ, они продолжали отговариваться, что имъ въ Москвѣ пополнить недочетовъ не чѣмъ, то ихъ высылали на мѣсто жительства и предписывали земскимъ бурмистрамъ взыскать недоимку съ имущества, какое за ними тамъ окажется; буде же такого не ставало для пополненія числящагося на сборщикахъ долга, или виновные укрывались отъ платежа, то слѣдуемое съ нихъ взыскивалось съ общины, ихъ выбравшей. Если при повѣркѣ отчетовъ бурмистры показывали, что недобранныя деньги числятся по книгамъ на комъ-нибудь изъ жителей подвѣдомственнаго имъ округа и что они не успѣли ихъ съ нихъ взыскать, за скоростью высылки къ отчету, то ихъ отпускали за порукою и съ обязательствомъ доставить такой недоборъ въ опредѣленный срокъ; но если дѣло было спорное, то недоимка, безъ дальнѣйшаго разбора дѣла, взыскивалась съ самихъ бурмистровъ [1]).

Такая же строгая отчетность и отвѣтственность примѣнялись и ко всѣмъ другимъ сборамъ, предоставленнымъ въ вѣдомство бурмистрамъ. Такъ, въ 1705 году велѣно было кабацкимъ бурмистрамъ продавать табакъ, и собранныя деньги вмѣстѣ съ отчетами, „со особымъ подобіемъ питейныя продажи питейныя вѣдомости“, присылать изъ городовъ въ Москву [2]).

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1697, 1813, 1816, 1865, 1922, 1777.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 2045.

Въ случаѣ недоставки сборовъ къ законами опредѣленнымъ срокамъ, бурмистры подлежали уплатѣ пени въ десять процентовъ всей суммы дохода.

Подряды и поставки на кружечный дворъ должны были совершаться съ вѣдома и за свидѣтельствомъ земскихъ бурмистровъ. Всякіе расходы и выдачи денегъ производились земскими избами только по указамъ Бурмистрской палаты, или ратуши, какъ она потомъ называлась [1]).

Я позволилъ себѣ съ мелочною и утомительною подробностью изложить правила отчетности бурмистровъ по дѣламъ сборовъ, потому что строгій контроль центральнаго учрежденія надъ мѣстнымъ управленіемъ составлялъ существеннѣйшую сторону новаго устройства торгово-промышленнаго состоянія. Воеводы могли быть удалены отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла посадскихъ и чернослободскихъ общинъ безъ ущерба для государевой казны только подъ непремѣннымъ условіемъ, чтобъ ихъ надзоръ былъ замѣненъ контролемъ другаго какого-либо учрежденія, непосредственно зависящаго отъ правительства. Такимъ установленіемъ, долженствовавшимъ замѣнить по отношенію къ мѣстному управленію непосредственный надзоръ воеводы, явилось центральное учрежденіе, устроенное на тѣхъ же началахъ, какъ и управленіе общинъ; очевидно, что оно могло выполнять свое назначеніе только подъ условіемъ опредѣленныхъ правилъ отчетности и строгой опредѣленности отношеній къ нему мѣстъ и лицъ, ему подвѣдомственныхъ.

Достигали ли, при условіяхъ того времени, установленныя мѣры контроля своей цѣли, — это уже другой вопросъ, на который можно отвѣчать только отрицательно.

Самоуправство, лѣность и низкія понятія о нравственности и гражданскомъ долгѣ, которыя допускали даже самыхъ высокопоставленныхъ лицъ грабить казну безъ всякаго зазрѣнія совѣсти, — эти наслѣдственныя болѣзни русскаго общества того времени парализировали и извращали самыя цѣлесообразныя по своей идеѣ учрежденія. Установленныя правила контроля далеко не выполнялись.

Въ октябрѣ 1705 года Курбатовъ, назначенный инспекторомъ ратушскаго правленія, доносилъ государю, что „не точію сначала состоянія ратуши, но еще съ 206 года, съ котораго имъ то чинить велѣно, книгъ Московскія таможни по сей годъ въ ратушу не взято и

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1697.

бурмистры не считаны и премногая есть доимка, въ чемъ усмотрѣлъ я, что ихъ милость бурмистры другъ другу тяготы носятъ". „Въ городахъ отъ бурмистровъ", продолжаетъ онъ дальше, „премногія явились кражи Вашея казны, и въ розыскахъ бурмистры говорили, объявляя о черныхъ сборамъ книгахъ, которыхъ не подаютъ въ ратушѣ, а подаютъ бѣлыя, написавъ какъ хотятъ съ великимъ уменьшеніемъ, и во всѣхъ городахъ такія книги есть, которыя ужъ многія и вынуты" [1].... Самыя средства, предпринятыя противъ злоупотребленій, служили только къ ихъ прикрытію; такъ, частая подача вѣдомостей и отчетовъ обращала дѣло контроля въ безполезное выполненіе формальностей. „И въ нынѣшнихъ вѣдомостяхъ бурмистры паче сборовъ пекутся о вѣдомостяхъ", говоритъ Посошковъ о питейномъ сборѣ, „да и нельзя имъ не такъ дѣлать, потому что приказные люди приступленіемъ на нихъ того спрашиваютъ, чтобы въ вѣдомостяхъ писали именно, колико въ недѣлю какого питья продано и колико какого питья въ другую недѣлю осталось и на сколько цѣною? Гляди, мѣсяцъ пройдетъ, то паки всѣ водки сличаютъ, и въ таковыхъ вѣдомостяхъ бурмистры, оставя дѣло, да за вѣдомостьми трудятся. Такія вѣдомости надлежитъ писать годовыя, ради подлиннаго извѣстія счету послѣ года, а не понедѣльно" [2].

Но зло заключалось главнымъ образомъ не въ недостаткахъ учрежденія, а въ нравственной несостоятельности общества.

Воровство бурмистровъ и самоуправныя дѣйствія ихъ не могли быть сдержаны никакими внѣшними мѣрами тѣмъ болѣе, что этихъ самыхъ мѣръ невозможно было осуществить.

Въ 1700 году таможенные бурмистры подали свои счетныя книги, при ревизіи которыхъ оказалось, что они давали торговымъ людямъ выписи въ платежѣ пошлинъ, не занося этого въ книги [3]). Въ слѣдующемъ году гость Иванъ Исаевъ подалъ царю челобитную, что Брянскіе земскіе и таможенные бурмистры задерживали его людей, которыхъ онъ посылалъ для покупки и промѣна на соль пеньки, и отнимали у нихъ товаръ, „и отъ того ихъ насилія Великаго Государя казнѣ недоборъ, а имъ въ торгѣ помѣшательство" [4]).

Въ 1706 году Курбатовъ писалъ государю: „За городскими бурмистры премногое воровство чрезъ мое бѣднаго усердіе сыскано: въ

[1]) Исторія Россіи Соловьева. Т. XVI, стр. 6, 7.
[2]) Сочин. Ивана Посошкова. Гл. IX, стр. 237.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 1816.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 1880.

одномъ Ярославлѣ украдено съ 40.000 рублевъ. На Псковичей: Никифора Ямскаго и Михайла Супрунова съ сыномъ и на иныхъ лучшихъ людей говорятъ, что во времена точію Шведской войны украдено ими пошлинъ и питей продажи съ 90.000 рублевъ и больше" [1]).

Обычай разбавлять напитки и обманывать покупщиковъ табаку и водки въ мѣрѣ и вѣсѣ былъ такъ распространенъ въ Россіи, что это доходило даже до свѣдѣнія иностранныхъ дипломатическихъ агентовъ при Русскомъ дворѣ [2]).

За выборъ въ бурмистрскую должность платили какъ за доходное мѣсто. Такъ, Веневскіе посадскіе люди произвольно устранили своихъ выборныхъ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ за то, что они имъ ничего не дали, и опредѣлили къ отправленію этихъ службъ новыхъ лицъ, которые заплатили имъ за это 120 рублевъ [3]).

Контроль центральнаго учрежденія надъ мѣстнымъ общиннымъ управленіемъ былъ бы еще болѣе затруднителенъ, если бы Московской палатѣ приходилось для этого вступать въ непосредственныя сношенія съ каждымъ отдѣльнымъ городомъ; поэтому вслѣдъ за изданіемъ указовъ 30-го января 1699 года, правительство озаботилось образовать посредствующія инстанціи между отдѣльными посадами и Московскою центральною палатой. Съ этою цѣлью менѣе значительные города были приписаны къ такимъ городамъ, какъ Новгородъ, Псковъ и другіе. Бурмистрамъ этихъ послѣднихъ городовъ указано было надсматривать за приписными земскими, таможенными и кабацкими бурмистрами и быть во всякихъ дѣлахъ посредниками между ними и бурмистрскою палатою, для того, какъ объяснялось въ указѣ, чтобъ изъ Москвы въ приписные города и уѣзды ни за чѣмъ не посылать [4]).

Если правительство не добирало своихъ доходовъ вслѣдствіе недобросовѣстности земскихъ выборныхъ, то худшимъ и среднимъ земскимъ людямъ приходилось въ свою очередь переносить всякаго рода притѣсненія и обиды со стороны лучшихъ посадскихъ людей.

Во времена до-Петровскія, въ случаѣ жалобъ бѣднѣйшихъ членовъ общины на самоуправство лучшихъ людей, правительство обыкновенно давало предписаніе воеводѣ не попускать ихъ въ обиду послѣднимъ. Съ тѣхъ поръ, какъ самостоятельность общиннаго управ-

[1]) Исторія Россіи Соловьева. Т. XVI, стр. 8.
[2]) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, стр. 81.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 1722.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 1706.

женія была расширена, случаи утѣсненій худшихъ и среднихъ людей лучшими должны были значительно увеличиться. Никакихъ легальныхъ препонъ къ тому не было въ самомъ учрежденіи общины. Въ какой мѣрѣ различные классы земства имѣли право принимать участіе въ общинныхъ дѣлахъ, кто долженъ былъ подавать голосъ при выборахъ въ общинныя должности и къ отправленію земскихъ службъ, кто принималъ участіе въ составленіи мірскихъ раскладокъ и въ повѣркѣ отчетовъ, которые подавались выборными сборщиками въ земскую избу, законъ этого въ подробностяхъ не опредѣлялъ, возлагая вообще всѣ такого рода дѣла на общину.

Правительство въ интересахъ собственной выгоды стояло только на томъ, чтобы къ сборамъ и въ отвѣтственныя должности выбирались люди состоятельные, съ которыхъ возможно было бы взыскать недоборъ, и чтобы община смотрѣла за своими выборными и отвѣчала за нихъ. Такъ какъ значеніе и взаимное отношеніе различныхъ классовъ въ общинѣ не были опредѣлены закономъ, то относительное положеніе ихъ установилось силою естественнаго преобладанія людей богатыхъ надъ бѣднѣйшими, не сдержанною регулирующею силою искусственной организаціи. Вся власть сосредоточилась въ рукахъ лучшихъ людей, и они пользовались своимъ значеніемъ въ видахъ личной корысти на счетъ менѣе состоятельныхъ членовъ общины.

18-го декабря 1706 года объявленъ былъ именной указъ, въ которомъ читаемъ: „Вѣдомо Ему Великому Государю учинилось, что *едва ли не во всѣхъ городахъ*, въ окладныхъ тяглыхъ и въ случающихся неокладныхъ, и на мірскіе расходы поборахъ налагаютъ пожиточные, пользуя себя, на убогихъ (безъ всякой скудости ихъ торговыхъ промысловъ разсмотрѣнія) платежи тяжкіе, яко забывъ Его Государевы указы, которые указы повелѣваютъ имъ всегдашнее во всякихъ поборахъ съ разсмотрѣніемъ промысловъ и торговъ и пожитковъ имѣти уравненіе; въ иныхъ же городахъ, то объявленное въ указахъ по разсмотрѣнію пожитковъ предлагаютъ они пожиточные (чиня тѣмъ указамъ противленіе) въ новое убогимъ же тягчайшее уравненіе, именно, отставя имущество пожитковъ, равняютъ въ уровнѣхъ съ собою подати числомъ дворовымъ, а такія числами дворовъ имъ убогимъ злыя обиды случалось имъ чинить и во времена солдатъ, работниковъ и подводныхъ поборовъ. И чтобы иные поборы и всякія подати были собираны по древнему, съ расположеніемъ каждаго въ пожиткахъ имущества, обычаю, многое въ городахъ земскихъ бурмистромъ отъ убогихъ было прошеніе, но они, вѣдая о себѣ, что и сами они изъ числа

первостатейныхъ же, указу имъ не чинили, инымъ же изъ нихъ бурмистровъ за такія о правдахъ прошенія, забывъ Божій и Его Государевъ страхъ, производили въ тюрмахъ задержаніемъ и чрезъ иныя наказанія, озлобленія, отъ которыхъ многіе изъ числа убогихъ вышли въ стороны городовъ".

Такимъ образомъ интересы государевой казны необходимо требовали, чтобы взаимное отношеніе составныхъ элементовъ общины въ дѣлѣ управленія было регулировано закономъ и преобладаніе денежной силы было сдержано формальными гарантіями. Въ видахъ этого предписано было на будущее время выбирать сборщиковъ окладной подати и другихъ доходовъ всею общиною и выборъ ихъ утверждать подписью лучшихъ и убогихъ людей. Для повѣрки счетовъ указано было также выбирать съ общаго согласія особыхъ присяжныхъ изъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ членовъ общины, а общиннымъ сборщикамъ и раскадчикамъ подавать имъ для повѣрки ежемѣсячныя отчетныя вѣдомости. Списки такихъ выборныхъ вмѣстѣ съ перечневыми выписками мірскихъ расходовъ должны были доставляться въ Москву [1]).

Переходя отъ финансоваго значенія земскихъ избъ и общины къ судебной власти земскихъ бурмистровъ, мы должны предварительно замѣтить, что такъ какъ главною цѣлью новаго учрежденія было увеличеніе доходовъ казны, то въ памятникахъ того времени мы находимъ гораздо болѣе законодательныхъ опредѣленій относительно сбора этихъ доходовъ и отчетности по дѣламъ сборовъ, чѣмъ относительно установленія порядка суда и круга подсудности. Дѣло суда не было установлено на такихъ же подробно и точно изложенныхъ основаніяхъ, какъ дѣло финансоваго контроля.

Въ качествѣ судей земскимъ бурмистрамъ указано было вѣдать купеческихъ людей и чернослободцевъ во всѣхъ ихъ расправныхъ и челобитчиковыхъ дѣлахъ, то-есть, по дѣламъ гражданскимъ [2]). Въ случаяхъ жалобъ посадскихъ людей на бѣломѣстцевъ, бурмистры рѣшали дѣло сообща съ приказными. Свои челобитныя о взысканіи долговъ съ бѣломѣстцевъ, и вообще по торговымъ дѣламъ, торгово-промышленные люди могли подавать въ земскія избы и въ ратушу, а по другимъ дѣламъ должны были искать въ тѣхъ приказахъ, суду которыхъ подлежалъ отвѣтчикъ. Если при производствѣ розыска бурмистрами по дѣламъ, подлежащимъ ихъ подсудности, оказывался замѣшаннымъ бѣломѣстецъ, то имъ дозволялось задерживать его „противъ

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2127.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 1704.

того „какъ велѣно въ розыскныхъ сыщикамъ отдавать посадскихъ людей“ [1]).

Когда учреждены были ландраты, посадскимъ указано было подавать свои челобитныя на крестьянъ ландратамъ, а крестьянамъ на посадскихъ Бурмистрамъ. Если бы кто изъ ландратовъ или бурмистровъ несправедливо обидѣлъ ту или другую изъ тяжущихся сторонъ, то обиженному предоставлялось бить на него челомъ мѣстному губернатору [2]).

Отношеніе мѣстной юрисдикціи къ судебной власти центральнаго учрежденія не было точно опредѣлено закономъ. По словамъ указа объ учрежденіи Бурмистрской палаты, ей было въ общихъ выраженіяхъ предоставлено вѣдать посадскихъ и купеческихъ людей во всякихъ ихъ расправныхъ, челобитчиковыхъ и купеческихъ дѣлахъ и по расправѣ, чинить правежъ, наказаніе и казни. Далѣе въ другомъ указѣ весьма не ясно выражено, что суду палаты, кромѣ розыскныхъ и расправныхъ дѣлъ, касающихся торгово-промышленныхъ людей Москвы и ея уѣзда, подлежали также дѣла, которыя или не входили въ кругъ вѣдомства земскихъ бурмистровъ, или не могли быть ими рѣшены по чему-либо другому, или наконецъ, переходили въ палату аппеляціоннымъ порядкомъ. „А вѣдать ихъ въ расправныхъ дѣлахъ и доходахъ тѣхъ городовъ выборнымъ бурмистрамъ, а изъ городовыхъ бурмистровъ и всѣхъ купеческихъ чиновъ людей во всемъ вѣдать Московскимъ бурмистрамъ“.

Мы знаемъ только, что жалобы воеводъ на бурмистровъ и горожанъ, такъ какъ по такого рода дѣламъ розыскъ производился Московскими бурмистрами, подавались въ Бурмистрскую палату. Жалобы бурмистровъ и посадскихъ на воеводъ и бѣломѣстцевъ подавались въ приказы, суду которыхъ подлежали отвѣтчики, но въ судѣ принимали участіе и Московскіе бурмистры [3]).

Кругомъ какихъ дѣлъ ограничивалось вѣдомство городскихъ бурмистровъ и было ли какое-нибудь ограниченіе въ этомъ отношеніи, это трудно разъяснить на основаніи тѣхъ немногихъ данныхъ, которыя находятся въ Полномъ Собраніи Законовъ. Весьма вѣроятно, что по старому порядку, земскимъ бурмистрамъ предоставлено было на личное усмотрѣніе рѣшать, по какимъ дѣламъ они „указу учинить не могутъ“.

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1808, 1819. ст. 3, 4.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 2879.

[3]) Полн. Собр. Зак. № 1704.

Изъ того ужъ, что органомъ общиннаго самоуправленія предназначено было быть избѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ бурмистровъ, а не одному какому-либо должностному лицу, мы можемъ заключать, что царь съ самаго начала намѣревался придать новому учрежденію коллегіальный характеръ; это намѣреніе окончательно опредѣлилось тѣмъ, что указомъ 1-го сентября 1699 года велѣно было Московскимъ бурмистрамъ вершить всякія дѣла съ общаго совѣта, и тѣ изъ нихъ, въ которыхъ вопросъ шелъ о суммѣ болѣе чѣмъ во сто рублей, подписывать всѣмъ, а другія менѣе значительныя бумаги одному только изъ бурмистровъ[1]).

Обратимся теперь къ судьбамъ центральнаго органа самоуправленія торгово-промышленнаго состоянія. Онъ былъ устроенъ на тѣхъ же началахъ, какъ и мѣстное общинное самоуправленіе посадскихъ людей. Въ указѣ 30-го января 1699 года предписано было гостямъ, гостинной сотнѣ и всѣмъ другимъ сотнямъ и слободамъ выбрать изъ себя въ палату „сколько похотятъ добрыхъ и правдивыхъ людей“, а изъ нихъ одному сидѣть въ ней по мѣсяцу президентомъ. Составъ и кругъ вѣдомства новаго учрежденія былъ опредѣленъ въ этомъ указѣ только въ общихъ чертахъ. Это вызвало со стороны гостей запросныя статьи о подробнѣйшемъ уясненіи состава и вѣдомства палаты, которыя они и подали въ разрядъ.

Въ этихъ статьяхъ на первомъ планѣ стояла просьба, чтобы государь повелѣлъ выбрать въ бурмистры четырехъ человѣкъ изъ гостей, четырехъ изъ гостинной сотни и четырехъ изъ всѣхъ остальныхъ сотенъ[2]). Но давать такой перевѣсъ гостямъ и гостинной сотнѣ не было въ разсчетахъ правительства. Оно старалось сгладить слѣды привилегій, установившихся во времена удѣльныя и при иныхъ условіяхъ утратившихъ свой смыслъ, а давать предпочтительное значеніе гостямъ не было въ этомъ случаѣ никакого дѣйствительнаго основанія. Лучшіе люди черныхъ сотень и городскіе посадскіе люди несли тѣ же общинныя и отъѣзжія службы, какъ и гости, съ тою только разницею, что послѣдніе, какъ сравнительно болѣе состоятельные, посылались въ головы къ болѣе значительнымъ сборамъ, какъ напримѣръ въ Архангельскъ[3]). Торговые люди гостинной сотни выбирались также въ земскія должности, на ряду съ другими посадскими людьми. Такъ, торговаго человѣка гостинной сотни Өедора Быкова

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1696.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 1683.
[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 1708, 1687.

велѣно было выбирать въ службы въ Каргополь [1]), изъ чего можно заключить, что члены гостинной торговой корпораціи, избавленные въ прежнее время отъ службъ по выбору тяглыхъ людей, утратили эту привилегію и стали приписываться службами къ тяглымъ общинамъ. Поэтому-то, не смотря на представленіе гостей „о томъ, что въ гостинномъ чинѣ необходимо учинить прибавку", правительство не нашло нужнымъ увеличивать ихъ числа и предписало быть у новаго дѣла торговымъ людямъ всѣхъ сотенъ и слободъ и выбирать бурмистровъ всѣмъ городскимъ обществомъ сообща [2]), а именно, указомъ 17-го апрѣля того же года опредѣлено было ставить въ кандидаты на бурмистерскую должность отъ каждой сотни и слободы, исключая слободъ не болѣе какъ въ 30 дворовъ, по одному выборному. Изъ такихъ кандидатовъ указано было всѣмъ сотнямъ и слободамъ сообща выбирать лучшихъ 12 человѣкъ въ бурмистры, такъ чтобы въ теченіе года каждый изъ нихъ могъ быть въ свою очередь президентомъ [3]). Для веденія приходо-расходныхъ книгъ, согласно съ представленіемъ о томъ гостей, указано было быть при палатѣ подъячимъ по выбору бурмистровъ, и для выемки корчемныхъ питей и разныхъ разсылокъ—солдатамъ. На предложеніе гостей давать подъячимъ, состоящимъ при палатѣ, жалованье отъ казны, „чтобы ихъ работа была истинная и къ корыстямъ неприхотная", послѣдовало рѣшеніе давать имъ казенное жалованье только въ теченіе перваго года ихъ службы, а впредь положить кормиться имъ съ дѣлъ. Такимъ образомъ непосредственный интересъ казны перевѣсилъ интересъ торговыхъ людей, потому что онъ-то собственно и былъ исходною точкою и причиною заботливости правительства о томъ, „чтобы купецкимъ и промышленнымъ людямъ отъ приказныхъ разныхъ чиновъ убытковъ и раззоренія не было".

Въ качествѣ высшей инстанціи и центральнаго учрежденія, Бурмистрской палатѣ указано было надзирать за производствомъ податныхъ и промысловыхъ регальныхъ сборовъ, какіе шли въ казну отъ городскихъ и уѣздныхъ торгово-промышленныхъ общинъ, и за своевременною доставкою ихъ въ Москву, принимать собранныя деньги и повѣрять представляемыя отчетныя вѣдомости и книги. Вмѣстѣ съ передачею такого дѣла въ исключительное вѣдомство новаго учрежденія, всѣмъ другимъ приказамъ предписано было передать въ палату

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1715.

[2]) Полн. Собр. Закон. №№ 1683, 1686, ст. 1.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 1685.

всѣ указы прежнихъ лѣтъ, относящіеся къ таможенному и кабацкому дѣлу, и всѣ счетныя выписи всѣхъ таможень и кабаковъ. Изъ собранныхъ денегъ палата выдавала на расходы въ другіе приказы.

Посредствующимъ органомъ между палатою, какъ центральнымъ органомъ автономическаго сословнаго управленія, и правительствомъ, олицетворяющимъ идею государственнаго единства былъ поставленъ приказъ Большой казны. Бурмистры вносили въ этотъ приказъ остаточныя суммы, и отслуживъ свой годъ, представляли ему перечневые списки приходо-расходныхъ книгъ. О выдачѣ изъ палаты денегъ по требованію приказовъ и о другихъ важнѣйшихъ дѣлахъ указано было бурмистрамъ докладывать по воскресеньямъ самому государю.

О значеніи Бурмистрской палаты, какъ судебной инстанціи, мы ужь говорили; намъ остается только добавить, что кромѣ вышеисчисленныхъ дѣлъ, въ кругъ ея подсудности входило разбирательство по жалобамъ иноземцевъ на русскихъ купцовъ, которое прежде производилось Посольскимъ приказомъ [1]).

На Бурмистрскую палату, въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ, возложено было собирать свѣдѣнія объ экономическомъ состояніи посадскихъ поселеній. Подчиненныя ей мѣста обязаны были доставлять вѣдомости объ оброчныхъ статьяхъ и о торговыхъ людяхъ: о томъ, какими промыслами они промышляютъ, какія подати платятъ и не причиняютъ ли имъ бѣломѣстцы обидъ и утѣсненій.

Но Бурмистрская палата не была только центральнымъ учрежденіемъ: она завѣдывала въ Москвѣ мѣстнымъ управленіемъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ въ другихъ городахъ и уѣздахъ земскія избы [2]), съ тою только разницею, что въ Москвѣ, какъ въ столицѣ, соціальныя условія и требованія были сравнительно сложнѣе и шире, а потому и самая дѣятельность общины и бурмистровъ была многообразнѣе. Такъ какъ въ Москвѣ можно было допустить самостоятельную земскую полицію, то Московскіе торговые люди по ихъ челобитью были въ 1700 году изъяты изъ вѣдомства посылаемыхъ изъ Стрѣлецкаго приказа объѣзжихъ; отправленіе же полицейскихъ службъ, обыкновенно возлагаемыхъ на объѣзжихъ головъ, было возложено на выборныхъ старостъ и десятскихъ, которые прежде состояли въ распоряженіи объѣзжихъ [3]), тогда какъ въ другихъ городахъ смотрѣть за тѣмъ,

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1674. 1683, 1686.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 1697.
[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 1787, 1689.

чтобы на посадѣ и въ уѣздѣ разбоя, татьбы и инаго никакого воровства не было, указано было воеводамъ [1]). Забота объ охраненіи города отъ огня также была возложена по городамъ на воеводъ, въ распоряженіи которыхъ состояло по этому дѣлу извѣстное количество посадскихъ и служилыхъ людей. Мѣры, предписываемыя воеводскими наказами, въ видахъ береженія отъ пожаровъ, состояли въ запрещеніи топить въ лѣтнее время въ посадскихъ избахъ и баняхъ и ходить по ночамъ съ огнемъ; на крышахъ домовъ указывалось содержать кадки съ водою и вѣниками [2]). Въ Москвѣ пожарная полиція была организована въ особое учрежденіе еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Въ каждой улицѣ и переулкѣ для береженія отъ огня и отъ воровъ приписаны были рѣшетчатые прикащики и сторожа; отъ каждыхъ десяти дворовъ должны были являться на пожаръ по одному человѣку съ рогатинами, крюками и водоливными трубами [3]).

Такимъ образомъ, установившаяся форма сословно-общиннаго самоуправленія обладала свойствомъ растяжимости, необходимымъ условіемъ прочности учрежденія. Въ основаніи ея лежалъ широкій принципъ государственнаго тягла. Съ развитіемъ жизни расширялся и кругъ дѣлъ, которыя правительство, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, находило болѣе цѣлесообразнымъ „положить на крестьянскія души“ земскихъ людей.

Такъ, напримѣръ, въ Москвѣ, какъ въ столицѣ, улицы были вымощены, и требовалось наблюдать за поддержаніемъ мостовой въ надлежащемъ видѣ и за содержаніемъ улицъ въ чистотѣ; поэтому въ 1709 году велѣно было выбрать во всѣхъ улицахъ и переулкахъ для досмотра помета и мостовыхъ бревенъ особыхъ десятскихъ; если противъ чьего-нибудь двора изъ мостовой будутъ бревна выломаны или покрадены или какой навозъ, мертвечина и пометъ явится, то все это очищать и краденыя изъ мостовыхъ бревна замащивать хозяевамъ, противъ чьихъ дворовъ пометъ и краденыя бревна явятся; ослушниковъ въ первый разъ бить батогами, во второй тоже бить батогами и брать съ нихъ пени по 5 рублей, въ третій бить кнутомъ и брать пени по 10 рублей [4]).

Въ первый же годъ своего существованія Бурмистрская палата

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1738, ст. 16.

[2]) Смотри воеводскіе наказы.

[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 6, 1693.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 2225.

была переименована въ ратушу [1]). Подъ этимъ новымъ своимъ названіемъ Бурмистрская палата осталась вообще въ прежнемъ своемъ составѣ и при прежнемъ кругѣ вѣдомства [2]). Частныя измѣненія, состоявшія въ томъ, что тотъ или другой сборъ включался въ кругъ ея вѣдомства, или переходилъ изъ-подъ надзора ратуши въ подвѣдомственность другаго какого-либо центральнаго учрежденія, вытекали изъ такихъ же частныхъ соображеній и опредѣлялись случайнымъ и временнымъ разчетомъ.

Въ XVII вѣкѣ, какъ мы говорили въ предыдущей главѣ, къ приказамъ „для приказнаго строенія" приписывались города съ ихъ доходами или извѣстныя отрасли доходовъ. Съ учрежденіемъ Бурмистрской палаты положено было „гостей и гостинныя сотни и всѣхъ Московскихъ сотенъ и слободъ посадскихъ и купецкихъ и промышленныхъ людей и чернослободцевъ въ приказахъ судьямъ и приказнымъ людямъ, гдѣ они напередъ сего судомъ и всякими расправными и челобитчиковыми и купецкими дѣлами и службами и всякими поборы были вѣдомы.... впредь въ тѣхъ приказахъ не вѣдать"; но принятое начало ужь и тогда, какъ кажется, не устраняло нѣкоторыхъ исключеній. Выборные списки земскихъ бурмистровъ указано было доставлять въ тѣ приказы, къ которымъ города были приписаны; слѣдовательно, связь иногородныхъ посадскихъ общинъ съ различными приказами не была окончательно разорвана.

Изъ указовъ 1701 и 1704 годовъ мы заключаемъ, что за Конюшеннымъ приказомъ, напримѣръ, остался доходъ съ городскихъ торговыхъ бань, который онъ отдавалъ на откупъ или предоставлялъ сбору бурмистровъ [3]). Начало полной независимости посадскихъ общинъ по отношенію къ приказамъ не выдерживалось и въ послѣдствіи. Въ 1700 году деньги на мощеніе улицъ въ Москвѣ, которыя прежде собирались ратушею, стали поступать въ Стрѣлецкій приказъ [4]). До 1707 года сборы съ мастеровыхъ и рабочихъ людей, съ лавочныхъ сидѣльцевъ, съ торговыхъ площадей, привальная и отвальная пошлина, пошлины съ продажи скота и кожъ, съ квасныхъ и уксусныхъ сусленыхъ промысловъ поступили во вновь учрежденную канцелярію медоваго сбора, а съ этого года стали собираться въ ратушу и отъ нея уже передались въ Ингерманландскую главную кан-

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1718.

[2]) Полн. Собр. Закон. №№ 1731, 1819, 1865, 1922, 2220....

[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 1853, 1954.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 1789.

целярію [1]). Другіе приказы по старому вступались въ дѣла имъ не подвѣдомственныя и противозаконно взимали поборы, которые по закону состояли въ исключительномъ завѣдываніи ратуши. Такъ, въ 1705 году Курбатовъ доносилъ государю: „Десятыя деньги собираютъ мимо ратуши въ разныхъ приказахъ, отчего торговымъ людямъ не безъ утѣсненія“ [2]).

Однимъ словомъ, когда по челобитью Москвы и городовъ, велѣно было въ 1707 году стольникамъ, дворянамъ и подъячимъ осмотрѣть и переписать городскіе дворы, лавки и всякія ремесленныя заведенія съ показаніемъ доходности ихъ и тягла на нихъ лежащаго, то въ инструкціи, имъ данной, упоминается о доходахъ, которые шли съ этихъ дворовъ и оброчныхъ мѣстъ въ ратушу, и о другихъ, которые собирались приказами [3]).

Мы сказали выше, что Бурмистрская палата, по первоначальному плану этого учрежденія, была поставлена подъ контроль приказа Большой казны. Другихъ памятниковъ такого отношенія палаты къ приказу не сохранилось въ указахъ и законодательныхъ постановленіяхъ, собранныхъ въ Полномъ Собраніи Законовъ. По первоначальному предначертанію, контрольныя средства приказа были ограничены формальною провѣркою перечневыхъ вѣдомостей, которыя подавались отслужившими свой годъ бурмистрами. Эта гарантія, очевидно, не въ состояніи была предохранить правительство отъ своекористныхъ уклоненій и нерадѣнія самостоятельно поставленныхъ органовъ самоуправленія торгово-промышленнаго состоянія въ дѣлѣ соблюденія государевыхъ выгодъ.

Въ 1705 году недостатокъ этотъ былъ пополненъ тѣмъ, что установлена была правительственная ревизія надъ самою ратушею въ формѣ особой центральной, непосредственно контролирующей должности инспекторовъ ратушнаго управленія. Къ отправленію этихъ должностей назначены были извѣстный государевъ прибыльщикъ, дьякъ Алексѣй Курбатовъ и другіе, поставленные ему въ товарищи. Инспекторамъ ратушскаго правленія поручена была ревизія ратуши „со всѣми ея околичностями“ и непосредственная провѣрка служебной дѣятельности выборныхъ сборщиковъ по городамъ. Если при этомъ кто-либо изъ бурмистровъ оказывался неблагонадежнымъ, то имъ предписано было приставлять къ нимъ „кого-нибудь, дабы за оными смотрѣть

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2128.

[2]) Исторія Россіи Соловьева. Т. XVI, стр. 6.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 2150.

могъ". Кромѣ того, на инспекторовъ была возложена обязанность изыскать, на сколько могутъ быть увеличены окладные доходы съ торгово-промышленныхъ общинъ, безъ особаго отягощенія для народа. Составивъ на основаніи собранныхъ данныхъ новые прибыльнѣйшіе для правительства противу прежнихъ оклады, они должны были сдать ихъ за роспискою земскимъ бурмистрамъ, а тѣ, въ свою очередь, обязаны были обложить всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ посадскихъ и уѣздныхъ людей новымъ окладомъ [1].

Для надсмотра за прибыльными сборами Архангельской таможни, одинъ изъ инспекторовъ ратушнаго правленія обязанъ былъ присутствовать въ Архангельскѣ въ теченіе ярмарки [2].

Нѣсколько выписокъ изъ донесеній Курбатова, которыя мы приводили выше, достаточно указываютъ на жалкое положеніе ратушнаго вѣдомства, въ какомъ онъ его нашелъ.

Если и Курбатовъ дозволялъ себѣ произвольно пользоваться государевымъ прибыткомъ на томъ основаніи, что онъ преувеличился его личнымъ трудомъ, то это только указываетъ на низкій уровень нравственныхъ понятій того времени.

Не смотря на такую узость понятій, онъ честно радѣлъ о государственной прибыли, смѣло вступалъ изъ-за нея въ борьбу съ сильными людьми и своимъ неусыпнымъ стараніемъ значительно преувеличилъ государеву казну.

Такъ, въ 1706 году, извѣщая государя о воровствѣ Псковичей Никифора Ямскаго и Михаила Супрунова, онъ писалъ: „Нынѣ въ такихъ ихъ воровствахъ и противствахъ велѣно сыскать о нихъ Кириллѣ Алексѣевичу Нарышкину, который во многихъ взяткахъ съ нихъ самъ приличенъ и во всемъ имъ дружитъ какъ онъ сыскать можетъ истину? Умилосердись, Государь, не вели ему ни въ чемъ ихъ вѣдать".

Съ учрежденіемъ губернаторовъ онъ не упускалъ обличать и ихъ въ нерадѣніи и воровствѣ, дѣятельно преслѣдовалъ корчемство и изыскивалъ новые источники государственныхъ доходовъ. Такое радѣніе государева прибыльщика сильно не нравилось ратушному правленію. „Которые при мнѣ и бургомистры есть", жаловался Курбатовъ, „ей малое отъ нихъ имѣю вспомоществованіе, понеже видя они мое усердіе, что я много усмотрѣлъ точію за иными, но и за ними, мало за сіе мя любятъ, и лучшій Панкратьевъ однажды или дважды въ недѣлю

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2028.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 2030.

пobываетъ въ ратушѣ, а въ банкетахъ по вся дни, а я бѣдный ей ей, Государь, едва не всѣмъ управляю своею головою" [1]). Это доказываетъ, что если необузданность произвола и самбуправство составляли наслѣдственную болѣзнь Русскаго государства, то совершенное исключеніе личнаго приказнаго элемента изъ государственнаго управленія далеко не было средствомъ къ искорененію зла. Напротивъ того, необходимость его становится тѣмъ очевиднѣе, чѣмъ болѣе дается мѣста развитію другихъ, столь же необходимыхъ элементовъ земской общинной автономіи и коллегіальности.

Мы можемъ прослѣдить существованіе ратуши, какъ центральнаго учрежденія, до 1710 года. Прямаго указа объ ограниченіи круга ратушнаго вѣдомства нѣтъ, и вѣроятно не было. Это подало поводъ нашему извѣстному юристу-историку Неволину несправедливо предположить, что онъ былъ ограниченъ учрежденіемъ коллегій [2]).

Мы, напротивъ того, полагаемъ, что рѣшительнымъ моментомъ въ судьбахъ ратуши было не учрежденіе коллегій, а раздѣленіе Россіи на губерніи. Ратуша утратила свое значеніе центральнаго учрежденія гораздо раньше устройства коллегій. Въ 1709 году указомъ 14-го марта всѣмъ воеводамъ, бурмистрамъ и приказамъ предписано было составить окладныя книги денежныхъ и хлѣбныхъ податей и всякихъ другихъ окладныхъ сборовъ и доставить ихъ „безъ задержанія новопоставленнымъ губернаторамъ", дабы они противъ посланныхъ имъ росписей городъ со всякими дѣлами и сборами конечно могли принять съ будущаго 1710 года [3]).

Указъ 9-го января слѣдующаго года подтвердилъ это предписаніе по отношенію къ приказамъ, ратушѣ и Ижорской канцеляріи, поставивъ имъ въ непремѣнную обязанность немедленно сообщить губернаторамъ вѣдомости окладныхъ и неокладныхъ доходовъ каждаго города, а этимъ послѣднимъ указано было по доставленнымъ свѣдѣніямъ составить общую вѣдомость доходовъ съ цѣлой губерніи [4]). Затѣмъ вѣдомости о всякихъ приходахъ и расходахъ каждой губерніи и Московской ратуши велѣно было доставлять каждую треть въ ближнюю канцелярію [5]), а когда былъ учрежденъ сенатъ, то „подлиннаго ради вѣдѣнія и разсмотрѣнія о ненужныхъ и напрасныхъ въ губерніяхъ

[1]) См. у Соловьева I и III гл. XVI тома его исторіи.
[2]) Полн. собр. соч. К. Неволина VI, стр. 231.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 2227.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 2244.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2270.

расходахъ“, указано было подлинныя книги окладныхъ и неокладныхъ доходовъ съ 1710 года прислать въ канцелярію сената; ратуша съ своей стороны должна была доставить въ сенатъ вѣдомость о сборахъ таможенной пошлины со времени ея учрежденія до 1711 года [1]). Впредь указано было губернаторамъ Московской губерніи подавать въ сенатъ вѣдомости о питейной продажѣ, таможенномъ сборѣ и другихъ доходахъ ежемѣсячно [2]), а губернаторамъ другихъ губерній доставлять туда же приходо-расходные отчеты по третямъ [3]).

Въ 1714 году послѣдовало новое распоряженіе: указано было всѣ приказы и канцеляріи, ратушу, губерніи, денежные дворы и соляной сборъ въ приходахъ и расходахъ считать въ ближней канцеляріи, для чего всѣ эти учрежденія, а изъ губерній губернаторы должны были доставлять туда третныя и годовыя вѣдомости [4]).

Свѣдѣнія о приходѣ въ Архангельскій портъ кораблей и о привезенныхъ ими товарахъ „и все противъ того жъ какъ прежде присылано въ ратушу“ съ 1711 года велѣно было доставлять въ канцелярію правительствующаго сената, и эта обязанность возложена была на Архангельскаго вице-губернатора [5]). Какъ прежде изъ ратуши, такъ теперь изъ сената стали посылаться послушныя памяти къ иногороднымъ бурмистрамъ [6]). Наконецъ, торговымъ людамъ на обиды и притѣсненія въ торговыхъ дѣлахъ указано было жаловаться не въ ратушу, какъ было по старому, а прямо въ сенатъ, а когда учреждены были ландраты, то жалобы на нихъ и бурмистровъ велѣно было подавать губернатору [7]). Однимъ словомъ, ратуша утратила свое значеніе самостоятельнаго центральнаго учрежденія: всѣ дѣла, ей нѣкогда подвѣдомственныя въ этомъ отношеніи, перешли въ кругъ вѣдомства губернаторовъ, общаго правительственнаго учрежденія сената и ближней канцеляріи, и хотя мы и послѣ того встрѣчаемъ въ памятникахъ того времени упоминанія о Московской ратушѣ, но всякій разъ только въ значеніи мѣстнаго управительнаго органа Московской губерніи, а не общегосударственнаго учрежденія [8]). Она продолжала только по прежнему собирать присылаемые изъ губерніи доходы и

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2349.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 2369.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 2458.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 2763.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2409.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 2375.
[7]) Полн. Собр. Закон. № 2382.
[8]) Полн. Собр. Закон. №№ 2472, 2610, 2611.

провѣрять представляемые бурмистрами отчеты [1]). Во всемъ остальномъ Московская ратуша снизошла въ положеніе всѣхъ другихъ земскихъ избъ, которыя стали также именоваться ратушами.

Торгово-промышленные и посадскіе люди по прежнему продолжали судиться своимъ судомъ, по прежнему сборомъ податей и отправленіемъ служебныхъ и иныхъ повинностей, на нихъ возложенныхъ, продолжали завѣдывать выбранные ими же бурмистры и другіе сборщики и раскладчики; но между центральною правительственною властью и самоуправляющимися общинами установлена была новая посредствующая инстанція губернаторовъ [2]). Съ учрежденіемъ губернаторовъ непосредственное отношеніе земскихъ избъ къ центральнымъ установленіямъ Москвы прекращается. Контролирующая и надзирающая власть правительственныхъ агентовъ переносится изъ столицы въ губерніи.

Такое преобразованіе состояло въ связи съ введеніемъ постояннаго войска. Пока русское войско составлялось изъ ополченій, собиравшихся только въ случаѣ надобности защищать страну или идти на кого-либо войною, необходимыя средства для покрытія издержекъ снаряженія арміи собирались также по мѣрѣ надобности экстраординарнымъ поборомъ, постояннаго же фонда на содержаніе военной силы не требовалось; но когда Петръ создалъ постоянное войско, то на вооруженіе, обмундированіе и прокормленіе его необходимо стало ассигновать опредѣленный и постоянный источникъ доходовъ.

Подобно тому, какъ въ прежнее время постоянные расходы приказнаго вѣдомства покрывались доходами городовъ, къ приказу приписанными, такъ и теперь содержаніе полковъ было возложено на губерніи, между которыми они были распредѣлены, и на главнаго начальника всѣхъ состоящихъ при губерніи полковъ, наименованнаго губернаторомъ, возложена была обязанность „о денежныхъ сборахъ и всякихъ дѣлахъ присматриваться и для доношенія Ему Великому Государю о тѣхъ губерніяхъ готовымъ быть, гдѣ онъ, Великій Государь, укажетъ“ [3]).

Назначеніемъ губернаторовъ правительство не только не имѣло въ виду ограничить общинную автономію торгово-промышленныхъ людей, но даже допустило соучастіе земства въ управленіи губернаторскомъ. Еще въ 1702 году воеводамъ предписано было вѣдать всякія дѣла „съ дворянами и тѣхъ городовъ помѣщиками знатными и добрыми“.

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3294. ст. 5, 18.

[2]) Исторія Россіи Соловьева, т. XVI, стр. 10.

[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 2443, 2474, 2475, 2218.

Съ учрежденіемъ губернаторовъ это соучастіе дворянства приняло форму коллегіальнаго установленія ландратовъ, въ которомъ губернаторъ былъ только президентомъ [1])

Эта коллегія съ предсѣдательствующимъ губернаторомъ во главѣ, до учрежденія центральныхъ коллегій, имѣла характеръ децентрализованныхъ высшихъ административныхъ учрежденій. Губернаторы, одинаково съ приказами, состояли въ непосредственномъ подчиненіи верховному правительствующему учрежденію — сенату, который былъ установленъ объединяющимъ правительственнымъ центромъ и посредствующимъ звеномъ между царемъ и администраціей [2]).

Главнымъ назначеніемъ губернатора былъ контроль и попечительный надзоръ за ходомъ губернскаго управленія, возложеннаго тягломъ на земскія корпораціи торгово-промышленныхъ людей и на обязанность особыхъ органовъ, установленныхъ для завѣдыванія отдѣльными частями губернской администраціи.

Предположивъ перенести административные центры изъ столицы въ губерніи, Петръ установилъ правила отчетности губернскихъ властей передъ высшимъ правительственнымъ и объединяющимъ центромъ—сенатомъ; но этого было недостаточно: требовалось еще, чтобы въ каждой губерніи существовали органы непосредственнаго правительственнаго надзора, которые не только не подавляли бы самодѣятельности земскихъ классовъ, а напротивъ, восполняли бы значеніе земскаго самоуправленія, какъ начала, ограничивающаго произволъ мѣстныхъ правительственныхъ агентовъ.

Губернаторы, весьма естественно, нисколько не были добросовѣстнѣе воеводъ. „Въ ратушѣ, Государь, собрано моимъ усердіемъ изъ доходовъ прошедшихъ лѣтъ денегъ тысячъ со сто рублей", писалъ Курбатовъ. „Изъ губерній ратушскихъ сборовъ прошедшихъ лѣтъ въ ратушѣ въ присылкѣ самое малое число, тако же и бурмистровъ къ отчету да повелитъ Ваше Величество повторить о томъ именными указами. Премногія тысячи доимочныхъ денегъ довлѣетъ быть въ сборѣ, въ томъ числѣ съ двухъ городовъ точію, съ Астрахани и съ Казани, со 150.000 рублевъ. Ничего Петръ Матвѣевичъ Апраксинъ не присылаетъ, а сказывалъ самъ, что у него въ Астрахани тѣхъ денегъ есть въ сборѣ тысячъ съ 70, а въ ратушу прислано отъ него въ три года только 10.000 рублевъ".

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1900, 2673, 2762.

[2]) См. диссертацію г. Градовскаго: «Высшая администрація Россіи XVIII ст. и Генералъ-Прокуроры» стр. 73 и слѣд.

Въ именномъ указѣ, данномъ сенату 5-го марта 1711 года, велѣно было выбрать оберъ-фискала, а ему „тайно надсматривать и провѣдывать про неправый судъ, тако жь въ сборѣ казны и прочаго и кто неправду учинитъ, того онъ обязанъ позвать передъ сенатъ (какой высокой степени ни есть) и тамо его уличить; и буде уличитъ кого, то половина штрафа въ казну, а другая ему, фискалу; буде же не уличитъ, отнюдь фискалу въ вину не ставить, ниже досадовать подъ жестокимъ наказаніемъ и разореніемъ всего имѣнія". Органами оберъ-фискальскаго надзора указано было быть провинціалъ-фискаламъ, которымъ усвоивалась та же власть какъ и оберъ-фискалу, „кромѣ одного, что вышняго судью и генеральнаго штаба на судъ безъ оберъ-фискала позвать не могутъ". Такихъ фискаловъ предполагалось имѣть по одному у каждаго дѣла, то-есть, при каждомъ органѣ провинціальной администраціи [1]).

При оберъ-фискалѣ установлено было четыре фискала и въ томъ числѣ два изъ купечества „которые бы могли купеческое состояніе тайно вѣдать"; по этому же образцу и при провинціалъ-фискалахъ, состоявшихъ у губернаторскаго правленія, указано было быть также четыремъ фискаламъ и въ каждомъ городѣ особымъ городскимъ фискаламъ.

Указъ 17-го марта 1714 года опредѣляетъ такъ кругъ вѣдомства оберъ-и провинціалъ-фискаловъ съ ихъ товарищами: „Дѣйствіе же ихъ сіе есть взысканіе всѣхъ безгласныхъ дѣлъ, то-есть: 1) Всякія преступленія указамъ; 2) Всякія взятки и кражу казны, и прочее, что ко вреду государственному интересу быть можетъ.... 3) Тако же и прочія дѣла народныя, за которыхъ нѣтъ челобитчика".... По всѣмъ такимъ дѣламъ фискаламъ надлежало провѣдывать, доносить и призывать на судъ лицъ, подпавшихъ обвиненію. Непосредственно вступаться въ какія-либо дѣла имъ было воспрещено подъ страхомъ наказанія. Фискалы о всѣхъ дѣлахъ, подлежащихъ ихъ надсмотру, доводили до свѣдѣнія оберъ-фискала, а въ важныхъ случаяхъ докладывали самому царю. Городовые фискалы доносили о всѣхъ дѣлахъ городскимъ комендантамъ; если коменданты по донесенію фискала не производили розыска, то фискалъ обязанъ былъ писать о томъ провинціалъ-фискалу, который передавалъ дѣло на судъ губернатора, „а буде губернаторъ розыскъ чинить будетъ неправый же, или самъ впадетъ въ какое погрѣшеніе и о томъ провинціалъ-фискалу писать къ оберъ-фискалу съ товарищи, а ему доносить въ сенатъ".

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2331.

Безусловная безнаказанность фискальскихъ доносовъ была нѣсколько ограничена, а именно, установлено было, что въ случаѣ совершенной несправедливости его обличеній, если при этомъ обвиненный не уличитъ его въ томъ, что онъ донесъ изъ корысти или по злобѣ, фискалъ подвергался легкому штрафу, дабы впредь доносилъ съ большимъ осмотрѣніемъ; въ случаѣ же доказанной предумышленности, подлежалъ тому же наказанію, какое было бы присуждено обвиненному, еслибъ онъ оказался виноватымъ.

Провинціалъ-фискалъ обязанъ былъ ежегодно объѣзжать губернію и надсматривать за городовыми фискалами, и тѣхъ изъ нихъ, которые оказывались нерадивыми къ исполненію своихъ обязанностей, смѣнять вновь выбранными изъ дворянъ и купцовъ.

Хотя такимъ образомъ составъ фискальнаго вѣдомства и пополнялся изъ земства, но личныя выгоды, связанныя съ выполненіемъ служебныхъ обязанностей, возложенныхъ на фискаловъ, побуждали ихъ соблюдать и интересъ правительственный. Изъ штрафныхъ денегъ по дѣламъ, возникшимъ по обвинительной инціативѣ фискала, половина иска шла въ казну, изъ другой одну часть получалъ фискалъ, возбудившій дѣло, а другая дѣлилась между всѣми фискалами губерніи и оберъ-фискаломъ [1]).

Мы видимъ, что по идеѣ въ должности фискала въ одномъ лицѣ соединялся блюститель правительственныхъ и охранитель земскихъ интересовъ. Этотъ двойственный характеръ учрежденія выразился въ томъ, что фискалы назначались изъ среды земства и въ то же время ихъ личный интересъ былъ тѣсно связанъ съ видами и интересами правительства.

Съ другой стороны, по непосредственной связи своей съ оберъ-фискаломъ, который относился прямо въ сенатъ, фискалы представляли собою общегосударственное учрежденіе, но въ то же время, доводя всякія дѣла прежде всего до свѣдѣнія комендантовъ и губернаторовъ, они являлись и органами губернской администраціи.

Этотъ новый институтъ противорѣчилъ всѣмъ преданіямъ русской старины и возбудилъ противъ себя всеобщую ненависть. Искони соединяя съ понятіемъ власти идею активнаго произвола, Русскіе того времени не могли понять пассивнаго значенія должности фискала, и равнодушно относясь къ дѣламъ, возбужденнымъ обвинительною инціативой фискаловъ, отказывались признать за ними права, усвоенныя имъ закономъ.

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2786.

Безнаказанность фискаловъ въ случаѣ несправедливыхъ поклеповъ также была несогласна съ убѣжденіями народа о справедливости. Этотъ именно взглядъ выраженъ былъ Стефаномъ Яворскимъ въ его проповѣди 17-го марта 1712 года. „Законъ Господень", говорилъ мѣстоблюститель патріаршаго престола, „непороченъ, а законы человѣческіе бываютъ порочны; а какой-то законъ, напримѣръ, поставити надзирателя надъ судами и дати ему волю кого хочетъ обличити да обличитъ, кого хочетъ обезчестити да обезчеститъ; а хотя того не доведетъ, о чемъ на ближняго своего клевещетъ, то за вину не ставить, о томъ ему и слова не говорить, вольно то ему; не тако подобаетъ симъ быти: искалъ онъ моей головы, поклепъ на меня вложилъ, а не довелъ, пусть положитъ свою голову; сѣть мнѣ скрылъ, пусть самъ ввязнетъ въ узкую; ровъ мнѣ исконалъ, пусть самъ впадетъ въ онь". Племянниковъ называлъ фискаловъ уличными судьями, а князь Яковъ Ѳедоровичъ честилъ ихъ антихристами и плутами [1].

Въ 1714 году, какъ мы сказали, безнаказанность фискальскихъ доносовъ была ограничена, но уваженіе къ фискальской должности отъ этого не возвысилось.

Въ 1719 году оберъ-фискалъ Алексѣй Несторовъ доносилъ юстицъ-коллегіи, что изъ многихъ дѣлъ, возбужденныхъ его донесеніями, „по многимъ указу и рѣшенія не учинено, а по которымъ немногимъ и рѣшеніе есть, и по тѣмъ казны и штрафовъ не отыскано, а дѣлъ и помѣщеніе казны усмотрѣно много и пропадаютъ напрасно, отъ чего и фискальскому дѣйству ясности прямой не показано". Далѣе пишетъ онъ, что въ губерніяхъ по доносамъ провинціалъ-фискаловъ „рѣшенія не чинятъ, въ чемъ есть фискальнымъ дѣламъ превеликая волокита и остановка, и казны штрафы напрасно пропадаютъ". Причина такого пренебреженія къ дѣламъ, возникшимъ по обвиненіямъ фискаловъ, заключалась въ „укорительномъ подозрѣніи тѣхъ виноватыхъ", какъ выражался оберъ-фискалъ, „*якобы фискальство ничто суть*". Объ этомъ „укорительномъ подозрѣніи" Несторовъ не разъ доводилъ до свѣдѣнія сената. Неоднократно и сенатъ подтверждалъ, чтобы „чинилось рѣшеніе по фискальнымъ дѣламъ", но указы его продолжали не выполняться [2].

Съ учрежденіемъ коллегій институтъ фискаловъ нѣсколько измѣняется: изъ всей массы фискаловъ выдѣляются съ одной стороны фискалы, имѣющіе судебное значеніе, какъ преслѣдователи преступленій

[1] Исторія Россіи Соловьева, т. XVI, стр. 239 и 233.

[2] Полн. Собр. Закон. № 3280.

и безгласныхъ дѣлъ, подчиненные юстицъ-коллегіи, а съ другой блюстители государственныхъ интересовъ земскіе фискалы, подчиненные камеръ-коллегіи [1]); но пренебреженіе къ должности фискаловъ продолжало оставаться въ прежней силѣ. Въ донесеніи оберъ-фискала въ 1720 году повторяются прежнія жалобы на то, что „надворныхъ судовъ судьи прилежнаго радѣнія и рѣшенія по фискальнымъ доносамъ и обличеніямъ не чинятъ, но токмо откладываютъ день отъ дня, поступаютъ въ фискаламъ съ непріятными выговоры, что де у нихъ и опричь фискальныхъ дѣлъ, есть дѣла, въ томъ есть фискаламъ нечальное подозрѣніе, а отъ обличенныхъ и укоризни, якобы фискальство ничто суть“ [2]). Самъ Петръ долженъ былъ сознать, что „земскаго фискала чинъ тяжелъ и ненавидимъ“.

Итакъ, въ дѣйствительности учрежденіе фискаловъ прежде всего встрѣчало преграду въ рѣшительномъ отвращеніи къ этой должности правительственныхъ агентовъ. Это отвращеніе возбуждалось, очевидно, не одною несправедливостью безнаказанности доносовъ, такъ какъ со времени указа 1714 года фискалъ рисковалъ самъ отвѣтственностью въ случаѣ злоумышленныхъ и несправедливыхъ поклеповъ. Причина нелюбви къ этому установленію заключалась, кромѣ того, въ предубѣжденіи, „якобы фискальство ничто суть“, и въ стѣснительности положенія, въ какое поставлены были активные представители власти тѣмъ, что надъ ними были поставлены постоянные надсмотрщики. Вспомнимъ, что на такую же всеобщую нелюбовь жаловался инспекторъ ратушскаго правленія Курбатовъ. Вторымъ препятствіемъ къ плодотворному осуществленію учрежденія фискаловъ была все та же нравственная несостоятельность общества, съ которою такъ много приходилось бороться великому преобразователю. Людей, которымъ правительство могло бы довѣрить охраненіе своихъ и земскихъ интересовъ, на которыхъ можно было бы въ этомъ отношеніи положиться, далеко не ставало на пополненіе многосложнаго учрежденія фискаловъ. Несторовъ, въ то время еще фискалъ, жалуясь на Московскихъ фискаловъ, добавляетъ: „а въ другихъ губерніяхъ и спрашивать ужъ нечего, многіе фискалы по городамъ ничего не смотрятъ и ни съ кѣмъ остуды принять не хотятъ; добились чрезъ оберъ-фискала своихъ мѣстъ, чтобы отбыть службы и посылокъ и живутъ какъ сущіе тунеядцы въ своихъ деревняхъ; я положилъ на нихъ штрафы, а оберъ-фискалъ сложилъ потому, что у нихъ общая дворянская ком-

[1]) Градовскаго «Высшая администрація Россіи XVIII ст.» стр. 85.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 3602.

нанія, а я между ними замѣшался одинъ только съ сыномъ моимъ, котораго обучаю фискальству"[1]).

Въ 1712 году Несторовъ былъ назначенъ оберъ-фискаломъ, и ревностная дѣятельность его въ этомъ званіи доказала, какъ могло бы быть полезно въ то время учрежденіе фискальства при лучшемъ его личномъ составѣ.

Таковы были результаты стремленій Петра согласить требованія автономическаго положенія торгово-промышленнаго состоянія съ требованіями правительственнаго надзора и контроля.

Прослѣдивъ перемѣны, какія воспослѣдовали въ устройствѣ общиннаго самоуправленія посадскихъ людей отъ 1699 года до установленія коллегій, обратимся теперь къ судьбамъ торгово-промышленнаго состоянія въ этотъ промежутокъ времени.

Въ кругъ этого состоянія входили всѣ посадскіе, чернослободцы и уѣздные люди поморскаго края, вообще всѣ государевы крестьяне, за исключеніемъ дворцовыхъ, или лучше, все торгово-промышленное населеніе края[2]).

Поэтому если и въ границахъ дворцоваго вѣдомства оказывались крестьяне, промышлявшіе торговлею и промысловыми оборотами, то ихъ указано было приписывать тягломъ къ городу[3]).

Успѣхи торгово-промышленнаго развитія побудили правительство нарушить принципъ крѣпостной замкнутости крестьянскаго состоянія и допустить помѣщичьихъ крестьянъ къ занятію городскими промыслами подъ условіемъ приписки къ посадскому тяглу. Всѣхъ владѣльческихъ людей, которые имѣли по городамъ лавки и промыслы „и тѣмъ у посадскихъ людей промыслы отнимали", велѣно было „взять въ посады", а который изъ помѣщичьихъ и вотчинныхъ крестьянъ не захочетъ быть въ тяглѣ, тому впредь велѣно было въ лавкѣ не торговать и промысловъ не держать, а жить за своимъ помѣщикомъ; но тѣхъ изъ владѣльческихъ людей, которые торговали оптомъ привознымъ товаромъ и не имѣли за собою въ городѣ постоянныхъ лавокъ и промышленныхъ заведеній, указано было въ посадъ не принимать[4]).

---

[1]) Исторія Россіи Соловьева. XVI, стр. 241.

[2]) Полн. Собр. Закон. №№ 1715, 1737, 17 ст.: «А посадскихъ и торговыхъ и всякихъ промышленныхъ людей въ сборѣ великаго государя всякихъ доходовъ и межъ ими въ расправныхъ всякихъ дѣлахъ велѣно вѣдать выборнымъ ихъ городовымъ бурмистрамъ».

[3]) Полн. Собр. Закон. № 1718.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 1723.

Что касается бѣломѣстцевъ, то они, не смотря на запрещеніе, продолжали торговать по прежнему, и правительству оставалось только заботиться о томъ, чтобы взыскивать съ ихъ торговъ узаконенныя пошлины, что и ставилось въ обязанность земскимъ бурмистрамъ. Не разрѣшая наложеннаго на служилыхъ людей запрещенія промышлять городскими промыслами, оно такимъ образомъ косвенно допускало нарушенія закона, предупредить и остановить которыя было не въ состояніи [1]).

Только въ 1709 году велѣно было, для пополненія купечества, приписать къ посаду тѣхъ изъ бѣломѣстцевъ, которые торговали въ Москвѣ на сумму во сто и болѣе того рублей, а кто изъ нихъ къ тяглу приписаться не захочетъ, съ тѣхъ брать промысловый оброкъ въ количествѣ, соразмѣрномъ съ промысловою податью, платимою посадскими людьми [2]).

Въ 1711 году предложено было сенату разсмотрѣть, возможно ли допустить, чтобы торговлею могли промышлять лица всякаго званія, и если къ тому не существуетъ никакихъ препятствій, разрѣшить свободный торгъ съ платою установленныхъ пошлинъ [3]). Сенатъ рѣшилъ сдѣлать запросъ торговымъ людямъ, не будетъ ли имъ убыточно, если право заниматься торговлею будетъ распространено на людей всякаго званія, и „буде подлинно купецкимъ людямъ никакого препятствія и обиды въ торговыхъ ихъ промыслахъ не будетъ", — привести Высочайшій указъ въ исполненіе и взимать подать съ лицъ, не принадлежавшихъ по своему званію къ тяглому состоянію противъ ихъ торговъ [4]). Петръ остался недоволенъ такимъ рѣшеніемъ: „не такъ поступили вы и въ позволеніи торговать всѣмъ чинамъ", писалъ онъ имъ, „ибо вовсе не нужно было спрашивать торговыхъ людей, не будетъ ли отъ этого имъ убытку? Развѣ могутъ они сказать, что не будетъ убытка?" [5]).

Разрѣшеніе лицамъ всякаго званія торговать въ Москвѣ розничнымъ торгомъ послѣдовало въ 1714 году. Сенатскимъ указомъ 4-го февраля этого года предписано было всѣмъ бѣломѣстцамъ и всякимъ владѣльческимъ крестьянамъ, торгующимъ въ Москвѣ розничнымъ торгомъ, отбывать всѣ тягости посадскаго состоянія, исключая зем-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1674, 1675.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 2220.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 2327.

[4]) Полн. Собр. Закон. № 2349.

[5]) Голикова — Дѣянія Петра Великаго. XII, стр. 415.

скихъ службъ. Дворцовые и помѣщичьи крестьяне оставались при этомъ въ своемъ прежнемъ званіи и къ посадскому состоянію не причислялись. „А быть имъ дворцовымъ въ дворцовыхъ волостяхъ, а помѣщиковымъ за помѣщиками во крестьянствѣ по прежнимъ крѣпостямъ и всякіе помѣщиковы доходы платить въ равенствѣ съ своею братіею крестьяны“ [1]).

Это положило начало тому, что классъ торгово-промышленныхъ людей, составлявшій прежде одно особое состояніе, легально распался на тяглыхъ государевыхъ людей, подлежавшихъ вѣдѣнію бурмистровъ, и торговцевъ-промышленниковъ, которые по своему званію не причислялись къ тяглому состоянію посадскихъ и чернослободцевъ. Занятіе городскими промыслами перестало быть исключительною привилегіей послѣдняго.

Возложивъ на тяглое торгово-промышленное состояніе обязанность общиннаго посадскаго и чернослободскаго самоуправленія, значеніе котораго заключалось въ томъ, что вольнымъ государевымъ людямъ подъ гарантію ихъ круговой отвѣтственности довѣрено было самостоятельно отбывать налагаемое на нихъ тягло, правительство озаботилось поддержать и еще болѣе утвердить значеніе и силу этого состоянія.

Всѣхъ тяглыхъ людей ратушскаго вѣдомства, которые со времени учрежденія ратуши перешли въ служилые люди или записались въ дворцовые или владѣльческіе крестьяне, указывалось снова приписывать къ посадскому тяглу „и впредь въ такіе чины такихъ людей не принимать, ради того, дабы отъ того тяглые люди въ слободахъ не умалились, и отъ напраснаго излишняго платежа за обывателей не разорились, и его Государевымъ податямъ умаленія не учинилось“ [2]).

Въ указѣ о единонаслѣдіи мы видимъ, что новый порядокъ наслѣдованія былъ установленъ, между прочимъ, и въ видахъ размноженія торгово-промышленнаго состоянія. Въ числѣ аргументовъ, приведенныхъ въ этомъ указѣ въ доказательство превосходства майоратства въ наслѣдованіи недвижимыхъ имуществъ, указывается на то, что младшіе члены фамилій „не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ“.

Препятствіемъ къ переходу кадетовъ дворянскихъ семействъ въ купеческій чинъ могли быть сословные предразсудки дворянства, и правительство, желая пополнить промышленное состояніе такими каде-

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2770.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 2220.

тами, предприняло зависящія отъ него мѣры къ устраненію этого препятствія. Въ виду этого указъ предписывалъ не ставить перехода изъ дворянства въ купечество ни въ какое безчестіе ни переходящимъ, ни ихъ роду, ни словесно, ни письменно [1]).

Указъ о единонаслѣдіи распространенъ былъ и на посадскихъ людей. Дворъ и лавка переходили къ первородному; но такъ какъ при этомъ движимость, то-есть, капиталъ, въ которомъ заключается все значеніе промышленныхъ людей, шелъ въ раздѣлъ между прочими сонаслѣдниками, то мѣра, предпринятая вообще въ видахъ возвысить благосостояніе податнаго класса для того, „чтобы государевы доходы были справнѣе", не могла содѣйствовать усиленію тяглаго промышленнаго состоянія въ частности.

Распространеніе правилъ единонаслѣдія въ дворянскихъ имуществахъ на переходъ наслѣдства послѣ смерти лицъ торгово-промышленнаго состоянія было впрочемъ не болѣе какъ недосмотромъ. Поземельныя отношенія посадскихъ и слободскихъ тяглецовъ къ правительству стали при Петрѣ Великомъ различаться отъ отношеній по промыслу. Условная связь тягла съ владѣніемъ опредѣленнымъ поземельнымъ участкомъ была нарушена еще въ 1682 году указомъ, предписавшимъ тѣхъ изъ посадскихъ, которые перешли изъ одного города въ другой до новой переписи, на старыя ихъ мѣста не сводить, а быть имъ въ тяглѣ по мѣсту жительства [2]).

При Петрѣ отношенія по состоянію стали совершенно независимы отъ отношеній поземельныхъ. Подати по прежнему раздѣлялись на постоянныя, лежавшія на тяглыхъ людяхъ постояннымъ окладомъ, и временныя, взимаемыя по мѣрѣ надобности. За норму послѣдняго рода сборовъ былъ принятъ для торговыхъ и посадскихъ людей окладъ промысловый въ десять денегъ съ рубля [3]). Въ послѣдній разъ временный поборъ былъ взысканъ съ посадскихъ людей въ формѣ подворной подати, какъ кажется, въ 1705 году [4]). Съ тѣхъ поръ только постоянная окладная подать оставалась подворною [5]), всѣ же другія стали взиматься съ промысловъ торговыхъ людей. Когда къ торгамъ были допущены всякихъ чиновъ люди, то и они, независимо отъ мѣ-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2789. III. I. 15.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 980.
[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 2246, 2837, 3243.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 2121.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2707.

ста своего поселенія, стали подлежать этой промысловой подати, которая получила общее названіе десятой деньги[1]).

Еще задолго до введенія подушной подати начали исчезать слѣды существованія вольныхъ гулящихъ людей; они были уравнены обязанностью платить постоянныя подати съ тяглыми владѣльцами поземельныхъ участковъ, и такимъ образомъ матеріальная ихъ зависимость отъ окрѣпшаго государства выразилась наконецъ формально.

Въ 1704 году изданъ былъ указъ, чтобы всѣ мастеровые и гулящіе люди, торгующіе по площадямъ различными товарами въ разносъ, ежегодно являлись для внесенія ихъ въ особый списокъ въ Москвѣ въ Семеновскую канцелярію медоваго сбора, а въ городахъ къ воеводамъ. За внесеніе ихъ въ этотъ списокъ положено было брать съ плотниковъ, кременныхъ бойцовъ, каменьщиковъ, сапожниковъ и иныхъ всякихъ мастеровыхъ людей по двѣ гривны въ годъ, а съ такихъ работниковъ, которые кормились черною работой по найму — по два алтына въ годъ съ человѣка[2]). Въ слѣдующемъ году послѣдовало новое распоряженіе брать съ торговыхъ людей, которые сидятъ въ лавкахъ и торгуютъ отпускными товарами, въ годъ по 16-ти алтынъ и 4 деньги; съ хлѣбниковъ и калачниковъ — съ хозяевъ по 10-ти алтынъ, а съ ихъ работниковъ по 3 алтына и 2 деньги[3]). Наложеніе такого сбора находится, очевидно, въ связи съ обложеніемъ постояннымъ поборомъ торговцевъ носчими товарами. Правительство особенно нуждалось въ то время въ деньгахъ, и разъ остановившись на мысли обложить гулящихъ людей постоянною податью въ формѣ сбора за право заниматься извѣстнымъ промысломъ, примѣнило эту подать и къ лавочнымъ торговцамъ. Оно пользовалось всякимъ предлогомъ открыть новые источники доходовъ. „Денегъ какъ возможно собирать", предписываетъ Петръ сенату, „понеже деньги суть артеріею войны".

Эта нужда въ деньгахъ особенно тяжело отзывалась на торгово-промышленномъ состояніи. Еще на соборахъ, какъ мы видѣли, заявлялся взглядъ на купеческихъ людей, какъ на состояніе, по преимуществу обязанное доставлять денежныя средства на содержаніе войска. Обязанность эта была тягломъ торгово-промышленныхъ людей, какъ служба государству — тягломъ служилаго состоянія, а работа на помѣщика крестьянскимъ тягломъ.

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1916, 1975, 2076, 2774.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 1972.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 2084.

„Купечество воинству товарищъ“, говорилъ Посошковъ; „воинство воюетъ, а купечество помогаетъ и всякія потребности имъ уготовляетъ. И того ради и о нихъ попеченіе неоскудное надлежитъ имѣть: якобы душа безъ тѣла не можетъ быти, тако и воинство безъ купечества пробыть не можетъ“ [1]).

Съ тѣхъ поръ, какъ воеводы были устранены отъ вмѣшательства въ общинныя дѣла торгово-промышленнаго состоянія, которое избавлено было такимъ образомъ отъ произвольныхъ воеводскихъ поборовъ, правительство находило возможнымъ и цѣлесообразнымъ усилить податной сборъ съ него.

Подобно тому, какъ во времена царя Ивана Васильевича для общинъ, отъ которыхъ намѣстники и волостели были отставлены, обязанность намѣстничьихъ кормовъ замѣнена была обязанностью выплачивать опредѣленный оброкъ, такъ и въ 1699 году, избавивъ посадскихъ и торговыхъ людей отъ подвѣдомственности воеводамъ, правительство потребовало отъ нихъ, чтобъ они съ этого времени выплачивали окладныя подати въ двойномъ размѣрѣ. Изъ этого мы можемъ заключить, какъ велики были воеводскіе поборы и по достоинству оцѣнить значеніе Петрова преобразованія.

Мы видѣли, что въ царствованіе Θеодора Ивановича посадскіе люди, взамѣнъ земскихъ и полоняничныхъ, обложены были стрѣлецкою подворною податью. Та же подать собиралась съ нихъ и при Петрѣ, а потомъ на содержаніе постояннаго войска установлена была такая же постоянная подать въ 8 денегъ съ двора или съ рубля [2]); но эти подати не избавляли ихъ отъ обязанности давать подводы и прогонныя деньги: льгота состояла только въ томъ, что земская повинность не была возложена на нихъ постояннымъ податнымъ окладомъ [3]).

Кромѣ общихъ и постоянныхъ окладныхъ податей и единовременныхъ поборовъ на особые государственные расходы [4]), съ посадскихъ собирались также подати на частные расходы города и общины [5]).

Съ учрежденіемъ губерній къ нимъ приписаны были полки, которые онѣ должны были содержать на счетъ собираемыхъ доходовъ; вслѣдствіе этого доходность ихъ была сосчитана. Оказалось, что приходъ не покрываетъ требующихся расходовъ въ общей сложности на

[1]) Сочин. Ивана Посошкова. Гл. IV. стр. 112.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 1813, 2121.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 1784, 1788, 1882.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 2076.
[5]) Полн. Собр. Закон. №№ 1718, 2072, 2076.

сумму 82.083 рублей [1]). Поэтому подати были увеличены и наложены на губернiи постоянными окладами. Общая податная сумма для всѣхъ восьми губерній была опредѣлена въ 3.133.879 рублей. Изъ этого прихода въ 1700 году шло на генеральный штабъ 91.090 рублей, на кавалерію 764.671 рубль, на инфантерію 882.435 рублей, на гарнизоны, приписанные къ губерніямъ, 422.980 рублей. Затѣмъ изъ остальнаго опредѣлено было выдавать въ адмиралтейство 433.999 рублей, въ Посольскій приказъ 148.031 рубль, на артиллерію 221.800 рублей, на дворцовую походную канцелярію 60.000 рублей, царицѣ и царевнамъ 50.500 рублей. Въ остаткѣ все еще оставалось 58.375 рублей. Въ 1711 году велѣно было раздѣлить по губерніямъ, на основаніи оклада 1710 года, содержаніе армейскихъ и гарнизонныхъ полковъ, флота, Посольской канцеляріи и артиллеріи, а прочіе расходы дѣлать съ остаточныхъ суммъ по разсмотрѣнію [2]). Въ случаѣ особенной надобности въ деньгахъ, оклады и послѣ того продолжали возвышаться, и это дѣлалось главнымъ образомъ на счетъ торговаго состоянія. Такъ, въ 1714 году повелѣно было сенату: положить таможенные, кабацкіе и оброчные сборы на купечество по большему окладу, а откупы и счеты отставить и отъ двороваго съ крестьянъ и съ купечества сбору отличить и собирать особо [3]).

Мы видимъ, что потребности государственныя точно опредѣлились, и вслѣдствіе того случайные сборы прежняго времени обратились въ постоянную окладную подать. Впрочемъ, какъ увидимъ ниже, особые неокладные поборы продолжали взиматься и послѣ того, до самаго введенія подушной подати. Сборъ окладныхъ податей былъ возложенъ на земскихъ коммисаровъ, подъ надзоромъ полковниковъ состоящихъ при губерніяхъ гарнизоновъ, но не смотря на это, подати эти не доставлялись сполна. При установившейся опредѣленности расходовъ эта неисправность была особенно ощутительна. Главною причиной недоборовъ были большія злоупотребленія при переписи дворовъ и не меньшія, какъ должно полагать, при опредѣленіи промысловъ торговыхъ людей; поэтому Петръ рѣшился замѣнить дворовую и промышленную подати подушною. Въ 1722 году изданъ былъ указъ о взиманіи съ посадскихъ людей подушной подати по 40 алтынъ или по рублю двадцати копѣекъ съ души [4]); но приведеніе въ дѣйствіе

[1]) Соловьевъ. XVI, стр. 44.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 2319.
[3]) Соловьевъ, XVI, стр. 227.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 3983.

этого указа началось только съ 1724 года. Со введенiемъ этой подати послѣднiе остатки формальной условности отношенiй подданныхъ къ государству окончательно исчезли.

Сборъ торговыхъ пошлинъ и завѣдыванiе государственными промыслами по прежнему лежали повинностью на посадскихъ и слободскихъ общинахъ. Недоборы кабацкихъ и таможенныхъ бурмистровъ взыскивались съ посадовъ въ двойномъ количествѣ [1]). Въ 1710 году указано было взыскивать недоборы по питейнымъ, таможеннымъ и конскимъ пошлинамъ съ таможенныхъ и кабацкихъ бурмистровъ; буде же они окажутся несостоятельными, то съ земскихъ бурмистровъ, при которыхъ недоимка учинилась отъ ихъ нерадѣнiя и несмотрѣнiя и съ лучшихъ посадскихъ людей „для того, что тѣ бурмистры за выборомъ ихъ [2])". Кромѣ того, купеческiе и посадскiе люди служили и отъѣзжiя службы. Такъ, они посылались въ иногородныя таможни [3]), ставились къ прiемамъ провiанта [4]) и назначались въ разныя канцелярiи и къ губернаторамъ для сведенiя счетовъ [5]). Ремесленные люди высылались также изъ губернiй для постройки Петербурга, и на это дѣло собирался особый денежный сборъ [6]).

Еще въ началѣ 1712 года Петръ писалъ: „Какъ вино, такъ и прочiя вещи надлежитъ отдавать на откупъ, дабы въ службѣ находящимся торговымъ людямъ не было раззоренiя" [7]). Въ этомъ желанiи облегчить тягло торгово-промышленнаго состоянiя выразилось уже новое благоустройственное направленiе политики. Первымъ шагомъ къ облегченiю служебныхъ обязанностей купеческихъ и промышленныхъ людей, въ видахъ содѣйствiя успѣхамъ торгово-промышленнаго развитiя, былъ указъ 1713 года, которымъ предписано было купеческимъ людямъ быть у государевыхъ дѣлъ погодно и на другой годъ ихъ ни въ какiя службы не ставить [8]). Затѣмъ въ 1714 году установлено было въ канцелярiяхъ и въ губернiяхъ у прiема и у расходовъ всякихъ податей и доходовъ изъ купеческихъ людей счетчикамъ не быть, для того, что какъ отъ выбора въ счетчики, такъ и отъ

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 1697, 1922.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 2307.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 2766.
[4]) Полн. Собр. Закон. №№ 2664, 2835.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2805.
[6]) Соловьевъ, XVI, стр. 212.
[7]) Соловьевъ, XVI, стр. 205.
[8]) Полн. Собр. Закон. № 2711.

многихъ недочетовъ купеческимъ людямъ чинятся великія раззоренія[1]), а въ 1715 году посадскіе „за умноженіемъ службъ“ были избавлены отъ повинности быть у продажи соли по селамъ, торжкамъ и ярмаркамъ[2]). Наконецъ, въ 1722 году сдѣлана была рѣшительная, впрочемъ не удавшаяся, попытка совершенно избавить торгово-промышленное состояніе отъ всякихъ обязательныхъ службъ.

Тягости посадскаго состоянія были во времена Петра значительно увеличены рекрутскою и постойною повинностью. Рекрутской повинности посадскіе люди подлежали въ одинаковой мѣрѣ съ владѣльческими крестьянами, и выставляя рекрута, обязаны были снарядить его и снабдить хлѣбнымъ запасомъ[3]). Собственно торговые (купеческіе) люди, какъ кажется, лично не подлежали набору, но повинность ставить рекрутъ распространялась и на нихъ, такъ какъ и они, если и не владѣли вотчинами и помѣстьями, то во всякомъ случаѣ имѣли за собою крестьянъ, приписанныхъ, вѣроятно, въ качествѣ задворныхъ, къ ихъ тяглымъ участкамъ[4]). Обязанность снабжать войска провіантомъ, подводами и рабочими людьми также распространялась какъ на крестьянъ, такъ и на посадскихъ людей. Опредѣленныхъ границъ этой повинности не было установлено. Бурмистрамъ прямо было предписано во всѣхъ такого рода дѣлахъ быть послушными Провіантскому приказу[5]).

Что касается постойной повинности, то она всею тяжестью падала преимущественно на горожанъ. Набранныхъ солдатъ указано было ставить на станціяхъ по городамъ на постоялыхъ дворахъ, „по скольку человѣкъ на дворъ доведется“. Хотя при этомъ имъ, подъ страхомъ смертной казни, предписывалось жить смирно и никакихъ обидъ своимъ хозяевамъ не наносить[6]), но это не ограждало горожанъ отъ притѣсненій и самоуправства. „И при квартирахъ солдаты и драгуны такъ не смирно стоятъ, и обиды страшныя чинятъ, что и исчислить ихъ не можно“, говоритъ Посошковъ[7]), „а гдѣ офицеры ихъ стоятъ, то и того горше чинятъ… и того ради многіе и домамъ своимъ не рады, а во обидахъ ихъ суда никакъ сыскать негдѣ: военный судъ

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 2805.
[2]) Полн. Собр. Закон. 2878.
[3]) Полн. Собр. Закон. №№ 2036, 2096, 2161, 2182.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 2106.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2036.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 2036. 5.
[7]) Сочин. Посошкова гл. 11. стр. 33—35.

аще и жестокъ учиненъ, да и жестоко доступать его; понеже далекъ онъ отъ простыхъ людей: не токмо простолюдинъ доступить по нему, но и военный человѣкъ не на равнаго себѣ не скоро судъ сыщетъ".

Вообще, не смотря на то, что состояніе торгово-промышленныхъ людей было устроено Петромъ на началахъ самоуправленія и отношеніе его къ правительственнымъ органамъ ограничивалось отчетностью, положеніе этого состоянія далеко не было обезпечено; и если при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, установленный Петромъ институтъ городской автономіи могъ бы обезпечить возможность успѣховъ торгово-промышленнаго развитія, то съ другой стороны обременительность тягла значительно уменьшала благія послѣдствія того независимаго положенія, въ какое поставлены были торгово-промышленные люди.

Правда, на дѣлѣ законъ, ограждавшій посадскихъ отъ обидъ и притѣсненій, далеко не всегда выполнялся. До насъ дошло, напримѣръ, что Путивльскій воевода Алимовъ и Орловскій Шеншинъ самопроизвольно вѣдали торговыхъ людей, били ихъ, брали съ нихъ взятки и „чинили помѣшательство въ сборахъ и остановки въ земскихъ дѣлахъ" [1]). Безъ сомнѣнія, такіе факты не были въ то время исключительнымъ явленіемъ; но съ развитіемъ правительственныхъ средствъ, съ возвышеніемъ уровня общественной нравственности и торгово-промышленнаго значенія горожанъ и корпоративной ихъ солидарности, возможность такихъ злоупотребленій должна была болѣе и болѣе ограничиваться. Ограниченіе начала личнаго произвола, которое Петръ положилъ основою всѣхъ своихъ преобразованій, должно было рано или поздно принесть свои плоды. Попытки Петра гармонически согласить необходимые элементы общинной автономіи и начала непосредственнаго правительственнаго надзора, причина несостоятельности которыхъ заключалась въ нравственной несостоятельности самого общества, при дальнѣйшемъ ходѣ развитія въ томъ же самомъ направленіи, какое ему далъ Великій Преобразователь, должны были осуществиться при его преемникахъ. Но во второй половинѣ своего царствованія уже самъ Петръ, изъ видовъ благоустройственныхъ, въ самой идеѣ измѣнилъ отношенія правительственныхъ административныхъ органовъ и центральныхъ учрежденій къ мѣстному управленію въ ущербъ самостоятельности земской автономіи.

Съ другой стороны, если, обременительность государственнаго тягла

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 1760.

и стѣсняла успѣхи промышленнаго развитія, то это необходимое зло съ избыткомъ искупалось тѣми выгодами, которыя куплены были его цѣною. Средства, собираемыя Петромъ, шли на устройство портовъ и флота, на содѣйствіе развитію мануфактуръ и фабрикъ, на веденіе войнъ, которыя открывали Русскимъ новые торговые пути; и французскій агентъ Лоли, состоявшій при Русскомъ дворѣ во времена Анны Іоанновны, сравнивая въ своей запискѣ, поданной кардиналу Флери, состояніе Россіи при Петрѣ съ положеніемъ ея при его преемникахъ, имѣлъ полное основаніе сказать, что не поборы и налоги, какіе были при Петрѣ, истощили государство, а разорено оно было при его наслѣдникахъ „роскошью, введенною при дворѣ, дурнымъ управленіемъ министровъ, переводомъ за границу суммъ... наконецъ, безплодною распущенностью, тщеславіемъ и суетностью“ [1]).

II.

Перейдемъ теперь ко второму фазису дѣятельности великаго преобразователя по отношенію къ устройству состоянія торгово-промышленныхъ людей. Государство нуждалось въ произведеніяхъ фабричной и ремесленной промышленности; но въ Россіи весь трудъ обращенъ былъ на добываніе сыраго матеріала, обработывающая промышленность стояла на самой низкой ступени развитія.

До Петра эта потребность въ мануфактурныхъ и фабричныхъ произведеніяхъ, при маломъ развитіи внѣшней торговли, удовлетворялась частными мѣрами. Такъ, посылая Юрія Трахоніота къ Германскому императору, Иванъ III далъ ему наказъ: „добывать великому князю мастеровъ рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другаго мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлять золото и серебро; если Юрій сыщетъ такихъ мастеровъ, то ему ихъ выпросить, а рядить ихъ, чтобъ ѣхали къ великому князю на наемъ, по сколько имъ въ мѣсяцъ давать за все про все; добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другаго мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера“... У Венгерскаго короля Матвѣя Иванъ также просилъ рудознатцевъ, архитекторовъ, серебряныхъ мастеровъ и пушечныхъ литейщиковъ [2]). При Борисѣ Годуновѣ Бекману, посланному въ Любекъ, данъ былъ

---

[1]) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, стр. 24.
[2]) Исторія Россіи Соловьева. V, стр. 253.

подобный же наказъ стараться о вызовѣ въ Россію разныхъ мастеровъ: суконныхъ, рудознатцевъ и часовщиковъ, чтобъ эти мастеровые ѣхали къ царю своимъ ремесломъ послужить [1]).

Петръ прибѣгалъ къ подобнымъ же мѣрамъ. Такъ, онъ посылалъ указы своимъ министрамъ, резидентамъ и агентамъ при иностранныхъ дворахъ, чтобъ они выискивали художниковъ, фабрикантовъ и ремесленниковъ и склоняли ихъ къ выѣзду въ Россію [2]).

Но подобныя средства были весьма неудовлетворительны: они ставили Россію въ зависимость отъ иностранныхъ державъ. Нужно было найдти способъ удовлетворять потребностямъ государства мѣстными средствами и развитіемъ внѣшней торговли. Для достиженія перваго потребовались, напримѣръ, такія средства. Понадобилось сукно для обмундированія войскъ; мѣстная производительность въ томъ состояніи, въ какомъ она находилась, не могла удовлетворить этой потребности. И вотъ Петръ приказываетъ разложить требуемое количество шерсти на губерніи и взыскивать ее съ нихъ въ счетъ податей [3]); затѣмъ онъ велѣлъ устроить суконныя фабрики и отдавать ихъ правительствомъ же образованнымъ торговымъ компаніямъ, „буде волею не похотятъ, хотя въ неволю“ [4]).

Для улучшенія качества ремесленной производительности онъ прибѣгалъ къ посылкѣ посадскихъ за границу, для обученія разнымъ мастерствамъ [5]), и обязывалъ пріѣзжающихъ въ Россію фабрикантовъ и ремесленниковъ имѣть при себѣ русскихъ учениковъ и обучать ихъ своему мастерству [6]). Но иностранные мастера мало заботились о выполненіи этого условія, и уѣзжая за границу, оставляли своихъ учениковъ недоученными, такъ что правительство русское заподозрило даже, недаютъ ли они цехамъ тѣхъ городовъ, откуда пріѣзжаютъ, обязательства ничему не учить иностранцевъ [7]).

Общія мѣры, предпринятыя Петромъ съ цѣлію размножить купечество и мануфактуры, начинаются со времени учрежденія коллегій.

Въ 1712 году Петръ писалъ въ сенатъ, что требуется „учинить коллегіумъ для торговаго дѣла исправленія, чтобъ торговлю въ луч-

---

[1]) А. Ист. II, № 34.
[2]) Голикова — Дѣянія Петра Великаго. Ч. II, стр. 7.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 2772.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 2876.
[5]) Голиковъ. II, стр. 7. Полн. Собр. Закон. № 4381
[6]) Полн. Собр. Закон. № 4378, 25 ст.
[7]) Полн. Собр. Закон № 4381, 25 ст.

шее состояніе привесть; къ чему надобны одинъ или два человѣка иностранцевъ (которыхъ надобно удовольствовать, дабы правду и ревность въ томъ показали) съ присягою, дабы лучшій порядокъ устроить, ибо безъ прекословія есть, что ихъ торги несравнительно лучше нашихъ“ [1]). Въ этихъ словахъ выразилось то значеніе, какое должны были получить въ послѣдствіи новые органы центральной администраціи, по отношенію къ земскому мѣстному самоуправленію. Мы видѣли, что существенною стороной ратушскаго управленія былъ контроль центральной палаты надъ выполненіемъ самостоятельно поставленными земскими избами и общинами возложенныхъ на нихъ тягломъ обязанностей. Децентрализованные въ послѣдствіи органы правительственной администраціи и правительственнаго надзора стояли также въ пассивныхъ отношеніяхъ къ самоуправленію торгово-промышленныхъ людей. Но когда административные центры были снова перенесены въ столицу, отношеніе ихъ къ мѣстнымъ органамъ самоуправленія совершенно измѣнилось. Ихъ главнымъ назначеніемъ указано было „лучшій порядокъ устроить“, и такимъ образомъ, если существенною формой прежнихъ центральныхъ и административныхъ учрежденій по отношенію къ общинной автономіи торгово-промышленнаго состоянія былъ контроль и надзоръ, то новымъ былъ по преимуществу приданъ характеръ распорядительный и устроительный.

За идеальный образецъ государственнаго строенія былъ принятъ механизмъ часовъ, въ которыхъ одно центральное колесо приводитъ въ движеніе всѣ другія. Такой идеалъ обусловливался тѣмъ, что въ новомъ дѣлѣ заводить и направлять государственный механизмъ приходилось самому царю, потому что общество не выработало еще задатковъ самостоятельнаго развитія тѣхъ началъ, которыя требовалось внести въ русскую жизнь.

Въ 1718 году начертано было устройство центральныхъ колесъ государственной администраціи, названныхъ коллегіями [2]).

3-го марта 1719 года изданъ былъ регламентъ коммерцъ-коллегіи. Назначеніемъ ея было смотрѣть „за всѣми торгами и торговыми дѣйствіями и имѣть попеченіе о путяхъ сообщенія, корабельномъ хожденіи и о всемъ томъ, что къ способному учрежденію, споспѣшеству и порядку купечества служить можетъ“. Для этого коллегіи указано было сочинять, разсматривать и измѣнять торговые уставы и приви-

---

[1]) Соловьевъ. XVI, стр. 205.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 3255.

легіи городовъ, разбирать и прекращать ссоры, которыя бы возникли между городами по поводу ихъ ярмарочныхъ и торговыхъ правъ, учредить по городамъ купеческія гильдіи[1]).

Мысль объ устройствѣ городскихъ магистратовъ высказана была еще въ 1718 году по поводу меморіала, поданнаго государю иностранцемъ Фикомъ, въ которомъ онъ писалъ: „Сіе есть едино изъ потребнѣйшихъ дѣйствъ, чего всѣмъ коллегіямъ, а найпаче коммерцъ-коллегіи желать довлѣетъ, ибо безъ сего желанный порядокъ и добрые плоды получить не можно". На это Петръ положилъ резолюцію: „Учинить сіе на основаніи Рижскаго и Ревельскаго регламента по всѣмъ городамъ" [2]). Эти предполагаемые магистраты проектировано было подчинить вѣдомству коммерцъ-коллегіи во всемъ, что относилось къ выполненію того, что коллегія нашла бы необходимымъ и полезнымъ установить для успѣховъ торговли. Ей же положено было по регламенту ввѣрить смотрѣніе за тѣмъ, чтобы магистраты „всякимъ непристойностямъ, своевольству и лѣнивству запрещеніе учиняли, дабы лѣнивцы и нищіе выведены были, а которые работать могутъ, онымъ способъ и свободность къ тому подавали, дабы не имущимъ пропитанія показанъ былъ путь къ купечеству или рукодѣлью, чтобы всякая вредительная корысть и всякое насильство и непорядки запрещены и заказаны были". Далѣе, къ числу обязанностей, возложенныхъ на коммерцъ-коллегію, принадлежало: наблюдать за благочиніемъ по таможнямъ, охранять иностранныхъ торговцевъ отъ обидъ и проволочекъ по судамъ, а горожанъ отъ обремененія излишними податьми и пошлинами, чтобы вслѣдствіе тяжести ихъ промыслы мѣщанскіе не умалялись; наблюдать за тѣмъ, чтобы магистраты содержались въ надлежащемъ видѣ и соблюдали правосудіе, чтобъ установленъ былъ бракъ товаровъ, надлежащій вѣсъ и все необходимое для предупрежденія въ торговлѣ обмановъ; наконецъ, коммерцъ-коллегія обязана была производить судъ и расправу по всѣмъ спорнымъ дѣламъ и преступленіямъ, которыя должны были разбираться и рѣшаться на основаніи торговыхъ уставовъ. Иностранные купцы подлежали также ея суду [3]).

Въ томъ же 1719 году опредѣлено было учредить для завѣдыванія промыслами, ремеслами и горною частью бергъ-и мануфактуръ-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3318, ст. 2, 5, 16, 17, 18, 19.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 3028.

[3]) Полн. Собр. Закон. № 3318, ст. 20, 23, 24, 25.

коллегію [1]); регламентъ мануфактуръ-коллегіи изданъ былъ только въ 1723 году [2]).

Дѣло устройства городскихъ магистратовъ возложено было въ 1721 году на главный магистратъ, который былъ учрежденъ въ этомъ году въ Петербургѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Московская ратуша утратила свое значеніе центральнаго судебнаго учрежденія, посадскіе и слободскіе торгово-промышленные люди не имѣли особой высшей судебной инстанціи по гражданскимъ дѣламъ; что касается дѣлъ уголовныхъ, то они не входили совершенно въ кругъ вѣдомства бурмистровъ.

Задавшись цѣлью „мануфактуры и купечество размножить", Петръ нашелъ нужнымъ изъять совершенно торгово-промышленныхъ людей отъ подсудности приказнымъ судьямъ не только въ гражданскихъ, но и въ уголовныхъ дѣлахъ, и снова „собрать разсыпанную храмину" подъ вѣдомство одного общаго для всѣхъ торгово-промышленныхъ людей центральнаго учрежденія.

По регламенту, изданному 16-го января 1721 года, главный магистратъ долженъ былъ состоять изъ назначенныхъ царемъ оберъ-президента и президента и выборныхъ бурмистровъ и ратмановъ, изъ которыхъ половина должна была быть замѣщена иностранцами, достаточно знакомыми съ русскимъ языкомъ [3]). Оберъ-президентомъ назначенъ былъ бригадиръ и лейбъ-гвардіи капитанъ князь Трубецкой, а президентомъ гость Илья Исаевъ [4]). Въ отличіе отъ прежнихъ ратушъ, члены какъ главнаго, такъ и городскихъ магистратовъ были безсмѣнны. Это въ значительной мѣрѣ лишило новыя учрежденія земскаго характера. Новыя городскія власти заняли мѣсто въ рядахъ служебной іерархіи. Президентъ главнаго магистрата по табели о рангахъ считался въ VIII классѣ, бургомистры въ IX, а городскіе бургомистры въ X классѣ [5]). Кто изъ магистратскихъ членовъ покажетъ „тщательное радѣніе и во всемъ будетъ содержать себя честно", тому обѣщалось шляхетство [6]); наконецъ, члены магистратовъ не несли мір-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3464.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4378.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3768, гл. 24.
[4]) Полн. Собр. Закон. №№ 3708, 3520.
[5]) Полн. Собр. Закон. VI, стр. 488.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XIV.

скихъ тягостей [1]). При магистратѣ, „для смотрѣнія за тѣмъ, чтобы онъ свою должность хранилъ“, установленъ былъ особый прокуроръ [2]).

Обязанности, возложенныя на главный магистратъ, въ общихъ чертахъ были слѣдующія: 1) учредить во всѣхъ городахъ магистраты; 2) снабдить ихъ уставами; 3) смотрѣть за тѣмъ, чтобы правосудіе соблюдалось; 4) добрую полицію учредить, и 5) купечество и мануфактуры размножить. Но этотъ перечень, приведенный въ регламентѣ, не исчерпываетъ всего круга дѣлъ магистратскихъ. Кромѣ исчисленнаго, на магистратъ возлагалось заботиться о здравіи и образованіи гражданъ и своимъ попечительствомъ охранять ихъ отъ отягощенія поборами и повинностями.

Изъ коллегій главный магистратъ входилъ въ столкновенія съ юстицъ-коллегіей по дѣламъ смѣшанныхъ судовъ, съ коммерцъ-и мануфактуръ-коллегіями по дѣламъ о споспѣшествованіи торговлѣ и промысламъ, и съ камеръ-коллегіею по дѣламъ, относящимся къ податнымъ сборамъ, которые во всемъ государствѣ были переданы въ ея вѣдомство: о всѣхъ дѣлахъ такого рода главный магистратъ сносился съ ними и представлялъ на ихъ разсмотрѣніе свои мнѣнія, а въ камеръ, коммерцъ-и мануфактуръ-коллегіи представлялъ вѣдомости о состояніи городовъ.

По отношенію къ сенату главный магистратъ поставленъ былъ въ подчиненіе. Оберъ-президентъ долженъ былъ доносить ему о купеческихъ дѣлахъ, а магистратъ представлять туда ежегодно по формѣ, приложенной къ регламенту, обстоятельное доношеніе о состояніи городовъ.

Многія изъ дѣлъ, порученныхъ „устроенію“ главнаго магистрата, не были выполнены, по краткости времени его существованія. Новыя учрежденія не успѣли вполнѣ развиться, и потому намъ остается ознакомиться съ ними въ томъ видѣ, въ какомъ они были проектированы въ регламентѣ и подробнѣе опредѣлены въ послѣдующихъ указахъ.

Главному магистрату, какъ мы сказали, предписано было *первое:* учредить во всѣхъ городахъ магистраты и снабдить ихъ уставами. Для этого предположено было разослать указы въ коллегіи, къ губернаторамъ и воеводамъ, чтобъ они выслали въ главный магистратъ вѣдомости о всѣхъ большихъ и малыхъ городахъ. Эти вѣдомости должны были заключать въ себѣ слѣдующее: 1) чертежное положеніе

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 5302.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 4170.

городовъ, лежащихъ у моря и у большихъ рѣкъ, 2) описаніе торговъ и промысловъ города и вѣдомости о количествѣ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ и 3) подробное извѣстіе о всѣхъ жителяхъ городовъ, кто изъ нихъ и чѣмъ занимается и сколько изъ посадовъ и слободъ выбыло купеческихъ и ремесленныхъ людей. По полученіи такихъ вѣдомостей, главному магистрату предстояло раздѣлить всѣ города на пять разрядовъ. Въ первый должны были войдти всѣ главные, какъ-то: Петербургъ, Москва, Новгородъ, Вологда, Нижній и другіе, въ которыхъ окажется отъ двухъ до трехъ тысячъ и болѣе дворовъ; во второй—внутренніе города, въ которыхъ состояло отъ 1.000 до 1.500 дворовъ, и нѣкоторые приморскіе, какъ напримѣръ Выборгъ, Нарва и другіе; въ третій—всѣ малые приморскіе города, какъ Перновъ и тѣ изъ внутреннихъ, въ которыхъ отъ 500 до 1.000 дворовъ; въ четвертый разрядъ должны были войдти всѣ небольшіе города въ 250 дворовъ; а въ пятый — всѣ остальные незначительные пригороды и слободы.

Раздѣливъ такимъ образомъ города, главный магистратъ долженъ былъ, чрезъ посредство губернаторовъ и воеводъ, постепенно, а если можно, то и разомъ, устроить въ главнѣйшихъ изъ нихъ магистраты изъ выборныхъ первостатейныхъ гражданъ; въ прочихъ городахъ полагалось быть только бургомистрамъ. Для этого указано было предписать губернаторамъ и воеводамъ, когда достаточное число кандидатовъ въ магистратскіе члены будетъ выбрано подъ ихъ надзоромъ, писать о томъ въ главный магистратъ и выслать туда, по крайней мѣрѣ, трехъ изъ выборныхъ отъ каждаго города. Если они окажутся, по усмотрѣнію магистрата, достойными, то губернаторамъ и воеводамъ указывалось, призвавъ всѣхъ гражданъ, объявить имъ „помянутые особы магистрата яко начальство града ихъ“ и сказать имъ указомъ, чтобъ они тѣмъ магистратамъ были послушны и достойно почитали ихъ. Число магистратскихъ членовъ должно было соразмѣряться съ раздѣленіемъ городовъ на разряды. Въ городахъ первостатейныхъ надлежало быть президенту и четыремъ бургомистрамъ; въ городахъ втораго разряда президенту и тремъ бургомистрамъ; въ остальныхъ городахъ магистратовъ не полагалось, а только указано было быть въ городахъ третьяго и четвертаго разрядовъ двумъ, а въ остальныхъ одному бургомистру. Къ каждому изъ бургомистровъ велѣно было приставить въ большихъ городахъ двухъ ратмановъ, а въ среднихъ и меньшихъ — сколько понадобится по состоянію города [1].

[1] Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. II, III, V, VI, XVI, XXV.

Въ 1724 году опредѣленъ былъ штатъ губернскихъ магистратовъ: по этому штату въ нихъ надлежало быть президенту, двумъ бургомистрамъ и четыремъ ратманамъ и при нихъ секретарю, канцеляристу, двумъ подканцеляристамъ, четыремъ копистамъ и четыремъ сторожамъ [1]). Иностранные купцы, живущіе по большимъ приморскимъ городамъ, записавшіеся въ гражданство и присягнувшіе на вѣрность подданства, могли быть выбираемы въ президенты, бургомистры и ратманы наравнѣ съ Русскими. Въ особыхъ случаяхъ относительно дѣлъ о пользахъ городской общины магистратъ долженъ былъ совѣщаться съ первостатейными и средними „добрыми" и умными гражданами города [2]). Бургомистры, по табели о рангахъ, числились въ X классѣ. При городскихъ магистратахъ, какъ и при главномъ, полагался особый прокуроръ [3]). Городовые магистраты состояли подъ указами главнаго магистрата и обязаны были исполнять ихъ неотложно и правдиво, а объ исполненіи немедленно доносить рапортомъ, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ взысканія съ членовъ денежнаго штрафа или наказанія судебнаго смертною казнью, ссылкою на галеры и лишеніемъ всего имѣнія по силѣ дѣла и вины [4]). Они обязаны были ежегодно доставлять главному магистрату рапорты о числѣ дворовъ и жителей въ городахъ, о количествѣ окладныхъ сборовъ, какіе взимаются съ гражданъ, о ихъ торгахъ и промыслахъ, о нуждахъ города и вѣдомости о числѣ рождающихся и умирающихъ [5]).

Для снабженія магистратовъ уставами, главному магистрату предписывалось: „ежели усмотрѣны будутъ какіе гражданскіе уставы и регулы, которые такой важности суть, что оные во всѣхъ городахъ быть благопотребны, то такіе сочинить и сенату объявить" [6]).

Второю обязанностью магистрата было смотрѣть за тѣмъ, чтобы правосудіе соблюдалось.

Съ учрежденіемъ магистрата, всѣхъ купеческихъ и ремесленныхъ людей во всѣхъ ихъ гражданскихъ дѣлахъ судомъ и расправою и по татебнымъ, разбойнымъ и убійственнымъ дѣламъ, кромѣ великихъ государственныхъ дѣлъ, велѣно было вѣдать въ главномъ магистратѣ, который былъ поставленъ относительно магистратскихъ городскихъ

1) Полн. Собр. Закон. № 4622.
2) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. VI.
3) Полн. Собр. Закон. № 3981.
4) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 3, 4, 5, 6, 7.
5) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XXV; 4624 ст. 10, 14, 29.
6) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. VIII.

судовъ въ такое же положеніе, въ какомъ юстицъ-коллегія состояла относительно областныхъ общихъ судовъ. Магистраты большихъ городовъ соотвѣтствовали надворнымъ судамъ: сюда по аппеляціи переносились дѣла изъ магистратовъ второстепенныхъ городовъ. Низшимъ общимъ судамъ соотвѣтствовали суды тѣхъ городовъ, гдѣ были только бургомистры, а магистратовъ не было. Изъ магистратовъ первостепенныхъ городовъ дѣла переходили въ С.-Петербургскій главный магистратъ. Въ первостепенныхъ городахъ, въ которыхъ состояло по три и по четыре бургомистра, къ постоянному завѣдыванію судебными дѣлами велѣно было опредѣлить одного изъ нихъ, придавъ ему отъ магистрата другихъ способныхъ къ тому членовъ [1]). Никакое присутственное мѣсто, кромѣ магистратовъ, не имѣло права судить, допрашивать и наказывать торговыхъ людей. Только въ магистраты подавались на нихъ челобитныя и донесенія. Одни государственныя дѣла состоящія „въ дурныхъ словахъ или въ дѣлахъ къ возмущенію", если въ нихъ оказывались виновными торговые люди, судились не въ магистратѣ, а въ Преображенскомъ приказѣ. Купцы, похитившіе казенныя деньги, подсудны были коммерцъ-коллегіи [2]).

Городскіе магистраты не могли привести въ исполненіе смертнаго приговора, не представивъ его на конфирмацію главнаго магистрата. Они также должны были извѣщать главный магистратъ о выморочныхъ имѣніяхъ, оставшихся послѣ гражданъ, и только съ полученіемъ указа приписывали ихъ къ городу или сдавали въ казну. Прочія дѣла рѣшались и приводились въ исполненіе мѣстными магистратами или бургомистрами, и только по аппеляціи переносились въ высшія инстанціи.

Вѣдомству магистратскихъ судовъ подлежали изъ горожанъ только дѣйствительные граждане. Мы видѣли выше, что съ допущеніемъ къ городскимъ торгамъ и промысламъ всякаго чина людей, торгово-промышленные городскіе люди раздѣлились на принадлежащихъ и не принадлежащихъ къ тяглому торгово-промышленному состоянію; власть магистратовъ распространялась только на первыхъ.

Дѣла лицъ торгово-промышленнаго состоянія съ людьми не магистратскаго вѣдомства подлежали совмѣстному суду надворнаго суда и магистрата, состоявшему изъ равнаго числа членовъ отъ того и другаго присутственнаго мѣста. Президентомъ такого суда назначался

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. IX.
[2]) Полн. Собр. Закон. №№ 4312, 3992.

членъ того судебнаго мѣста, вѣдомству котораго подлежалъ отвѣтчикъ. Вершать дѣла предписано было общимъ приговоромъ. Если же по чему-нибудь такое дѣло нельзя было рѣшить, то надворнымъ судьямъ указывалось доносить о томъ юстицъ-коллегіи, а президентамъ магистратовъ — главному магистрату [1]).

Торговые люди подавали свои челобитныя на людей, не подлежащихъ магистратскому вѣдомству, какъ вообще было принято за правило, въ тѣ суды, гдѣ отвѣтчики были вѣдомы [2]).

Пойманныхъ воровъ, какого бы званія они ни были, считая безъ сомнѣнія въ томъ числѣ и подсудныхъ магистратамъ, велѣно было, для скораго изысканія ихъ товарищей, брать къ полицiймейстеру (въ Москвѣ и Петербургѣ), а послѣ розыска отсылать за росписками куда кто надлежитъ для указнаго рѣшенія [3]).

Крайній срокъ вершенія челобитчиковыхъ дѣлъ въ магистратахъ опредѣленъ былъ шестимѣсячный. Если же кто изъ судей, безъ законной причины, сталъ бы волочить дѣло долѣе опредѣленнаго срока, тотъ наказывался штрафомъ въ 30 рублей за каждый день проволочки, и кромѣ того, обязанъ былъ вознаградить убытки, отъ нея происшедшіе [4]).

На магистраты возложено было и попеченіе о сиротахъ гражданъ. Надъ душеприкащиками, назначенными самими родителями малолѣтняго, они должны были надзирать; если же такого душеприкащика не было назначено, то опредѣлять опекуна изъ родственниковъ сироты или изъ постороннихъ, и составивъ опись какъ движимыхъ, такъ и недвижимыхъ пожитковъ малолѣтняго, передать за роспискою назначенному опекуну [5]).

Мы видимъ, что приложено было много заботливости къ тому, чтобы судъ магистратскій былъ судомъ правымъ; но если торговые люди выигрывали отъ того, что имѣли свой особый судъ, то съ другой стороны имъ приходилось выносить и всѣ дурныя послѣдствія существованія сословныхъ судовъ: современники жаловались, что „у многихъ правителей обидимый не можетъ управы получить, понеже истецъ и отвѣтчикъ не единаго суда, а именно одинъ воеводскаго, а другой ма-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. IX; 4624, ст. 47.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4312.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3714.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 4624.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 46.

гистратскаго, и въ томъ бываетъ несогласіе, а бѣдные люди разоряются" [1]).

Третьимъ дѣломъ магистрата было добрую полицію учредить. Ему указано было, буде онъ усмотритъ что-нибудь полезнымъ въ этомъ отношеніи установить, представлять о томъ въ сенатъ [2]).

Полицейскія обязанности городскихъ магистратовъ изложены были въ инструкціи магистратамъ, изданной въ 1724 году; въ ней предписывалось, вопервыхъ, имѣть предосторожность отъ пожаровъ, и для того обзавестись нужными пожарными инструментами и установить на такіе случаи, по совѣту съ квартирмейстромъ и гражданами, общія правила; вовторыхъ, смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ домахъ, на улицахъ и въ лавочныхъ рядахъ была чистота и помету никакого не было, а городскіе мосты содержались бы въ исправности; втретьихъ, наблюдать, чтобы граждане не держали въ своихъ домахъ и не нанимали для работъ пришлыхъ людей, какого бы званія они ни были, если при нихъ нѣтъ отпускныхъ и покормежныхъ писемъ, и безъ записей не принимали ихъ къ себѣ въ услуженіе. Особенно рачительно указывалось городскому начальству смотрѣть за тѣмъ, чтобы между такими пришлыми людьми не было бѣглыхъ солдатъ.

Такъ какъ многіе изъ горожанъ, не желая платить податей, не занимались никакими промыслами, а потому жили бѣдно или предавались разгулу, пьянствовали, воровали и разбойничали, то магистратамъ предписано было особенно наблюдать за ними и понуждать заниматься ремеслами и другими работами. Кто изъ гражданъ, для какихъ-нибудь своихъ нуждъ, пожелалъ бы выѣхать изъ города, тѣмъ велѣно было брать изъ магистратовъ, „по усмотрѣнію состоянія своего и дальности пути", паспорты или пропускныя письма, которые по возвращеніи ихъ отъ нихъ отбирались.

Отъ пріѣзжающихъ и приходящихъ въ городъ магистратъ долженъ былъ требовать предъявленія указаннаго свидѣтельства, на которомъ каждый разъ, каждый изъ нихъ долженъ былъ росписаться: когда пріѣхалъ, когда думаетъ выѣхать, и дать подписку, что передъ отъѣздомъ явится въ магистратъ. Безъ такихъ помѣченныхъ свидѣтельствъ никто изъ горожанъ не долженъ былъ держать у себя никого. По окончаніи срока, пріѣзжій могъ прожить еще въ городѣ три дня; если же, по истеченіи ихъ, что-либо помѣшало бы ему выѣхать, то о томъ онъ долженъ былъ немедленно довесть до свѣдѣнія магистрата. Для

[1]) Исторія Россіи Соловьева. XVI, стр. 249.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 3708. гл X.

вызова понадобившихся магистрату граждан и для сообщенія городскому начальству о происходящихъ въ городахъ безпорядкахъ и непотребствахъ, указано было опредѣлить изъ гражданъ города особыхъ сотскихъ и десятскихъ.

Наконецъ, городское начальство обязано было смотрѣть за тѣмъ, чтобы промышленнымъ и торговымъ гражданамъ отъ пріѣзжихъ торговцевъ и пріѣзжимъ отъ мѣстныхъ жителей никакого помѣшательства въ торгахъ и никакого утѣсненія въ цѣнѣ не было [1]).

Въ Москвѣ, какъ мы знаемъ, еще до Петра полиція установлена была какъ особое учрежденіе, и при немъ, точно также какъ и въ Петербургѣ, она не вошла въ кругъ магистратскаго вѣдомства. Въ Петербургъ назначенъ былъ генералъ-полиціймейстеромъ генералъ-адъютантъ Девьеръ, а въ Москву особый оберъ-полиціймейстеръ, поставленный въ зависимость отъ С.-Петербургскаго генералъ-полиціймейстера [2]). Изъятіе полиціи въ столицахъ изъ подвѣдомственности магистратамъ можно объяснить тѣмъ, что въ Москву и Петербургъ были привлечены главныя силы служилаго класса, который по правамъ своего состоянія не могъ подлежать вѣдомству существующаго городскаго начальства.

Обязанности полицій столичныхъ городовъ были гораздо сложнѣе и подробнѣе опредѣлены, чѣмъ полицейскій кругъ вѣдомства городскихъ магистратовъ.

Генералъ-полиціймейстеръ по пунктамъ, даннымъ ему въ руководство, имѣлъ обязанностью наблюдать, чтобы строеніе домовъ производилось по указамъ и чтобъ улицы содержались въ чистотѣ, смотрѣть за продажею съѣстныхъ припасовъ, чтобы на торгахъ не продавали ничего вреднаго для здоровья, и слѣдить за вѣрностью мѣръ и вѣсовъ. Когда на улицѣ или на рынкѣ случилась бы драка, то полиція должна была брать подравшихся къ суду. На обязанности же полиціи лежало: осматривать чрезъ каждые четыре года печи въ домахъ; надзирать за всякими публичными заведеніями, допрашивать гулящихъ людей, и кто бы изъ нихъ сталъ сбиваться въ отвѣтахъ, тѣхъ опредѣлять въ работу; также поступать и съ нищими, которые окажутся способными трудиться; наконецъ, собирать свѣдѣнія о пріѣзжающихъ, отъѣзжающихъ и нанимающихся въ работы. При каждомъ дворѣ въ городѣ полагалось быть караульному для охраненія отъ воровъ и присутствія на пожарахъ; при нихъ должны были быть ружья,

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 13, 30, 32, 37, 40.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 3883.

а на случай пожара ведра, топоры и трубы. По ночамъ они должны были ходить съ трещотками, какъ это дѣлалось въ другихъ государствахъ. Полицейскіе служители, какъ и прежде, набирались изъ гражданъ: отъ каждой улицы и слободы поставлялся староста, отъ десяти дворовъ — десятскій [1]). Такого же рода инструкція дана была и Московскому оберъ-полиціймейстеру [2]).

Мы видимъ, что хотя полиція столицъ и изъята была изъ подвѣдомственности магистратамъ, но выполненіе полицейскихъ обязанностей продолжало лежать тягломъ на земскихъ людяхъ.

Четвертою заботой, возложенною на магистратъ, было: „купечество и мануфактуры размножить". Для возбужденія торговли, для сбыта ремесленныхъ произведеній, для распространенія народнаго довольства и умноженія казенныхъ сборовъ, главному магистрату указано было стараться о размноженіи ярмарокъ и торговъ, какъ въ городахъ, такъ и въ уѣздахъ, о чемъ ему надлежало совѣщаться съ камеръ- и коммерцъ-коллегіями. Въ большихъ приморскихъ и другихъ торговыхъ городахъ предполагалось устроить, „по примѣру иностранныхъ купеческихъ городовъ", торговыя биржи, и предписано было главному магистрату велѣть магистратамъ тѣхъ городовъ выбрать изъ купечества маклеровъ, „во всѣхъ торгахъ и вексельныхъ переводахъ искусныхъ людей" [3]).

Относительно содѣйствія размноженію и улучшенію ремеслъ указывались магистрату слѣдующія мѣры. Еслибъ онъ усмотрѣлъ, что извѣстная отрасль мануфактурной промышленности требуетъ особаго устава, или если по его мнѣнію, сочиненные мануфактуръ-коллегіею уставы окажутся неудовлетворительными или неприложимыми къ дѣлу, то ему предписано было сообщить о томъ письменное предложеніе означенной коллегіи, и при обсужденіи въ ней устава присутствовать оберъ-президенту главнаго магистрата [4]).

Городское начальство должно было стараться, чтобы всякое рукодѣлье, а наиболѣе тѣ, которыхъ до того не было, размножались, и если кто такія заново завести пожелаетъ, то обнадеживать его, что ему будутъ даны привилегіи для свободнаго производства такой мануфактуры [5]).

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3203.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4047.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XVII, XVIII и XIX.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XI.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 4624, 31.

Уже въ 1718 году существовала монополія на занятіе извѣстными ремеслами. Для пріобрѣтенія права исключительно промышлять ими требовалось тогда свидѣтельство отъ мануфактуръ-коллегіи, что желающій производить такого рода мануфактуры „подлинно такого художества мастеровой человѣкъ, а не подложный“ [1]). Въ воеводскомъ наказѣ 1719 года мы встрѣчаемъ уже приказаніе, чтобы „посадскіе съ рукодѣльниками другъ съ другомъ ремесломъ не мѣшались“ [2]). По регламенту, каждое ремесло предполагалось подчинить особымъ правиламъ, для чего имѣлось въ виду сочинить для нихъ особые уставы [3]). Относительно золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ такія правила установлены были еще прежде учрежденія магистрата [4]). Регламентація промысловъ въ частныхъ случаяхъ примѣнялась даже раньше учрежденія коллегій. Такъ, напримѣръ, въ 1715 году предписано было дѣлать полотно шириною, равною приготовляемому въ западно-европейскихъ государствахъ, а именно полтора аршина съ четвертью [5]).

Мѣры регламентаціи обусловливали необходимость контрольнаго учрежденія. Промышленныя ассоціаціи существовали въ Россіи еще во времена удѣльныя; но Петръ не воспользовался остатками этихъ союзовъ, а перенесъ на русскую почву цеховую организацію ремесленной промышленности, сложившуюся на Западѣ. Всѣхъ ремесленниковъ предположено было въ каждомъ городѣ раздѣлить на цехи, такъ чтобы каждое ремесло и художество составляло особый цехъ. Во главѣ надъ цехами должны были стоять адлерманы [6]). Въ цехи могли вписываться по желанію какъ русскіе, такъ и иностранцы-ремесленники, для чего адлерманы должны были имѣть по каждому ремеслу особыя книги. Если бы даже кто-либо и изъ уѣздныхъ людей захотѣлъ заниматься въ городѣ какимъ-либо ремесломъ или художествомъ, то и такой имѣлъ право свободно записаться въ какой угодно цехъ. Это одинаково распространялось на дворцовыхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, съ тѣмъ только условіемъ, что для приписки къ цеху они должны были представить отпускное письмо отъ помѣщика или отъ дворцоваго приказчика. Всѣ изъявившіе желаніе записаться въ цехъ должны были быть свидѣтельствуемы всѣмъ цехомъ, и кто изъ нихъ по освидѣтельство-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3142.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 3294.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. VII.
[4]) Полн. Собр. Закон. №№ 2344, 2368.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 2943.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. VII.

ваніи оказывался достойнымъ быть мастеромъ, тому выдавалось на это званіе особое письмо. Всякому мастеру на своемъ произведеніи, сдѣланномъ на продажу или по заказу, указано было прилагать свое клеймо, и онъ не имѣлъ права продавать свой товаръ, не представивъ его предварительно старшинѣ цеха для освидѣтельствованія. Послѣдній, если находилъ, что произведеніе удовлетворительно, долженъ былъ приложить къ нему печать, въ противномъ же случаѣ обязанъ былъ его уничтожить. Кто бы изъ ремесленниковъ сталъ продавать свой товаръ безъ такихъ печатей, тотъ подлежалъ штрафу: въ первый разъ вдвое противъ стоимости произведенія, во второй разъ вчетверо, а въ третій виновный навсегда лишался права заниматься ремесломъ. Каждый мастеръ могъ имѣть сколько хочетъ учениковъ и подмастерьевъ, которые не имѣли права отойдти отъ него ранѣе семи лѣтъ [1]).

Всѣмъ владѣльческимъ людямъ, не записавшимся въ цехи, запрещено было работать въ городахъ для продажи [2]).

При постоянныхъ распряхъ между лучшими и бѣднѣйшими людьми, при низкомъ уровнѣ нравственнаго общественнаго развитія, можно было ожидать, что власть, усвоенная старшинамъ цеховъ, на дѣлѣ задержитъ только развитіе ремеслъ; но задуманное Петромъ учрежденіе цеховъ не осуществилось [3]).

Пятою обязанностью магистрата мы обозначили заботу о здравіи и образованіи гражданъ и попеченіе объ охраненіи ихъ отъ отяготительныхъ поборовъ.

По городамъ указано было магистрату устроить на счетъ гражданъ госпитали для призрѣнія сирыхъ, убогихъ, больныхъ и увѣчныхъ. Въ иныхъ государствахъ, говорится въ регламентѣ, существуютъ такіе дома не только въ большихъ, но и въ малыхъ городахъ, и имѣютъ свое начало отъ фундаціи земскаго начальства и отъ пожертвованія людей, обладающихъ имуществомъ, къ чему обязываютъ уставы и полицейскія правила [4]). Въ 1724 году подтверждено было, чтобы обѣднѣвшіе и престарѣлые граждане не оставались со стороны согражданъ безъ призрѣнія и помѣщались въ богадѣльни. Кромѣ гражданъ, „для ущербленія отъ многолюдства въ пропитаніи“ въ городовыя больницы не велѣно было никого принимать [5]).

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3980.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4054.
[3]) *Storch*—Gemälde d. russisch. Reichs am Ende d. 18 Jahrh. III § 148.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XX.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 34.

Относительно народнаго просвѣщенія главному магистрату вмѣнялось въ обязанность не пренебрегать заведеніемъ по городамъ надлежащихъ школъ [1]), а городскимъ магистратамъ наблюдать за тѣмъ, чтобы дѣти не только зажиточныхъ, но и бѣдныхъ гражданъ, обучались чтенію, письму и ариѳметикѣ, для чего устроить при церквахъ школы. По окончаніи дѣтьми беднѣйшихъ изъ гражданъ этихъ школъ, магистратъ долженъ былъ позаботиться объ опредѣленіи ихъ къ какому-либо ремеслу, къ какому они окажутся болѣе склонными, „дабы отъ такихъ впредь могла быть граду польза и вспоможеніе" [2]).

Сборъ всякихъ доходовъ во всемъ государствѣ былъ возложенъ на коммерцъ-коллегію. Она имѣла обязанность смотрѣть за тѣмъ, чтобы во всѣхъ городахъ слѣдуемые съ горожанъ поборы были исправно взимаемы, и такимъ образомъ дѣла по податямъ не подлежали собственно вѣдомству главнаго магистрата, но тѣмъ не менѣе ему указывалось имѣть попеченіе о каждомъ городѣ, и „ежели гдѣ усмотритъ или увѣдомится, что оные поборы тягостью, къ тому же не ровно расположены или иначе еще какъ такъ наложены, что и промыслы гражданскіе содержаться отъ того не могутъ, или какое раззореніе градскимъ обывателямъ отъ того можетъ и того всего главному магистрату смотрѣть прилежно и доносить о томъ въ сенатъ" [3]). Но городскіе магистраты принимали непосредственное участіе въ распредѣленіи податей. Выборные отъ магистратовъ „общимъ съ гражданами согласіемъ" раскладывали подушный и другіе сборы, при чемъ имъ ставилось въ обязанность наблюдать за тѣмъ, чтобы бѣднѣйшіе граждане не были не въ мѣру отягощаемы. На магистраты возлагалось также отводить постои для войскъ, и для этого указано имъ было выбрать изъ гражданъ сколько нужно квартирмейстровъ [4]).

Въ 1724 году, въ дополненіе къ регламенту, издана была инструкція. Содержаніе ея мы изложили совмѣстно съ содержаніемъ устроительнаго регламента магистратовъ.

Изъ изложенія предметовъ магистратскаго вѣдомства мы видимъ, что новое учрежденіе существенно отличалось отъ прежняго бурмистрскаго вѣдомства по своему назначенію и по отношенію мѣстнаго управленія къ центральному; такое же различіе существовало и въ отношеніяхъ этихъ двухъ системъ учрежденій къ земскимъ общинамъ. Учрежденіе

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XXI.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 33.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XII.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 3708, ст. 24, 25, 11; № 4312, 9.

бурмистровъ было земскимъ; связь его съ общиною поддерживалась единствомъ интересовъ и срочностью выбора; магистраты, напротивъ того, были и по своимъ интересамъ и по своему положенію совершенно независимымъ отъ земства городскимъ начальствомъ, которое, какъ взятое изъ среды гражданъ, въ то же время видѣло въ своихъ подчиненныхъ соперниковъ себѣ въ своихъ частныхъ промыслахъ. Это, безъ сомнѣнія, пагубно отразилось на судьбахъ торгово-промышленныхъ людей.

„Когда учинены магистраты по провинціямъ и бургомистры съ товарищи обнадежили себя, что будутъ непремѣнны“, пишетъ одинъ изъ современниковъ той эпохи [1]), „то гражданамъ начала происходить чувствительная обида. Магистратскіе члены или посланные отъ нихъ скупщики являются на гостинные дворы и другимъ гражданамъ купить товару не позволяютъ, и никто покупать не смѣетъ, боясь отъ магистратскихъ раззоренія безочередными службами и постоемъ; и пріѣзжему продавцу не безъ раззоренія, ибо достойной цѣны взять не можетъ, долженъ брать, что дадутъ магистратскіе. Заморскіе товары магистратскіе засѣдатели продаютъ гражданамъ такимъ порядкомъ: который товаръ стоитъ 100 рублей, на тотъ положатъ цѣну 150 или 130 рублей и продаютъ по этой цѣнѣ купцамъ средней статьи, которые торгуютъ въ лавкахъ; который купецъ не захочетъ взять, того отягощаютъ безсрочнымъ постоемъ, службами и другими нападками; податей сами магистратскіе не платятъ, торгуютъ свободно, и вмѣсто нихъ подати платятъ гражданскою суммою. Если бы велѣно было магистратскихъ членовъ перемѣнять, то голосъ былъ бы свободный, одинъ другаго притѣснять не могъ бы, и купечеству была бы отъ того ревность. А перемѣнять бы гражданамъ магистратскихъ членовъ съ вѣдома и разсмотрѣнія воеводъ, и воеводамъ бы имѣть смотрѣніе надъ магистратами, такъ какъ изстари бывало“.

На этотъ разъ причина неудовлетворительности учрежденія заклю-

---

[1]) Всѣ эти выписки изъ архивовъ мы заимствуемъ изъ достойнаго всякаго уваженія труда С. М. Соловьева. Въ настоящемъ случаѣ, когда я не могу назвать автора приводимаго отрывка, потому что нашъ почтенный историкъ о немъ умалчиваетъ, позволяю себѣ заявить сожалѣніе, что гг. ученые, пользующіеся помощью столичныхъ архивовъ, не приводятъ въ приложеніяхъ къ своимъ сочиненіямъ большаго количества актовъ и памятниковъ. Этимъ они значительно помогли бы разработкѣ отечественной исторіи. Многимъ въ провинціи приходится отказываться отъ разработки тѣхъ вопросовъ, для изслѣдованія которыхъ въ столицахъ можно найдти обильный матеріалъ, обнародованію котораго необходимо чтобы помогали и частныя лица.

чалась не только во временной и переходящей нравственной несостоятельности общества, а въ основахъ самаго учрежденія. Далѣе, ратуши устроены были для того, чтобъ избавить тяглыхъ людей отъ утѣсненій и излишнихъ поборовъ, и потому для огражденія молодшихъ людей отъ всякихъ несправедливостей со стороны болѣе состоятельныхъ членовъ тяглыхъ общинъ всѣ разряды посадскихъ людей должны были принимать участіе въ податныхъ раскладкахъ; бурмистрская палата состояла также изъ выборныхъ отъ всѣхъ сотенъ и слободъ. Магистраты имѣли назначеніемъ содѣйствовать развитію торговли и промысловъ, и потому въ магистратскомъ управленіи принимали участіе только дѣйствительные граждане, лица болѣе состоятельныя, отъ которыхъ можно было ожидать, что они будутъ содѣйствовать преуспѣянію торговъ и промысловъ; прежніе молодшіе люди не вошли въ составъ гражданства. Изъ ремесленниковъ только одни алдерманы выбирались въ гражданскіе чины, „которые магистрату во всѣхъ городскихъ дѣлахъ совѣтомъ и дѣлами вспомогать должны".

Наконецъ, въ кругъ вѣдомства бурмистровъ входили какъ горожане, такъ и уѣздные черносошцы, а магистраты были, подобно тому какъ и на Западѣ, исключительно городскимъ учрежденіемъ.

Вмѣстѣ съ учрежденіемъ магистратовъ, опредѣленъ былъ точно кругъ тяглаго торгово-промышленнаго состоянія городскихъ обывателей, и городскія общины получили новую организацію.

Въ 7-й главѣ регламента главнаго магистрата это новое устроеніе общины выражено было такимъ образомъ. „Понеже вездѣ въ городахъ, не токмо въ большихъ, но и въ малыхъ, обрѣтаются жители разныхъ чиновъ, кромѣ посадскихъ (изъ которыхъ каждый особливое состояніе имѣетъ), а именно шляхетство, которое во близости отъ городовъ деревни и усадьбы свои имѣетъ, а иные и сами въ городахъ живутъ домами своими, такожде служители у дѣлъ приставленные, священство, церковники и иностранные, изъ которыхъ одни ради купечества, а другіе для художества или какого рукодѣлья тамо живутъ, то всѣ такіе люди между гражданами не числятся, а магистрату граждане надлежатъ и въ двухъ гильдіяхъ состоятъ такіе: банкиры (которые даютъ на векселя деньги), знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги, и которые разными многими товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе докторы, аптекари, лѣкари, шкиперы купеческихъ кораблей, золотари, серебренники, иконники, живописцы, портные, сапожники, кузнецы, плотники, столяры, рѣзчики, токари и симъ подобные, изъ которыхъ первой гильдіи или первостатейные

состоятъ, и отъ другаго подлаго гражданства привилегіями и преимуществами суть отмѣнны, яко банкиры, знатные купцы, которые имѣютъ отъѣзжіе большіе торги, и которые разными товарами въ рядахъ торгуютъ, городскіе доктора, аптекари, лѣкари, шкипери купеческихъ кораблей, золотари, серебренники, иконники, живописцы. Во второй гильдіи, которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасы торгуютъ, также рукодѣльные, рѣзчики, токари, столяры, портные, сапожники и симъ подобные. Прочіе же всѣ подлые люди. обрѣтающіеся въ наймахъ и въ чорныхъ работахъ, которые нигдѣ между знатными и регулярными гражданами не считаются".

Уѣздные дворцовые и владѣльческіе крестьяне, промышлявшіе торговлею и ремеслами, и торговые бѣломѣстцы тянули къ сотнямъ и слободамъ податьми. Именно въ 1723 году, содержащихъ купеческіе промыслы и заводы и отъѣзжіе торги и лавки бѣломѣстцевъ и крестьянъ селъ Покровскаго и Тайненскаго, Александровской слободы и прочихъ дворцовыхъ селъ велѣно было по прежнимъ указамъ записать въ тягло [1]). Въ Устюжской провинціи, Сольвычегодскаго уѣзда въ Ляльскомъ погостѣ, болѣе 50-ти купеческихъ дворовъ объявили по торгамъ своимъ и промысламъ, что желаютъ причислиться къ посаду. Возникъ вопросъ: переводить ли ихъ на посадъ и надѣлять ли ихъ тамъ землею? Это недоумѣніе разрѣшено было, какъ и слѣдовало ожидать, тѣмъ, что Лялъскихъ торговцевъ велѣно было оставить на прежнихъ мѣстахъ; кто же изъ нихъ захочетъ переселиться на посадъ, тѣмъ этого не возбранять. Другаго рѣшенія и не могло быть, потому что всякая связь тягла съ землею была окончательно прервана со времени введенія подушной подати. По указу 13-го мая 1722 года дозволено было ямщикамъ, звонарямъ, пушкарямъ, воротникамъ и крестьянамъ, если торги ихъ простираются до 500 рублей, или хотя и до 300, но въ Петербургскомъ портѣ, записываться въ посадъ съ тѣмъ, чтобъ они платили осьмигривенную подать, а помѣщичьи крестьяне продолжали бы по прежнему взносить оброкъ своимъ помѣщикамъ въ размѣрѣ, равномъ оброкамъ пахотныхъ крестьянъ [2]). Но изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, бѣломѣстцы и служилые городскіе люди, какъ мы видимъ изъ приведеннаго мѣста регламента, въ число гражданъ не вошли и вѣдомству городскаго начальства не подлежали. Что касается купеческихъ крѣпостныхъ людей, то имъ при Екатеринѣ I

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4312, 2.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 4336.

указано было вѣдаться судомъ и расправою, какъ и гражданамъ, въ магистратахъ [1]).

Къ торгамъ и промысламъ были такимъ образомъ допущены всѣ состоянія подъ тѣми условіями, которыя соотвѣтствовали самому раздѣленію на состоянія; но выходъ изъ состоянія торгово-промышленныхъ городскихъ людей былъ воспрещенъ [2]).

Главному магистрату указано было, — „понеже его царское величество указать повелѣлъ, дабы всероссійское купечество яко рассыпанную храмину собрать“, — приложить стараніе, чтобы всѣ вышедшіе изъ городовъ купеческіе и ремесленные люди, исключая тѣхъ, которые состояли на службѣ, были возвращены въ тягло [3]). Вдовамъ гражданъ разрѣшено было выходить замужъ за бѣломѣстцевъ только подъ условіемъ продажи городу мужнина участка и промышленныхъ его заведеній и уплаты всѣхъ числившихся на немъ недоимокъ [4]). Но переходъ изъ города въ городъ былъ допущенъ. На обязанности главнаго магистрата лежало только уравнивать перешедшихъ въ податяхъ противъ того, что они платили на старыхъ своихъ мѣстахъ [5]). Поморскіе уѣздные крестьяне не отличались по своимъ податнымъ обязанностямъ отъ горожанъ, а потому перешедшіе изъ городовъ въ черносошцы тоже на прежнее тягло не возвращались [6]); но нигдѣ не видно, чтобъ они подлежали вѣдомству магистратовъ. Въ 1723 г. они окончательно выдѣлились въ особое состояніе государственныхъ крестьянъ [7]).

Раздѣленіе торгово-промышленныхъ людей и горожанъ на гражданъ подвѣдомственныхъ магистратамъ и вѣдомству ихъ не подлежащихъ, не только неблагопріятно отразилось на судьбахъ первыхъ, но наносило ущербъ и государевой казнѣ. Посошковъ, предлагая въ своей книгѣ: „О скудости и богатствѣ“ устроить такъ, чтобы каждое состояніе въ промыслы и занятія другихъ состояній не вступалось, говоритъ: „Аще сіе Богъ устроитъ, еже всякаго званія человѣкъ будетъ пещися о своемъ дѣлѣ, то всякія дѣла будутъ споры, а купечество такъ обогатится, что не въ примѣръ нынѣшнему богатству.

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4812.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 4624, 8.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. IV.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 4624, 46.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 4059.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 4194.
[7]) Полн. Собр. Закон. №№ 4332, 4533.

А пошлины будутъ съ нихъ собираться не то что вдвое, но чаю, что нынѣшняго сбора и втрое больше будетъ и вящше, потому что нынѣ торгуютъ бояра, дворяне и люди ихъ и офицеры и солдаты и крестьяне, то всѣ тѣ торгуютъ безпошлинно, а купецкіе люди за ихъ имены множество привозятъ безпошлинно же. И я не чаю, чтобы нынѣ и половина прямо пошлинъ собиралась, да и собрать ее не можно, аще не отставить во всемъ торгу отъ господъ и отъ служилыхъ людей, потому что прикоснулись торгу лица сильныя, а кои и не сильны, то магистрату не подсудны. Я о семъ всесовершенно знаю, что въ одномъ Новгородскомъ уѣздѣ крестьянъ, кои торгуютъ, будетъ сто-другое, а пошлинъ ни по деньгѣ не даютъ. И аще кой сборщикъ, увидя ихъ, нехочетъ пошлину взять, то дворяне за нихъ вступятся и чуть живыхъ оставятъ, и на то смотря, никакіе цѣловальники и прикоснуться къ нимъ не смѣютъ. И есть такіе богачи, что сотъ по пяти и шести имѣютъ у себя торгу, а великому государю не платятъ ни по деньгѣ" [1]).

Городскія тяглыя общины по прежнему сами раскладывались податьми и службами; но самостоятельность ихъ въ этомъ отношеніи была значительно ограничена соучастіемъ магистратовъ. Податныя разверстки, какъ прежде по сотнямъ и слободамъ, такъ теперь производились по гильдіямъ. Дѣленіе на гильдіи соотвѣтствовало старому дѣленію на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ людей; но къ нему примѣшано было отжившее уже въ Россіи сословное привилегированное отличіе высшихъ статей отъ низшихъ. Если заявленное Петромъ желаніе отличить гильдейское гражданство отмѣнными преимуществами передъ „подлымъ гражданствомъ" и не успѣло вполнѣ развиться при немъ, то оно, какъ дѣло имъ завѣщанное, выполнено было его послѣдовательницей въ дѣлѣ перенесенія на русскую почву чуждыхъ учрежденій Запада. Посадскіе люди всякими податьми, кромѣ подушной, окладывались по прежнему по состоянію своихъ торговъ и промысловъ, и всякіе сборы взимались съ нихъ съ десятой деньги [2]).

Для податныхъ разверстокъ гильдіи избирали себѣ старшинъ и старостъ, а послѣдній классъ—старостъ и десятскихъ. Гильдейскіе старосты и старшины, съ согласія гражданъ, уравнивали податные сборы по состоянію. Такимъ образомъ составлялись окладныя книги особо для каждаго разряда гражданъ. Если потомъ усматривалось, или дру-

[1]) Сочин. Ивана Посошкова, гл. IV, стр. 115, 116.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 3733, 3747, 3831, 3872.

гимъ какимъ-либо путемъ доходило до свѣдѣнія магистрата, что со времени составленія оклада „нѣкоторые пожитками пополнились, нѣкоторые же умалились“, и если магистратъ въ томъ подлинно увѣрится, то велѣно ему было сообщить о томъ гильдейскимъ старшинамъ и приказать имъ, по совѣту съ гражданами, составить новые уравнительные оклады. Старосты и десятскіе послѣдняго класса должны были доводить до свѣдѣнія магистрата о нуждахъ его [1]).

Въ 1722 году, посадскіе были избавлены отъ поставки рекрутъ натурою, а велѣно было съ нихъ брать деньгами соразмѣрно окладу [2]). Въ 1724 году, эта замѣнная плата была опредѣлена для торговыхъ людей въ 100 рублей за рекрута [3]).

Завѣдываніе отправленіемъ постойной повинности состояло въ распоряженіи магистратовъ. Если по указамъ изъ военной коллегіи или изъ камеръ-коллегіи опредѣлялось назначить полкамъ въ извѣстномъ городѣ квартиры, то объ этомъ магистратъ того города долженъ былъ быть извѣщенъ заранѣе. По полученіи извѣстія, онъ располагалъ квартиры по дворамъ [4]). Постои ставились по числу комнатъ [5]).

Мы уже говорили о тяжести постойной повинности для горожанъ и о томъ, что магистраты пользовались правомъ размѣщать постои для своекорыстныхъ цѣлей. Для того, чтобы облегчить бремя этой повинности, найдено было необходимымъ запретить офицерамъ, матросамъ и полковымъ харчевникамъ заниматься торговлею во время ихъ пребыванія въ городахъ [6]).

Другою повинностью, которою магистраты пользовались какъ средствомъ дѣйствовать въ ущербъ пользамъ и выгодамъ своихъ торгово-промышленныхъ соперниковъ, были земскія службы. Мы видѣли, что Петръ, въ видахъ размноженія мануфактуръ и купечества, задумалъ избавить посадскихъ людей отъ этихъ службъ. Въ 1722 году изданъ былъ рѣшительный указъ: къ пошлиннымъ, кабацкимъ, соляннымъ и другимъ всякимъ сборамъ изъ посадскихъ людей не выбирать, а быть у такихъ сборовъ, у большихъ—изъ отставныхъ офицеровъ и изъ дворянъ, а у меньшихъ—унтеръ-офицерамъ и рядовымъ солдатамъ, для чего выбирать военной коллегіи достойныхъ людей. Въ коллегіи и

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4624, ст. 16, 17, 18, 19, 20, 21.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 3983.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 4550.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XIII.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 4312, 9; № 4624, 11.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 3708, гл. XIII.

канцеляріи для оцѣнки и свидѣтельстви товаровъ назначено было по прежнему выбирать изъ посадскихъ людей; для разныхъ закупокъ указывалось также ставить купцовъ; но за такія ихъ службы предполагалось впредь давать имъ жалованье и при коллегіяхъ не держать ихъ болѣе года, а въ городахъ отпускать отъ службъ, какъ только они выполнятъ возложенное на нихъ порученіе и дадутъ отчетъ. На отчетъ положено было сроку болѣе мѣсяца [1]).

Но желаніе избавить торговыхъ людей отъ стѣснительныхъ и убыточныхъ для нихъ службъ не увѣнчалось успѣхомъ. Въ 1724 году, по государевымъ сборамъ изъ офицеровъ, дворянъ и раскольниковъ опредѣлено было всего 475 человѣкъ, между тѣмъ какъ требовалось 6.997 душъ. Вслѣдствіе этого у сборовъ, къ которымъ „по малолюдству" изъ офицеровъ, дворянъ и раскольниковъ некого было назначить, предписано было быть по прежнему купечеству по выбору магистратовъ. Но военной коллегіи и герольдмейстеру снова было подтверждено отыскивать офицеровъ, солдатъ и драгуновъ и стараться преимущественно ими замѣщать должности по сборамъ неокладныхъ доходовъ [2]).

Итакъ, и въ этомъ отношеніи общественная несостоятельность заставила Петра отказаться отъ осуществленія благодѣтельной мѣры. Такія неудачи встрѣчалъ онъ на каждомъ шагу, въ каждомъ своемъ начинаніи.

Но Петръ не былъ изъ числа тѣхъ малодушныхъ людей, которыхъ неудачи лишаютъ энергіи и предпріимчивости. Убѣдившись въ нравственной и матеріальной несостоятельности своего народа, онъ не могъ отказаться отъ вѣры въ возможность для него достигнуть высшихъ ступеней цивилизаціи; опору этой вѣры онъ носилъ въ себѣ, въ задаткахъ своей богатой русской природы. Сравнивая русскій бытъ съ бытомъ цивилизованныхъ сосѣдей, онъ весьма естественно приписалъ преувеличенное значеніе соціальнымъ формамъ Запада, и оставляя въ сторонѣ самостоятельные историческіе задатки русскаго государственнаго развитія, захотѣлъ не только направить его по тому пути, по которому шло развитіе западно-европейскихъ государствъ, но перенесть въ Россію даже совершенно внѣшнія и случайныя условія ихъ быта.

При регламентѣ главнаго магистрата приложенъ „формуляръ къ описанію жителей въ городѣ и оныхъ художествъ". Въ немъ выска-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 3966.

[2]) Полн. Собр. Закон. № 4388, 4620.

залось, какъ много вѣрилъ великій преобразователь во всемогущую силу чуждыхъ учрежденій, перенесенныхъ имъ на русскую почву. Всегда трезвый, практическій, Петръ становится въ этомъ случаѣ мечтателемъ. Ему уже представлялись родные города достигшими своего европейскаго прототипа. Въ спискахъ о населеніи русскихъ городовъ онъ назначалъ особыя рубрики для записки проживающихъ въ нихъ докторовъ, ученыхъ, часовыхъ мастеровъ, живописцевъ, банкировъ!

Но при Петрѣ новое направленіе не успѣло вполнѣ развиться и выразиться во всѣхъ своихъ послѣдствіяхъ. Преемники его не унаслѣдовали его настойчивости, съ которою онъ старался „купечество и мануфактуры размножить", и Петровскія учрежденія приходятъ при нихъ въ упадокъ. Подражательныя намѣренія Петра осуществились при другихъ только условіяхъ въ царствованіе Екатерины II. Поэтому изслѣдованіе вопроса, какъ отразилось усвоеніе чуждыхъ соціальныхъ формъ на судьбахъ состоянія торгово-промышленныхъ людей, будетъ предметомъ дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованій.

Въ заключеніе намъ остается прослѣдить въ общемъ очеркѣ судьбы состоянія торгово-промышленныхъ людей при преемникахъ Петра до возстановленія магистрата при Елисаветѣ Петровнѣ.

Петръ не оставилъ по себѣ наслѣдника своего генія и своей могучей воли. Кормило правленія фактически перешло въ руки совѣта олигарховъ и утратило силу личной энергіи, необходимую для того, чтобы продолжать дѣло, завѣщанное преобразователемъ.

Устройство состоянія городскихъ обывателей и органовъ его управленія, созданное Петромъ во вторую половину его царствованія, начинаетъ извращаться уже со времени Екатерины I. Въ самый годъ его смерти сборъ таможенныхъ и другихъ неокладныхъ доходовъ былъ возложенъ на отвѣтственность магистратовъ [1]). Это прямо противорѣчило планамъ Петра, который избавилъ магистраты отъ всякой отвѣтственности по сборамъ, и извращало характеръ самаго учрежденія.

Въ 1727 году солдаты были окончательно отставлены отъ всякихъ сборовъ, потому что содержаніе ихъ стоило 70.000 рублей и пользы отъ того не видѣлось. Неокладные доходы были предоставлены магистратамъ въ откупное содержаніе, а которые изъ нихъ не желали

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 4751.

принять на себя соединенной съ тѣмъ отвѣтственности, въ тѣхъ городахъ указано было приставлять къ сборамъ и промысламъ выборныхъ посадскихъ людей; сборъ подушной подати былъ также изъятъ изъ вѣдомства полковъ, размѣщенныхъ по губерніямъ, и подчиненъ надзору воеводъ и губернаторовъ [1]).

Очевидно, правительство возвратилось къ прежнему исключительному взгляду на общинныя городскія учрежденія, какъ на отвѣтственныя установленія по сборамъ государевыхъ доходовъ. Въ своемъ поворотѣ къ старымъ порядкамъ оно указало давать жалованье только президентамъ и членамъ магистратовъ, а приказнымъ, которые при нихъ состояли, по прежнему довольствоваться отъ дѣлъ [2]); дворцовые и монастырскіе крестьяне стали, какъ и до 1699 года, выбираться въ головы и цѣловальники на ряду съ посадскими [3]); наконецъ, самые магистраты были подчинены надсмотру воеводъ и губернаторовъ [4]). Это сдѣлано было, какъ объяснялъ указъ, „для лучшаго посадскихъ охраненія". Маркизъ де-ла-Шетарди объясняетъ это иначе. Онъ говоритъ, что власть воеводъ была возстановлена, потому что князь Меншиковъ, „извѣстный своею жадностію къ деньгамъ", надѣялся брать большія суммы отъ опредѣляемыхъ къ воеводскимъ мѣстамъ [5]). Но какова бы ни была случайная причина возвращенія къ старому порядку, нельзя не замѣтить, что преемница Петра и верховники, разрушая дѣло великаго преобразователя, старались съ другой стороны облегчить обременительность земскаго тягла.

Такъ, Екатерина I, вскорѣ по вступленіи на престолъ, понизила подати на четыре копѣйки съ души [6]). При ней же, въ 1727 году, установлены были двѣ коммиссіи: одна для того, чтобы найдти и указать средства облегчить податныя обязанности крестьянства, и особая коммиссія для „поправленія и разсмотрѣнія купечества". При этомъ объявлено было: „ежели который городъ или кто и партикулярно въ купечествѣ имѣетъ какое неудовольствіе или въ чемъ признаваетъ тягость или усмотрительство къ умноженію купечества полезно быть можетъ, то о томъ объявлять безъ всякаго сумленія и опасенія" [7]).

---

1) Полн. Собр. Закон. №№ 5010, 5016, 5017, 5.
2) Полн. Собр. Закон. № 4897.
3) Полн. Собр. Закон. № 4950.
4) Полн. Собр. Закон. № 5017, 2.
5) Маркизъ де-ла-Шетарди въ Россіи, стр. 78.
6) Полн. Собр. Закон. № 4650.
7) Полн. Собр. Закон. №№ 5010, 5043, 5093.

Въ облегченіе торгово-промышленнаго состоянія указано было наложить всякіе сборы на магистраты „въ посредственный, а не въ самый великій окладъ“, и полковники и солдаты были устранены отъ сборовъ подушныхъ денегъ, потому что такой способъ взиманія податей отягощалъ народъ [1]). Въ Москвѣ была отмѣнена поворотная пошлина [2]). Наконецъ, дозволена была вольная продажа табаку, „дабы купечество отъ прежде бывшей при табачной продажѣ службы не только было свободно, но тѣмъ табачнымъ торгомъ пользовалось“ [3]).

Для избавленія торговыхъ людей отъ стѣснительныхъ и убыточныхъ въ торговомъ дѣлѣ проволочекъ и въ видахъ того, что купечество русское, по давнему обычаю, совершало свои торговыя сдѣлки на вѣру, безъ крѣпостей, а по Уложенію и указамъ въ судебныхъ мѣстахъ допускались только иски по документальнымъ свидѣтельствамъ, еще въ 1726 году возстановленъ былъ таможенный судъ для дѣлъ по осмотрамъ и перевозамъ товаровъ и торговымъ словеснымъ сдѣлкамъ. Апелляціи на торговый таможенный судъ указано было подавать въ коммерцъ-коллегію, а оттуда дѣло по апелляціи переходило въ сенатъ [4]).

Главный магистратъ, вмѣстѣ съ измѣненіемъ характера Петровскихъ учрежденій подчиненіемъ городскихъ магистратовъ воеводамъ, утратилъ свое назначеніе, и при Петрѣ II, указомъ 18-го августа 1728 года, былъ упраздненъ [5]). Для производства суда надъ Петербургскимъ купечествомъ оставлены были только бургомистръ и два бурмистра, которыхъ указано было впредь выбирать погодно. Дѣла иностранныхъ купцовъ перенесены были въ коммерцъ-коллегію, а на русскихъ купцовъ имъ указано бить челомъ въ ратушѣ [6]). Но вскорѣ потомъ велѣно было и иски на иностранцевъ подавать въ ратушу [7]). Городскіе магистраты были также уничтожены и замѣнены ратушами, въ которыхъ стали по прежнему засѣдать смѣняемые по выбору бурмистры [8]). Судъ и расправа надъ горожанами во всѣхъ дѣлахъ, кромѣ разбойныхъ и татебныхъ, которыя подлежали, какъ и встарь, суду

---

1) Полн. Собр. Закон. №№ 5016, 5017, 5.
2) Полн. Собр. Закон. № 5125.
3) Полн. Собр. Закон. № 5164.
4) Полн. Собр. Закон. №№ 4792, 4828.
5) Полн. Собр. Закон. № 5142.
6) Полн. Собр. Закон. № 5166.
7) Полн. Собр. Закон. № 5270.
8) Полн. Собр. Закон. № 5302.

губернаторовъ и воеводъ, были предоставлены городскимъ ратушамъ. На проволочки, несправедливость суда и притѣсненія указано было бить челомъ на бурмистровъ—воеводамъ, на воеводъ—губернаторамъ, а на этихъ послѣднихъ юстицъ-коллегіи [1]).

„Храмина, собранная" и устроенная Петромъ, разсыпалась, потому что не была построена на исторической почвѣ и могла только поддерживаться личною энергіею.

Общинная организація снова получила свой народный характеръ. Мысль о надѣленіи первостатейныхъ гражданъ особыми привилегіями не только была оставлена, но даже изглажены были послѣдніе слѣды уцѣлѣвшихъ дотолѣ сословныхъ привилегій прежняго времени.

17-го іюня 1728 года сенатъ приказалъ гостямъ и гостинной сотнѣ быть въ подушномъ окладѣ и въ службахъ съ прочими посадскими на ряду и верстаться между собою по богатству сообща, а не особо [2]).

Окладная подать посадскаго состоянія опредѣлилась въ рубль двадцать копѣекъ, крѣпостныхъ купеческихъ работниковъ — въ семьдесятъ копѣекъ, и крестьянъ, приписанныхъ по торгамъ къ посаду, которые платили семидесятикопѣечную подать по крестьянству особо,— въ сорокъ копѣекъ съ души [3]). Къ сборамъ государевыхъ доходовъ по прежнему выбирались купеческіе люди [4]). Въ царствованіе Анны Іоанновны эти сборы снова стали отдаваться на откупъ ратушамъ, какъ прежде магистратамъ [5]), что едва-ли было благопріятно для общины, подчиненной ратушскому вѣдомству, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ срокъ службы былъ продолженъ для членовъ ратуши на три года [6]). Къ прежнему погодному сроку возвратились только въ 1739 году вслѣдствіе жалобъ купечества на то, что оно отъ продолжительности службъ отстаетъ отъ торговъ и приходитъ въ раззореніе [7]).

Вообще положеніе податныхъ классовъ при Аннѣ Іоанновнѣ ухудшилось. Устраненные Екатериною отъ сборовъ подушной подати полковники и солдаты, вслѣдствіе того, что они обременительными эк-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 5333, 10.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 5300.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 5333, 10.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 5794, 2.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 5789, 20.
[6]) Полн. Собр. Закон. № 5794, 1.
[7]) Полн. Собр. Закон. № 7728.

зекуціями отягощали народъ, снова были призваны къ сборамъ, потому что „послабленіемъ многая на крестьянахъ доимка запущена“ [1]). Строгое взысканіе недоимокъ и возможно большее увеличеніе государственныхъ доходовъ, какъ и при Петрѣ Великомъ, указывается правительственнымъ учрежденіямъ, какъ главное ихъ назначеніе [2]). Но при Петрѣ деньги шли на расширеніе предѣловъ государства, устройство флота и размноженіе мануфактуръ и фабрикъ, а во времена Анны Іоанновны безполезно тратились на придворные праздники, на содержаніе конюшень Бирона, на подкупы Поляковъ въ пользу пріобрѣтенія ему герцогской короны и на ненужныя раззорительныя войны.

Полицейскія обязанности по прежнему лежали тягломъ на общинахъ. Городскимъ ратушамъ, подъ надзоромъ воеводъ и губернаторовъ, указывалось наблюдать за выполненіемъ положеній относительно постройки и отопленія жилыхъ строеній и бань и другихъ правилъ, установленныхъ въ видахъ береженія отъ пожаровъ. Бурмистры должны были смотрѣть за тѣмъ, чтобы въ рядахъ, въ которыхъ продавались харчи, отнюдь ничего гнилаго и нездороваго не выставлялось на продажу, надзирать, чтобъ и вѣсы были повсюду заорленныхъ (съ печатью гербоваго орла) формъ и наблюдать за всякими публичными заведеніями. При воеводахъ для полицейскихъ дѣлъ назначались особые офицеры [3]). Въ 1733 году генералъ-лейтенантъ князь Гессенъ-Гомбургскій, по прибытіи изъ Астрахани, представилъ правительству, что въ этомъ городѣ въ лѣтнее время отъ значительнаго стеченія всякаго народа и отсутствія присмотра за чистотою улицъ, воздухъ дѣлается заразительнымъ. Въ то же время Вологодскій воевода донесъ, что опредѣленный въ Вологдѣ къ полицейскимъ дѣламъ офицеръ взятъ отъ этихъ дѣлъ губернаторомъ. Представляя эти случаи, полиціймейстерская Петербургская канцелярія доложила государынѣ, не соизволитъ ли она въ городахъ, реестръ которыхъ при докладѣ прилагался, быть особымъ полиціямъ, состоящимъ изъ полиціймейстера, унтеръ-офицера, капрала, восьми рядовыхъ въ губернскомъ и шести въ провинціальномъ городѣ и изъ двухъ канцелярскихъ служителей. Полиція по этому докладу должна быть составлена изъ мѣстныхъ гарнизоновъ, жалованье же и продовольствіе должно было идти на

---

[1]) Полн. Собр. Закон. №№ 5638, 5876.
[2]) См. Регламентъ коммерцъ-коллегіи, № 5789.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 5333, 39—43, 44, 45...

нее изъ доходовъ губерній. Государыня положила: „быть по сему представленію въ показанныхъ городахъ полиціямъ“ [1]). Но въ 1737 году сенатъ нашелъ, что такъ какъ опредѣленнымъ въ полиціи офицерамъ нужно давать жалованье и отъ того будетъ казнѣ убытокъ, а обыватели будутъ терпѣть отъ полицейскихъ всякія обиды, то лучше по старому возложить выполненіе полицейскихъ обязанностей на ратуши [2]).

Такимъ образомъ время отъ смерти Петра до возстановленія магистратовъ было временемъ реакціи тому крайнему направленію, въ какое вдалась дѣятельность великаго преобразователя. Для того чтобы поддерживать съ прежнею энергіею начатую реформу, требовались люди, проникнутые идеею преобразованія, какъ былъ ею проникнутъ Петръ, требовались также и средства. Но такихъ людей не было, а денежныя средства тратились не производительно. Понятно, что искусственно возбужденное развитіе снова улеглось и направилось своимъ естественнымъ путемъ, или если можно такъ выразиться, вошло въ свое историческое русло.

Но мысль Петра о размноженіи купечества и мануфактуръ и объ устройствѣ торгово-промышленнаго состоянія не была забыта, и нерѣшительныя попытки возстановить Петровскія учрежденія и продолжать начатое имъ дѣло время отъ времени повторялись.

Такъ, при Екатеринѣ еще продолжались посылки торговыхъ людей за границу для обученія [3]); но потомъ не только такія посылки прекратились, но даже совершенно забыли о тѣхъ, которые были отосланы въ чужіе края [4]).

Въ 1731 году, въ видахъ того, чтобы отправленіе купеческими людьми службъ не подрывало торговъ, сенатъ установилъ слѣдующія правила. Одинокихъ купцовъ указано было выбирать въ службы только въ крайнихъ случаяхъ. Отъѣзжія службы торговыхъ людей въ коллегіяхъ и канцеляріяхъ были отмѣнены, „дабы купечество такими отлучками въ торгахъ и промыслахъ не имѣло помѣшательства“.

Столь же разорительны по своей продолжительности были для купечества отчеты, которые они отдавали по окончаніи срока своихъ службъ по таможеннымъ и кабацкимъ сборамъ. Съ этими счетами ихъ продерживали по нѣскольку лѣтъ. Вслѣдствіе этого предписано

[1]) Полн. Собр. Закон. № 6378.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 7211.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 4731.
[4]) См. Вѣстникъ Европы 1867 г., кн. 1. «К. Кантеміръ въ Лондонѣ».

было, если счеты не будутъ окончены въ теченіе мѣсяца, складывать ихъ на ратуши [1]).

18-го марта 1732 года коммиссія коммерціи представила, что для распространенія купечества и коммерціи необходимо возстановить въ С.-Петербургѣ магистратъ и тамошнему купечеству „награжденіе и вольность показать“. Хотя на этотъ докладъ и положена была резолюція: „по сему сочинить надлежащій регламентъ и представить намъ“ [2]), но магистратъ не устроился. Что было тому причиною? Вѣроятно, то же, что и въ 1740 году, когда сенатъ объявилъ, что „объ учрежденіи магистрата, за много нужнѣйшими по именнымъ указамъ отправленіями, вскорѣ ему разсужденіе учинить не возможно“ [3]).

Въ 1734 году построенъ былъ на устьѣ рѣки Оры городъ Оренбургъ. На радостяхъ, что киргизъ-кайсацкій народъ и Каракалпаки, занимавшіе тотъ край, „безъ всякаго движенія нашихъ войскъ, но изъ своей воли въ наше вѣчное подданство вновь вошли“, вновь построенный городъ былъ пожалованъ привилегіями.

Велѣно было быть въ немъ магистрату въ составѣ трехъ бургомистровъ и шести ратмановъ. Этому магистрату указано было вѣдать судъ и расправу надъ горожанами и устраивать церкви, школы и богадѣльни, на содержаніе которыхъ опредѣлена была часть изъ таможенныхъ, кабацкихъ и другихъ сборовъ [4]).

Въ 1740 году, по резолюціи кабинета, на поданное отъ Петербургскаго гражданства донесеніе объ учрежденіи магистрата и объ опредѣленіи въ ратушу одного постояннаго члена съ жалованьемъ, велѣно было сенату имѣть о томъ разсужденіе. Сенатъ нашелъ, что дѣйствительно необходимо было назначить въ ратушу постояннаго члена съ жалованьемъ, потому что безъ главнаго начальника ежегодно смѣняющіеся бурмистры „какъ къ распорядкамъ гражданскимъ попеченіе, такъ и къ защищенію гражданъ смѣлости не имѣютъ“. По докладу сената положено было быть въ ратушѣ полковнику Языкову, при чемъ онъ былъ пожалованъ статскимъ совѣтникомъ [5]).

Въ 1742 году велѣно было для сборовъ съ купечества и для отправленія всякихъ касающихся купечества дѣлъ, быть выборнымъ отъ трехъ гильдій старшинамъ и старостамъ съ товарищами. Старши-

---

[1]) Полн. Собр. Закон. № 5794, 4, 8, 9.
[2]) Полн. Собр. Закон. № 5994.
[3]) Полн. Собр. Закон. № 8283.
[4]) Полн. Собр. Закон. № 6584.
[5]) Полн. Собр. Закон. № 8283.

намъ указано было сообщать старостамъ ратушскія распоряженія для неотложнаго съ ихъ стороны исполненія ихъ. Они же вмѣстѣ съ старостами и по совѣту съ гражданами должны были раскладывать уравнительно съ состояніемъ каждаго всякія подати по каждой изъ гильдій особенно. На гильдейскихъ старшинъ и старостъ была возложена также обязанность смотрѣть, чтобы гражданамъ отъ постороннихъ людей въ ихъ торгахъ и промыслахъ насильства, а пріѣзжимъ купцамъ и уѣзднымъ людямъ отъ горожанъ утѣсненія и принужденія не было. Желающіе выѣхать изъ города должны были брать въ своихъ гильдіяхъ паспорты; въ обязанность старостъ и старшинъ поставлено было также наблюдать за выборомъ торговыхъ людей въ различныя службы и къ казеннымъ сборамъ. И хотя бы тѣ сборы и не были подвѣдомственны ратушѣ, имъ во всякомъ случаѣ указывалось смотрѣть, чтобы на гражданъ не накладывалось начетовъ и въ особенности, чтобъ ихъ не держали долго при сдачѣ отчетовъ. Обо всемъ, что замѣчено будетъ ими въ этомъ отношеніи, указывалось имъ доводить до свѣдѣнія ратуши. На ея же усмотрѣніе обязаны они были подавать свои мнѣнія о томъ, что они признаютъ полезнымъ для торговли [1]. Это учрежденіе было переходомъ къ возстановленію учрежденій Петра Великаго.

21-го мая 1743 года, по докладу сената, велѣно было открыть въ С.-Петербургѣ главный магистратъ, а въ прочихъ городахъ магистраты на прежнемъ основаніи [2].

Такимъ образомъ дочь Петра возстановила падшее учрежденіе великаго отца, и оно стало лицомъ къ лицу съ однородными преобразованіями Екатерины II, словно затѣмъ, чтобы сдѣлать нагляднѣе для будущаго историка сопоставленіе преобразовательной дѣятельности двухъ великихъ историческихъ дѣятелей XVIII вѣка.

---

[1] Полн. Собр. Закон. № 8504.

[2] Полн. Собр. Закон. № 8734.

ПОПРАВКИ.

На стр. 74, въ строкѣ 17-й сверху, послѣ словъ: „не изворовались" *слѣдуетъ* уничтожить ссылку, а соотвѣтствующую ей выноску (Акты Ист. IV, № 8) перенести на стр. 75, обозначивъ 1-ю, а остальныя выноски той же 75-й стран. — слѣдующими нумерами, при чемъ 3-я выноска (Акты. Истор. V, стр. 27) должна относиться къ словамъ въ текстѣ (6-я стр. сверху): „безвинно засаживали ихъ въ тюрьму".

На стр. 80 выноска 1-я „Тамъ же 27", то-есть, 27-я статья VII гл. Котоших.) должна быть отнесена на стр. 79-ю къ словамъ текста (3-я строка снизу): „этотъ же приказъ вызывалъ изъ городовъ въ Москву для построекъ тяглыхъ каменьщиковъ", а вслѣдствіе этой перестановки нумера всѣхъ выносокъ на стр. 80—88 должны быть уменьшаемы на 1.

На стр. 88, послѣ словъ: „поморцы вмѣстѣ съ ясачными инородцами выдѣлились при Петрѣ Великомъ въ особый классъ государственныхъ крестьянъ", слѣдуетъ поставить въ выноскѣ не „Котошихинъ, гл. XI, 6, 1. 10", а „Полн. Собр. Зак. № 4332", а въ текстѣ вмѣсто: „Другіе уѣзды тянули по своему управленію къ городамъ", слѣдуетъ читать: „Другіе *промышленные* уѣзды тянули по своему управленію къ городамъ".

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

I Отдѣлъ: Происхожденіе состоянія городскихъ обывателей въ Россіи.

Введеніе 1

Глава I. Торговые и посадскіе люди до Уложенія 1649 года . . 10

Глава II. Эпоха Уложенія и ходъ образованія состоянія торгово-промышленныхъ людей до Петра Великаго 65

II Отдѣлъ: Организація состоянія городскихъ обывателей въ Россіи при Петрѣ Великомъ.

Глава I. Устройство торгово-промышленнаго состоянія до учрежденія коллегій и магистратовъ 101

Глава II. Учрежденіе коллегій и магистратовъ и организація городскихъ обывателей 139

Stanford University Libraries
3 6105 017 368 023

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493
All books may be recalled after 7 days
DATE DUE

